

EESTI NSV TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOI TOIMETISED
УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
FILOLOOGILISED TEADUSED **4** ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ÕUKOGUDE SOOME-UGRI TEADUSED **3** СОВЕТСКОЕ ФИННОУГРОВЕДЕНИЕ

FILOLOOGILISI ETTEKANDEID

PEETUD SOOME-UGRI TEADUSTE KONVERENTSIL LENINGRADIS 1947. A.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

НА КОНФЕРЕНЦИИ ПО ВОПРОСАМ ФИННОУГОРСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
В ЛЕНИНГРАДЕ В 1947 Г.

РК „TEADUSLIK KIRJANDUS“

EESTI NSV TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
FILOLOOGILISED TEADUSED 4 ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
NÕUKOGUDE SOOME-UGRI TEADUSED 3 СОВЕТСКОЕ ФИННОУГРОВЕДЕНИЕ

FILOLOOGILISI ETTEKANDEID

PEETUD SOOME-UGRI TEADUSTE KONVERENTSIL LENINGRADIS 1947. A.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

НА КОНФЕРЕНЦИИ ПО ВОПРОСАМ ФИННОУГОРСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
В ЛЕНИНГРАДЕ В 1947 Г.

RK „TEADUSLIK KIRJANDUS“

TARTU, 1947

TRÜ SOOME-UGRI KEELTE KATEEDER.
JUHATAJA prof. dr. phil. P. A R I S T E.

КАФЕДРА ФИННОУГОРСКИХ ЯЗЫКОВ ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА.

ЗАВЕДУЮЩИЙ проф. д-р фил. наук П. А Р И С Т Э.

„TOIMETISTE“ KOLLEGIUM: dots. E. T A L V I K, prof. A. V A L D E S,
prof. K. O R V I K U, dots. A. V A S S A R, prof. J. T E H V E R, dots. A. M U U G A.
PEATOIMETAJA: dots. K. T A E V. TOIMETAJA: dots. R. K L E I S

Eessõna.

23. jaanuarist 4. veebruarini 1947 a. peeti Leningradi Riiklikus Lenini Ordeni Ülikoolis soome-ugri teaduste konverents, millest võttis osa Tartu Riikliku Ülikooli õppejõude kas Ülikooli esindajatena või isiklikul algatusel. Mainitud konverents oli esimene selleulatuseline ning selle tähtsus on soome-ugri teaduste edaspidises arengus õige suur. Konverentsil toodi ülevaateid nendest tähelepandavatest tulemustest, mis nõukogude teadus on saavutanud soome-ugri rahvaste muinasaja, ajaloo, etnograafia, rahvaluule, etnogeneesi, glotogeneesi, toponüümika, keeleajaloo, murdeuurimise, kirjaajaloo jne. alal. Niisugust laialdast uurimistööd soome-ugri rahvaste kohta, nagu seda nõukogude teadus on ette võtnud, võib teha ainult Nõukogude Liidus juba üksnes sellegi tõttu, et siin on kõik soome-ugri rahvad esindatud paiksate kodanikkudena ungarlastest laplasteni. Suuremail soome-ugri rahvail on oma ülikoolid, akadeemiad ja muud uurimisasutised, vähemal on taas teaduslikud uurimisinstituudid, mis kõik on teinud tõhusat tööd asjaomaste rahvaste tundmaõppimiseks.

Eesti esindajad pidasid konverentsil kaheksa ettekannet, mis võeti vastu ning kiideti heaks konverentsi poolt. Need ettekanded avaldatakse käesolevas koguteoses. Ettekannete teemad käsitlevad soome-ugri keelte harrastust Tartu Ülikoolis, eesti murdeuurimist ning selle meetodikat, eesti rahvaluule uurimist, lõuna-eesti murrete mitmuse nimetava ning mõnede teiste tunnuste lähtevormi, eesti ja vene keelelisi suhteid, eesti ning liivi keele mõju läti keelele ja eesti keelele lähima sugukeele, vadjä keele tekkimist.

Leningradi Ülikooli kirjastuskavades on ette nähtud konverentsil peetud kõnede trükis avaldamine. Arvukate ettekannete avaldamine võtaks ühe asutise piirides küllaltki aega. Et ettekanded ilmuksid siiski võimalikult peatselt lugejaskonna ette, selleks on eri liidu- ja autonoomsete vabariikide teaduslikud asutised teinud enese kohuseks oma esindajate tööde publitseerimise. Nõnda siis on Tartu Riiklik Ülikoolgi võimaldanud eesti esindajate tööde ilmumise oma Toimetiste sarjas.

Koguteos kannab peale Tartu Riikliku Ülikooli Toimetiste sarja numeratsiooni veel teisegi sarja numeratsiooni, s. o. „Nõukogude Soome-ugri Teaduste“ sarja oma. Viimane sari on üleliiduline, mis hõlmab kogu Nõukogude Liidus ilmuvat eesrindlikku soome-ugri teadust.

Soome-ugri teaduste konverentsi algatajaks ning juhiks on olnud NSVL Teaduste Akadeemia kirjavahetajaliige, Leningradi Ülikooli soome-ugri keelte kateedri juhataja professor dr. phil. D. Bubrich. Olgu temale selle koguteose ilmumisega avaldatud siiras tänu tehtud töö ning nõuande eest.

Toimetaja.

Предисловие.

С 23 января по 4 февраля 1947 года в Ленинградском Государственном Ордена Ленина Университете состоялась научная конференция по вопросам финноугорской филологии, в которой участвовали и преподаватели Тартуского Государственного Университета, в качестве его делегатов или же по своей инициативе. Эта конференция в таком объёме была первой, и её значение для дальнейшего развития финноугроведения весьма велико. На конференции были даны обзоры выдающихся достижений советской науки в области археологии, истории, этнографии, фольклора, этногенеза, глоттогенеза, топонимики, истории языка, диалектологии, истории письма и т. д. финноугорских народов. Такая обширная исследовательская работа в области финноугроведения может проводиться только в Советском Союзе, уже в силу того обстоятельства, что в нём представлены в качестве коренных жителей все финноугорские народы, начиная венграми и кончая лопарями. Более крупные из них имеют свои университеты, академии и прочие исследовательские учреждения, но и менее крупные располагают национальными научно-исследовательскими институтами. Все эти научные учреждения успешно работают в области исследования языка, быта и культуры соответствующих народов.

Представители Советской Эстонии сделали на конференции восемь докладов, которые были приняты и одобрены. Эти доклады публикуются в настоящем сборнике. Они посвящены вопросам изучения финноугорских языков в Тартуском Университете, исследования эстонских диалектов, методов их исследования, собирания эстонского фольклора, исходных форм именительного падежа множественного числа и некоторых других грамматических категорий в южноэстонских диалектах, исследования русско-эстонских и эстонско-ливско-латышских языковых связей, а также происхождения ближайшего эстонскому языку — языка води.

В плане изданий Ленинградского Госуниверситета предусмотрено и опубликование прочитанных на конференции докладов.

Однако, ввиду большого числа докладов, опубликование их в пределах одного учреждения потребовало бы продолжительного времени. В целях ускорения этого дела научные учреждения отдельных союзных и автономных республик взяли на себя издание докладов своих представителей. Тартуский Государственный Университет в свою очередь дал возможность опубликовать доклады эстонских делегатов в серии своих Учёных Записок.

Кроме нумерации серии Учёных Записок Тартуского Государственного Университета, сборник носит ещё нумерацию и другой серии — „Советского Финноугроведения“, охватывающей издания передовой финноугорской науки во всём Советском Союзе.

Инициатором и руководителем конференции по вопросам финноугорской филологии был член-корреспондент Академии Наук СССР, заведующий кафедрой финноугорских языков Ленинградского Университета, профессор, доктор филологических наук Д. В. Бубрих. Пусть издание этого сборника явится выражением нашей искренней благодарности ему за труды и советы.

Редактор.

Ливские и эстонские элементы в латышском языке.

Как известно, финские и балтийские народы жили в отдалённом прошлом в непосредственном соседстве. Когда и где это было, об этом нет ещё у исследователей согласного мнения, и мы не будем здесь ближе рассматривать этот вопрос. Бесспорно, что эти народы были издавна в тесном соприкосновении, что давало повод к взаимным культурным влияниям, а с этим было связано и заимствование слов друг у друга. С одной стороны, появилось много балтийских заимствований в финских языках, с другой же стороны — финских заимствований в балтийских языках. Уже на основании одних этих заимствований мы можем сделать заключение о существовании в прошлом соприкосновений между этими народами, как и о культурных связях между ними. Взаимные же влияния между латышами с одной и ливами и эстонцами с другой стороны продолжаются и поныне, так как эти народы живут рядом друг с другом.

Если мы рассмотрим карту народонаселения Латвии середины XIII столетия¹, то увидим, что там на северо-востоке отмечено на обширном пространстве местожительство балтийского племени латгалов (*latgali*, также *letgali*), на юге селонов (*sēļi*), земгалов (*zemgali*) и куронов-корси (*kursi*), в северо-западной же части Курляндии и на широкой приморской полосе Ливонии, начиная от Даугавы на север и до границы Эстонии, местожительство ливов. То балтийское племя (латгалы), которое стало основным элементом теперешнего латышского народа, и из языка которого развился современный латышский язык, обладало замечательными способностями ассимиляции. Язык латгалов распространяется во время своего развития и за непосредственные границы древней Латгалии, поглощая в себя близкие ему языки селонов и земгалов, а также более отдалённый и своеобразный язык куронов. Так как непосредственные языковые памятники и детальные исторические све-

¹ Latvijas konversācijas vārdnīca, Rīga 1927.

дения об этих более древних временах отсутствуют, то до сих пор было невозможно проследить постепенное распространение древнего латгальского языка, как и развитие латышского языка в областях других племён.

Установлено однако, что XVI век и начало XVII века — это период, когда латышский язык распространяется по всей теперешней территории Латвии, где он становится единственным языком туземцев, ассимилируя в себя языки всех балтийских племён, живущих на этой территории. Нелатышскими остались тогда только ливские области северо-западной Курляндии и западного приморья Ливонии.

Теперь же, как нам известно, и ливский народ почти целиком слился с латышским. На северо-западном побережье Курляндии в 1881 году жило ещё, по тогдашним официальным данным, 2376 ливов. Однако по данным 1920 года их было уже только 831. В Ливонии же последний лив умер во второй половине XIX столетия².

Между тем это слияние ливского народа с латышским не прошло бесследно: ливы внесли свою долю в историю развития латышского языка и культуры латышского народа. В. Томсен (V. Thomsen), известный датский филолог, склонен, правда, думать, что в отношениях прибалтийско-финских и балтийских народов господствовало только одно направление заимствований, именно активной, дающей стороной были балтийские, а пассивной, воспринимающей стороной — прибалтийско-финские народы, с одним лишь исключением: латышский язык воспринял довольно много ливских слов. Такое мнение, конечно, односторонне, как указывает и Миккола (J. Mikkola), так как обе группы народов несомненно оказывали друг на друга влияние³.

Нашей задачей является рассмотреть несколько ближе ливские и эстонские элементы в латышском языке. Нельзя согласиться с господствовавшей до сих пор точкой зрения, что взаимные отношения финских и балтийских языков исчерпывающе исследованы в известной работе вышеупомянутого датского филолога В. Томсена „Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog“

² L. Posti, Grundzüge der Livischen Lautgeschichte (= Lautgeschichte). Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LXXXV, Helsinki 1942, стр. XIV. Fr. Adamičs, Dundagas izloksne. Filologu biedrības raksti (= FBR) III, Rīga 1923, стр. 95.

³ J. Mikkola, Vecākie sakari somu un baltu valodu starpā (= Vecākie sakari). Izglītības ministrijas mēnešraksts (= IMM) 1930, стр. 442.

(1890). Хотя этот труд и является основополагающим в своей области, оставаясь до сих пор единственным крупным исследованием отношений балтийских и финских народов, однако это не означает ещё, что всё в данной области сделано, и что поднятые вопросы и проблемы окончательно разрешены. К списку заимствований, приведённому Томсеном, уже сделаны значительные дополнения как финскими, так и балтийскими филологами. Имели место и некоторые переоценки томсеновских точек зрения.

Важнейшей частью работы Томсена считается глава, в которой впервые рассматривается и правильно объясняется развитие фонетики ливского языка. Однако, в области лексики некоторые сделанные Томсеном сопоставления слов оказались неустойчивыми или даже ошибочными, как это указывают И. Миккола, Я. Калима (J. Kalima), Л. Кеттунен (L. Kettunen) и другие.

Приведём некоторые примеры, которые цитировались до сих пор в известных филологических трудах, как научно доказанные случаи заимствования. К таковым принадлежит, например, эстонское слово *mets* 'лес', ливск. *mitsa* (финск. *metsä*, кар. *meččä*, *meččŷ*, водск. *mettsä*), которое Томсен выводит из лит. *medis*, др.-прусск. *median-*. Это сопоставление неправильно уже фонетически, ибо не доказано, что в финских языках *dj*, *tj* дают > *ts*. К тому же эстонское *mets*, финск. *metsä* имеют этимологическое соответствие в самоедских языках: *mač*, *mač'*, *matt'e*, *matt'eä* 'лес'⁴.

По мнению Миккола, нельзя также выводить финск. *perkele* 'чорт' — одно из известнейших финских слов — из лит. *perkūnas*, лат. *perkons* 'гроза', как это делает Томсен, ибо между этими словами нет семасиологически абсолютно ничего общего. Финск. *perkele* образовано при помощи древнего финноугорского суффикса *-ele* (например, финск. *ask-ele* 'шаг', мар. *aškil*, морд. *aškoľma*). В эстонском языке сохранился тот же корень в слове *põrg*, *põrgu* 'ад', которому в финском языке соответствует *perko*. *Perkele* означало бы таким образом жителя или духа ада⁵.

По предположению некоторых исследователей (Миккола, Калима, Тойвонен (Toivonen) и др.), также и лат. *cepure* 'шапка', *kadiķis* 'можжевелик', *māja* 'дом', *bura* 'парус', *laiva* 'судно' не являются оригиналами заимствований в финских языках, а наоборот сами заимствованы из последних. Что касается финск. *kypärä*, то Миккола

⁴ J. Kalima, Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat, Helsinki 1936, стр. 11.

⁵ J. Mikkola, Vecākie sakari, IMM, стр. 442.

отмечает между прочим, что и в лопарском языке встречается соответствующее слово. Кроме того, в финском языке имеется древнее, означающее головной убор слово с таким же суффиксом: *hytyrä*. Тот же суффикс встречается и в других финских словах, которые означают круглые предметы⁶. И Я. Эндзелин (J. Endzelins) не согласен с предположением Томсена, указывая относительно лат. *sepure*: „Am ehesten zu r. чепец“⁷.

По поводу лат. *kadiķis* следует сказать, что в балтийских языках нет другого названия дерева с таким же суффиксом (напр. лат. *egle* 'ель', *priede* 'сосна', *apse* 'осина', *bērzs* 'береза', *paeglis* 'можжевельник'), между тем как в прибалтийско-финских языках имеется целый ряд названий деревьев с суффиксом *-aja-*, из которого впоследствии образовались, например, в финском языке суффиксы *-aja* и *-ava*: *kataja* ~ *katava* 'можжевельник', *pihlaja-pihlava* 'рябина'.

О латышском слове *laiva* (эст. *laev*, ливск. *lōja*) в латышской энциклопедии отмечено, что трудно сказать, кто у кого заимствовал это слово, балтийские ли языки из прибалтийско-финских, или же наоборот. Миккола, Тойвонен и Калима определенно высказываются в пользу заимствования этого слова из финских языков балтийскими, вопреки мнению Томсена. Тойвонен сопоставляет финск. *laiva* с эрз-морд. *luv* 'ясли'.⁸

Мы привели здесь в качестве примеров лишь некоторые случаи переоценки позднейшими исследователями точек зрения Томсена. Относительно многих слов, действительно, трудно установить, являются ли они заимствованиями или коренными словами, и если являются заимствованиями, то откуда. Позволим себе привести ещё одно слово, в отношении которого следовало бы стать на противоположную мнению Томсена точку зрения. Это латышское слово *mente* 'kleine Holzschaufel zum Umrühren, Maischholz', лит. *mente* 'Rührschaufel', лат. *menturis* 'der Quirlstock, мутовка'. Из этого слова Томсен производит эст. *mänd*, ген. *männa* 'Quirl', ливск. *mändrōks*. Эндзелин отмечает относительно лат. *mente*: „Als Lehnwort aus dem Kurischen o. Livischen“⁹. По поводу этого слова следует сказать, что

⁶ J. Mikkola, *Vecākie sakari*, IMM, стр. 442.

⁷ K. Mülenbachs — J. Endzelīns, *Latviešu valodas vārdnīca*, Rīga 1923—.

⁸ Toivonen, *Finnisch-ugrische Forschungen*, Helsinki, XX, стр. 142—143; J. Kalima, *Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat*, стр. 129; J. Mikkola, *Vecākie sakari*, IMM 1930, стр. 442.

⁹ K. Mülenbachs — J. Endzelīns, *Latviešu valodas vārdnīca*.

и тут более вероятным представляется противоположное точке зрения Томсена мнение. К тому же это слово встречается в латышском языке и в форме *menda* 'большая палка', что Эндзелин считает возможным заимствованием из ливского языка. Предположение Эндзелина подтверждается и тем обстоятельством, что в балтийских языках это слово означает только „мутовку“, между тем как в финских оно означает и дерево (сравн. эст. *mänd*, ген *männi* 'Pinus silvestris', ливск. *mänd* 'junge Kiefer', финск. *mänty* 'Pinus silvestris'), каковое значение является первоначальным. Значение „мутовка“ в данном случае очевидно вторично: мутовку изготовляли из сосны. В качестве названия предмета домашнего обихода это слово и перешло в балтийские языки.

Кроме В. Томсена, на многие ливские и эстонские заимствования в латышском языке указал и Я. Эндзелин в большом словаре латышского языка,¹⁰ соавтором и редактором которого он был, а также в дополнительном томе к этому словарю, составленном самим Я. Эндзелином и Э. Хаузенберга (Е. Hauzenberga), причём автором этимологической части является Я. Эндзелин.

На многие ливские и эстонские заимствования в латышском языке указывает и Л. Кеттунен в своём словаре ливского языка¹¹, а также Я. Калима¹². Отдельные ливские и эстонские заимствования в латышском языке рассматривал ближе Х. Оянсуу (Н. Ojansuu)¹³. Дополнительные материалы к отношениям между ливско-эстонским и латышским языками можно найти также в статьях и описаниях латышских говоров, опубликованных в ежегодниках латышского Филологического Общества „Filologu biedrības raksti“ I—XX и в сборниках „Cēli“ I—X.

Говоря о ливских и эстонских элементах в латышском языке, нужно, прежде всего, остановиться на вопросе об ударении в этом последнем. Как известно, ударение в теперешнем латышском языке падает обыкновенно на первый слог, между тем как в других балтийских языках (и в языке куронов-корси) всё время сохранялось

¹⁰ K. Mülenbachs — J. Endzelīns, Latviešu valodas vārdnīca.

¹¹ L. Kettunen, Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung, Helsinki 1938.

¹² J. Kalima, Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat, Helsinki 1936.

¹³ H. Ojansuu, Lisiä suomalais-balttilaisiin kosketuksiin, Suomi V 1, Helsinki 1921.

свободное ударение. Было высказано мнение¹⁴, что перенесение ударения на первый слог в отдельном языке может произойти и без внешних влияний. Так Эндзелин предполагает, что причины перенесения ударения на первый слог в латышском языке могли корениться и в самом латышском языке, т. е. что начало этого явления могло возникнуть спонтанно. Позже этот процесс развился до конца уже под влиянием чужого языка. По мнению Эндзелина, таким внешним фактором влияния не мог быть немецкий язык, как это предполагалось некоторыми исследователями, так как в немецком языке ударение на первом слоге вовсе не является общей нормой. Скорее мог оказать такое влияние ливский язык: „Natürlicher ist es, an den Einfluss lettisirter Liven zu denken“.¹⁵ То же самое предполагают В. Томсен¹⁶ и А. Беценбергер (A. Bezenberger)¹⁷.

Влиянием ливского языка следует объяснять и имеющиеся в современном латышском языке сложные явления интонаций, на исследование которых в последнее время было обращено большое внимание (Анна Абеле (Anna Abele) и др.) В древнем балтийском языке (как и в современном литовском языке) имела, как известно, место двоякая интонация: восходящая (акут) и нисходящая (циркумфлекс). Позже в латышском языке появилась третья, так называемая ломаная интонация. Когда в латышском языке ударение, которое раньше могло стоять и на втором, третьем и т. д. слоге, было перенесено на первый слог, то те восходяще интонированные слоги, которые раньше были предударными, стали произноситься с ломаной интонацией, например *galva* = лит. *galvą* 'голова', *āzis* = лит. *ožys* 'коза', *sirds* = лит. *širdis* 'сердце'. Те же восходяще интонированные слоги, на которые всегда падало ударение, произносятся и теперь восходяще, например *vārna* = лит. *vārna* 'ворона', *liēpa* = лит. *liepa* 'липа', *kaūls* = лит. *kaūlas* 'кость'.

С перенесением ударения на первый слог изменилась и интонация безударных слогов, а именно все предударные восходяще произносимые слоги приобрели ломаную интонацию, например, в

¹⁴ Например: К. Я в н и с, Поневежские говоры литовского языка. К. Г у к о в с к и й, Поневежский уезд, Ковно 1898, стр. 97, 106.

¹⁵ J. Endzelin, Lettische Grammatik (= Le. Gr.), Heidelberg 1923, стр. 20.

¹⁶ Beröringer, стр. 69.

¹⁷ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen XLIV, стр. 289.

локативе множественного числа: *galvās* = лит. *galvosė* 'в головах', *vagās* = лит. *vagosė* 'в бороздах' ¹⁸.

Если в более ранних лингвистических исследованиях говорится о трёх интонациях латышского языка, то в последнее время этот вопрос осложнился. Именно в 20-х годах настоящего века, когда стали более тщательно изучаться различные диалекты латышского языка, в говоре тамниек в Дундаге были открыты новые, своеобразные оттенки интонаций. На это впервые обратил внимание Ф. Адамович (F. Adamovičs) в своём описании говора „Dundagas izloksne“ ¹⁹. Более основательно трактует вопрос интонаций говора Дундага А. Абеле в детальном исследовании „Dundagas izloksnes intonācijas“ ²⁰. Итоги этих исследований показывают, что здесь действительно имеют место новые типы интонаций: восходяще-нисходящая и ломано-нисходящая. Вообще в говоре Дундага наблюдается всего четыре интонации. Долгие гласные имеют две основных интонации: восходящую и ломаную и две вторичных: восходяще-нисходящую и ломано-нисходящую. Вторичные интонации встречаются только в сокращённых словах. Перед звонким согласным в двусложных и многосложных словах гласный звук удлинился, если гласный следующего слога исчез. Интонация удлинённого гласного — восходяще-нисходящая, причём нисходящая часть обычно длиннее восходящей, падение сильнее подъёма, например: *dāb* ~ *daab* (< *daba*) 'природа', *kāz* (< *kaza*), 'коза', *vēdžes* (< *vedušies*) 'водившие', *vādt* (< *vadīt*) 'водить', *rēdzt* (< *redzet*) 'видеть'.

С ломано-нисходящей интонацией произносятся долгие слоги, которые раньше имели ломаную интонацию, если гласный в последующем слоге исчез. В говоре Дундага ломано-нисходящая интонация отличается от ломаной только следующей за смыканием нисходящей частью, которая значительно удлинена. Падение после смыкания сравнительно медленное и продолжается обычно до окончания произнесения гласного или дифтонга, например *kāad* (< *kāda*) 'кто-то'. Особенно отчётливо выявляются составные части этой интонации при дифтонгах. В таких слогах первая часть состоит из дифтонга с ломаной интонацией, а вторая — из повторения второго компонента дифтонга более слабым голосом, например *joūun maīiz*

¹⁸ J. Endzelīns, *Latviešu valodas skanas un formas* (= LVSF) Rīga 1938, стр. 19, 21; J. Endzelīns — K. Mūlenbachs, *Latviešu valodas gramatika*, стр. 20.

¹⁹ FBR III 1923, стр. 96.

²⁰ FBR IX 1929, стр. 168—198.

(*< jaūna maīze*) 'свежий хлеб', *steīdz* (*< steidza*) 'спешил', *steīgšes* (*< steigušies*) 'спешившие' ²¹.

В настоящем докладе в нашу задачу не входит более подробный анализ интонаций латышского языка. Как показывает этот краткий обзор вопроса, явления интонаций в латышском языке довольно сложны. Они объяснимы переносом ударения слова на первый слог и исчезновением гласной в конце и середине слова, что в свою очередь произошло, как мы увидим ниже, под влиянием ливского языка. Влияние ливского языка на развитие интонаций в латышском языке констатирует также А. А. Белле в своём труде „Piezīmes par Dundagas izloksnes fonetiku“ ²².

Остановимся ещё на некоторых характерных чертах, наблюдающихся в говорах диалекта тамниеков. Прежде всего нужно отметить, что в данном диалекте отсутствует грамматический род, который, как известно, вообще существует в латышском языке. Формы мужского рода заняли здесь место форм женского рода. Во всех говорах тамниеков, как указывает Я. Эндзелин, существительные женского рода, если они являются подлежащими (частично и дополнениями), заменяются местоимениями мужского рода, напр. *tas ir kalpam cūk* (= *tā ir kalpa cūka*) 'это свинья батрака'; *vinā aizgāj uz kūti* (= *viņa aizgāja uz kūti*) 'она пошла в хлев'. Прилагательное мужского рода употребляется в качестве сказуемого при подлежащем женского рода, и местоимение мужского рода как определение существительного женского рода, например *zem ir slapš* (= *zeme ir slapja*) 'земля мокра', *tas puķ ir gan smuks* (= *tā puķe ir gan smuka*) 'этот цветок красив', *diens ir gar* (= *dienas ir garas*) 'дни длинные', *tie meit's ir jaun* (= *tas meitas ir jaunas*) 'эти девушки молоды' ²³.

Поскольку в ливском языке (как в эстонском и других финских языках) отсутствует грамматический род, ясно, что выпадение форм женского рода в языковой практике упомянутых говоров можно объяснить только влиянием ливского. На влияние эстонского языка указывает Я. Велме, описывая говор окрестностей Руена. Он отмечает: „На этот говор имел большое влияние эстонский язык. Там почти целиком отсутствует женский род. Хотя существительные женского рода не приняли еще окончаний муж-

²¹ J. Endzelīns, LVSF, стр. 20; A. Ābele FBR IX, стр. 192; Fr. Adamovičs FBR III, стр. 96.

²² FBR VI 1926, стр. 24.

²³ J. Endzelin, Le Gr., стр. 341; J. Endzelīns, LVSF, стр. 4.

ского рода, однако все местоимения и прилагательные, относящиеся к существительным женского рода, приняли формы мужского рода, например: *tie meit's jau aizgāj uz pļav*, 'эти девушки уже ушли на луг', *saīmec biš ļuot neželīgs* 'хозяйка была очень беспощадна'²⁴.

Далее следует отметить сокращение слов, т. е. исчезновение конечного гласного и укорочение, а иногда и исчезновение гласных внутри слова. Те конечные гласные, которые были краткими или укоротились уже в древне-латышском языке, исчезли, причём краткий гласный в предшествующем слоге основы перед звонким согласным удлинился, напр. *dāb* (< *daba*) 'природа', *kāz* (< *kaza*) 'коза'. Однако, если в конце слога имеется глухой согласный, то этот последний удлиняется, наприм. *lap* (< *lapa*) 'лист', *ak* (< *aka*) 'колодец'. При этом в некоторых говорах, например в Дундаге, согласные *l, r, n, m* вокализуются > *l̥, r̥, n̥, m̥*, напр. *putr* (< *putra*) 'каша'; впоследствии здесь образовалось сочетание краткого гласного с последующим *l, r, n, m*, так, например, *putar* (< **putr* < *putra*), *beder* (< **bedr* < *bedre*) 'яма', *ager* (< **agr* < *agri*) 'рано', *vētar* (< **vētr* < *vetra*) 'буря', *aukal* (< **aukl* < *aukla*) 'верёвка'²⁵.

Приведём в качестве параллелей некоторые формы ливского языка, которые проделали повидимому аналогичный путь фонетического развития: *nōddōrz, nidrōz* (< **nē'dāra* < **nēdra* < **nētra*) 'слабый', *nōggōlz, niglōz* (< **nē'gāla* < **nēgla* < **nēkla*) 'иглолка', *kaggōl, kaglō* (< **ka'gl* < **kagāla* < **kagla* < **kakla*) 'шея'²⁶.

Укорочение долгих гласных суффиксов, которое встречается в северо-западной Латвии и вне непосредственных областей говоров тамниеков, объясняется, как предполагает Эндзелин, влиянием ливского языка, так как в прибалтийско-финских языках долгие гласные известны только в корневых слогах. В говорах самих тамниеков это укорочение продолжалось дальше, и укороченные гласные часто исчезали совсем, например: *goruz* (< *garoza*) 'корка хлеба', *labeb* (< *labiba*) 'злаки', *dev'tes* (< *devītais*) 'девятый', *izrun'tes* (< *izrunāties*) 'высказаться', *sūdz'te* (< *sūdzetāji*) 'жалующиеся'²⁷.

Я. Эндзелин говорит: „Влияние ливов и эстов мы можем заметить и в грамматике говоров. Мы часто замечаем также полное

²⁴ J. Velme, Rūjenes izloksne, FBR III 1923, стр. 49. •

²⁵ J. Endzelīns, LVSF, стр. 4—5; Ā. Ābele, FBR VI, стр. 25.

²⁶ L. Kettunen. Livisches Wörterbuch, стр. XXXVIII и 245; L. Posti, Grundzüge, стр. 181, 182.

²⁷ J. Endzelin, Le. Gr., стр. 44, 45.

совпадение во фразеологии и значении слов в латышском и ливском или эстонском языках²⁸.

К сожалению, до сих пор почти совершенно отсутствуют исследования соприкосновений эстонско-ливского и латышского языков, нашедших выражение в семантических и синтаксических заимствованиях, поэтому мы можем привести лишь отдельные примеры из этой области.

Первым об этом вопросе писал эстонский филолог П. Арумаа в статье: „Об общих элементах во фразеологии и синтаксисе эстонско-ливского и латышского языков“²⁹. Он приводит здесь много примеров, которые указывают на то, что если языковые соприкосновения соседей особенно тесны, то из соседнего языка заимствуются не только отдельные слова для их свободного употребления, но часто и целые фразеологические единицы.

То, что в латышской фразеологии прежде всего бросается в глаза, как очень сходное с фразеологией прибалтийско-финских языков, это — своеобразная конкретизация при упоминании различных частей тела. Приведём некоторые примеры, где латышские выражения в корне отличаются от соответственных литовских, но близки к таковым эстонского и ливского языков, которые в данных случаях несомненно являются источниками заимствования: *roka* 'рука': *velc cimdus rokā* (эст. *tõmba kindad kätte*) 'надевай перчатки', буквально: 'тяни перчатки в руку'; *viram bij amats rokā* (эст. *mehel oli amet käes*) 'человек усвоил ремесло', буквально: 'у человека ремесло было в руке'; *roka dabūt* (эст. *kätte saama*, ливск. *käddõ sõd*) 'доставать', буквально: 'получать в руку' и т. д.; *kāja* 'нога': *kurpes, zekes aut kājās* (эст. *kingi, sukki jalga panema*) 'обуваться', буквально: 'тянуть ботинки, чулки в ногу'; *galva* 'голова': *cepure viņam ir galvā* (эст. *tal on müts peas*) 'у него шапка на голове', буквально: 'у него шапка в голове'; *mute* 'рот': *muti dot* (эст. *suud andma*, ливск. *sūd and*) 'целовать', буквально: 'давать рот'; *seja* 'лицо': *brālī bijuši vienos sejos* (эст. *vennad olnud ühte nägu*) 'братья были похожи друг на друга', буквально: 'братья были в одно лицо'; *kakls* 'шея': *sakāruši zirgam kaklā zvārgulūs* (эст. *riputanud hobusele kuljused kaela*) 'надели коню бубенчики', буквально: 'надели коню бубенчики в шею'; *mugura* 'спина': *melns drebes mugurā, tīri salmi vēderā* (эст. *mustad rōivad*

²⁸ LVSF, стр. 10.

²⁹ P. Aruma, Eesti-liivi ja läti ühisest fraseoloogiast. Eesti Keel 1935, стр. 124—135.

seljas, puhtad õled kõhus) 'грязно одет, в животе чистая солома', буквально: 'грязная одежда в спине, в животе чистая солома'; *uzsēdas Zapele zirdziņam mugurā* (эст. *istus Zapele hobusele selga*) 'села Запеле на коня', буквально: 'села Запеле коню в спину'³⁰.

Здесь мы имеем дело с очевидными заимствованиями. Особенно не может быть сомнения в тех случаях, где в балтийских языках, глагол сам по себе означает то, что в прибалтийско-финских языках выражается через парафразу, например: лат. *aut* 'обуваться', *uzvilkt drebes* 'одеваться, Kleider anziehen'. В таких случаях в латышском языке под влиянием эстонского и ливского языков для получения большей образности добавляются названия тех частей тела, на которые распространяется действие.

Из числа фразеологических примеров приведём еще следующие: *iziet vīrup* или *aiziet vīrā* (эст. *mehele minema*) 'выходить замуж', буквально: 'выходить к мужу'. В латышском языке можно сказать ещё: *pie vīra iet* или *pie vīra (sievas) tikt*. В этих примерах ясно виден перевод эстонского аллатива, так как в литовском языке для выражения данного понятия употребляется совсем другой глагол: (*is-, nu-*)*tekėti už vyro*. *Kas man vainas* 'что мне мешает': *kas man vainas nedzīvot* (эст. *mis mul vīga elada*) 'что мне мешает жить'. Ср. финск. *mikä minun on vikana?* Подобные выражения отсутствуют не только в литовском, но и в других соседних языках индо-европейского происхождения. *Barzdu dzīt* 'бриться': *bārzdu viņš nedzina katru dienu* (эст. *habet ei ajanud ta iga päev*, ср. ливск. *abbōnd aij*) 'он не брился каждый день'³¹. Что мы здесь имеем дело с заимствованиями из прибалтийско-финских языков, показывает уже и то обстоятельство, что в балтийских языках для выражения бриться имеется специальный глагол: лит. *skusti*, лат. *skūt*.

Сюда относится также *boja iet* 'погибать, zugrunde gehen, verderben', что является заимствованием из ливского языка (< ливск. *puojō lādō*), и в таком же значении употребляемое *ukā iet* (< эст. *hukka minema*), также *jonni dzīt* (< эст. *jonni ajama*) 'самодурствовать'³².

Явственно имеют ливско-эстонское происхождение также приведенные Я. Эндзелином примеры: *no galvas mācīties* (эст. *pāhe ārprīma*, ливск. *pāz opp*) 'выучить наизусть', буквально: 'выучить из

³⁰ Р. Арумаа, Eesti Keel 1935, стр. 128.

³¹ Р. Арумаа, Eesti Keel 1935, стр. 129, 130.

³² К. Plukšs, Cēli VI, стр. 74.

головы' и *prātā turēt* (эст. *meeles pidama*, ливск. *miels pidd*) 'помнить', буквально: 'держатъ в уме'³³.

С фразеологией тесно связаны семасиологические заимствования, в особенности в слитных словах. В качестве интересного примера из этой области можно привести лат. *putni celš*, также лит. *paukščių kelias* (эст. *linnutee*, финск. *linnunrata*). По-русски это понятие выражается словами млечный путь, нем. *Milchstrasse*, что восходит к латинскому *via lactea*, гр. *γαλαξίας*, ср. шведск. *vintergatan*³⁴. Интересно также латышское соединение слов *meža pile* (ливск. *mōtsa-par*, эст. *metspart*) 'дикая утка', буквально: 'лесная утка'; *meža cūka* (ливск. *mōtsa-siga*, эст. *metssiga*) 'кабан', буквально: 'лесная свинья'. Эти примеры с большой вероятностью можно считать семасиологическими заимствованиями из эстонского или ливского языка в латышский.

Сюда же относится слитное слово *varžacs* (эст. *konnasilm*, ливск. *kiõna silma*) 'мозоль', буквально: 'лягушечий глаз'. Интересно, что в пограничных с Эстонией говорах это понятие выражается слитным словом *kunnacis*, где первая часть слова заимствована из эстонского языка (ср. эст. *konn*, южно-эст. *kunn* 'лягушка').

Обращает на себя внимание ещё целый ряд слитных названий растений в латышском языке, где семасиологическое совпадение между эстонско-ливским и латышским языками вероятно не является простой случайностью, хотя и трудно найти критерий заимствования и определить его направление. Приведём некоторые примеры: *lācauzas* (эст. *karukaerad*), 'Треспе, костеръ', буквально: 'медвежий овёс'; также *lācene* (эст. *karuvabarn*) 'Sumpfbrombeere, морошка', буквально: 'медвежья малина'; *ugunspike* (эст. *tulilill*) 'Nahpenfuss, лютик', буквально: 'огненный цветок'; *čūsku (zalkšu) oga* (эст. *ussimari*) 'Einbeere, вороний глаз, волчья ягода', буквально: 'змеиная ягода' и др.³⁵

Кроме прямых переводных конструкций и переводных слитных слов, встречаются также примеры, где общебалтийское слово получило в латышском языке под влиянием эстонского и ливского языков особый семасиологический оттенок. Произошло значительное расширение значения слова сравнительно с более архаическим литовским языком. Например эст. *püsti* 'стоймя' — *vāga* 'очень'. Этому

³³ FBR XIX 1939, стр. 218.

³⁴ J. Mikkola, IMM 1930, стр. 438.

³⁵ P. Arumaa, Eesti Keel 1935, стр. 130

эстонскому наречию отвечает в латышском языке *stāvus, stāvu: stāvu celties* (эст. *püsti tõusma*) 'вставать'. Это слово получило, как и в эстонском языке, значение 'очень, sehr, übermässig', например: *kalējs bij stāvus bagāts* (эст. *sepp oli püsti rīkas*) 'кузнец был очень богат', *augļu koki stāvu pilni*, буквально: 'фруктовые деревья стоймя полны' (ср. эст. *püsti hull* 'сущий дурак').

Эстонскому *otsas, otsa* (именит. пад. *ots*) отвечает лат. *gals*. Соответствующее слово в литовском языке *galas*, помимо обычного значения 'конец, Ende, Schluss', лишь в редких случаях означает ещё 'верхушка, Spitze, das Äusserste', но в латышском языке это последнее значение, как и в эстонском, очень распространено: *pa ausu galam dzirdet* (эст. *kõrva otsaga kuulma*) 'слышать кончиком уха'; *viņu nevaru ne acu galā ieraudzīt* (эст. *ei või teda silma otsaski sallida*) 'совсем не могу его терпеть' (буквально: 'в конце глаза'); *lai tik pats zin, kā tikt galā ar Annu* (эст. *teadku ise, kuidas Annaga otsale saada*) 'пусть он сам знает, как справиться с Анной'. Как видно из приведённых примеров, в употреблении этого слова очень много сходства между эстонским и латышским языками.

Эстонское слово *kogu* 'собрание, целое, всё' получило в иллации и в инессиве *kokku, koos* значение 'вместе, zusammen'. Такое же развитие значения замечаем в соответствующем латышском слове *kopā*: *kopā tikt* (эст. *kokku saama*) 'встречаться'; *kopā nemt* (эст. *kokku võtma*) 'собирать, резюмировать'; *vai jau visi kopā* (эст. *kas juba kõik koos*) 'разве все уже собрались'. Кроме того, как в эстонском, так и в латышском языке здесь употребляется для усиления ещё числительное *viens* 'один': *te ir visi tautas slāņi vienkopus* (эст. *siin on kõik rahvakihid üheskoos*) 'тут все слои народа вместе', буквально: 'в одном сборе'. Соответствующее по значению слово в литовском языке *krūva* означает прежде всего 'кучу' и никогда не фигурирует в слитных словах, как это мы видим в латышском языке: *kopdarbs* (эст. *koostöö*) 'совместная работа', *kopdzīve* (эст. *kooselu*) 'совместная жизнь'.³⁶

В области синтаксиса в латышском языке представляет интерес употребление известной категории существительных в атрибутивном значении. В особенности это бросается в глаза при употреблении *nomina agentis*, образованных при помощи суффиксов *-ējo-*, или *-ājo-, -tājo-*, например: *perēja vista* (эст. *hauduja kana*) 'наседка',

³⁶ P. Arumaа, Eesti Keel 1935, стр. 1932.

dzejeja pile (эст. *muneja part*) 'кладущая яйца утка'³⁷. Новидимому, этот латышский *nomen agentis* отвечает такой же эстонской грамматической категории с окончанием *-ja*. И так как в литовском языке такой способ употребления невозможен (в словаре Куршата, например: *pereklē višta*), мы можем предполагать его возникновение в латышском языке под влиянием прибалтийско-финских языков. К тому же между обоими суффиксами имеется большое звуковое сходство.

Наблюдаются и другие явления в области латышского синтаксиса, которые повидимому возникли под влиянием ливского или эстонского языка, например, употребление форм настоящего времени вместо будущего в пограничных с Эстонией говорах (Алуксне, Лазбергис, Яун-Розе), причём значение будущего выясняется лишь из контекста, напр. *vinš reitu braucut (pro: braukšot)* 'он поедет завтра'.³⁸

В своём исследовании „Par kādu libisko izlokšņu locījuma formu“³⁹ Э. Хаузенберга анализирует детально своеобразные формы т. н. *genetivus definitivus* или *genetivus exegeticus* в говорах, возникших на ливском субстрате. Этот падеж оканчивается у некоторых типов слов непалатализованным согласным или не имеет окончания родительного падежа единственного числа *-s*: *paegl sēn* (= *paeglu sene*) 'можжевельный гриб', *karaš maiz* (= *karašas maize*) 'ячменный (блинообразный) хлеб', *mellen og* (= *mellenes oga*) 'черника', *rij aukš* (= *rijas aukša*) 'чердак риги', *Salac up* (= *Salacas upe*) 'река Салаца'. Такие формы без падежных окончаний встречаются и вместо обыкновенного родительного падежа в качестве дополнения: *kronit plšan* 'завивание венка'.

В поисках объяснения этому явлению Э. Хаузенберга останавливается на грамматических формах ливского языка, в котором, как известно, в таких соединениях двух существительных, где одно из них ближе определяет другое, первое — характеризующее — существительное стоит в родительном падеже, как и в латышском языке. Однако в ливском языке, в особенности в салацком говоре, *gen. sing.* в большинстве случаев, а *gen. plur.* всегда и везде совпадают с именительным падежом. „Можно предполагать“, говорит Хаузенберга, „что ливы, смешиваясь с латышами и начиная гово-

³⁷ J. Endzelin, Le. Gr. § 134, 135.

³⁸ J. Endzelin, Le. Gr. § 769.

³⁹ Ceļi III 1933, стр. 111.

рить на их языке, образовали такие соединения слов по примеру своего языка, употребляя и первую составную часть в именительном падеже“.

Влиянием ливской грамматики объясняется повидимому и другое синтаксическое явление, наблюдающееся в говорах тамниеков, именно адноминальный *dativus-possessivus*, вытеснивший *genetivus-possessivus*, например: *kam dels tu esi?* (*pro: ka dēls tu esi*) 'чей ты сын?' *dels valke tėvam cepur* 'сын носит шапку отца', *tas ir Miķelim cak* 'это свинья Микеля'.

Я. Эндзелин объясняет это явление отпадением конечного гласного, после чего родительный падеж (например *tėva*) и винит. падеж (*tėvu*) совпали (*tėv*). Вследствие этого для большей ясности при обозначении притяжательных отношений двусмысленная форма *tėv* была заменена дательным *tėvam*⁴⁰. Однако это явление скорее можно объяснить влиянием ливской грамматики, где дательный падеж имеет и функцию родительного (*dativus-genetivus*), например: *ta um vīnd sien (sie neitsōn) sidam* 'он унёс сердце этой девушки'.⁴¹

В говорах тамниеков и в пограничных с Эстонией говорах наблюдается особый способ образования слитных слов. Здесь слитным словам других латышских говоров, начинающимся приставками *aiz-* (*āz-*) и *pa-* (= *zem*), соответствуют слитные слова, кончающиеся на *-pakaļ* или *-apaš* (*-apaž*, *-apuž*): *krāspakaļ* (= *aizkrāsne*), эст. *ahjutagune*, ливск. *ai taggi* 'запечье', *klētpakaļš* (= *aizklēte*), эст. *aida-tagune* 'заклетье', *galdapuž* (= *pagalde*), эст. *lauaalune* 'подстолье' и т. д. Слитные слова такого типа следует считать возникшими по образцу соответственных ливских или эстонских словообразований.

Нами приведены здесь лишь некоторые примеры из области латышской фонетики, морфологии, фразеологии и семантики, где мы очевидно имеем дело с влиянием ливского или эстонского языков.

Более исследован вопрос о ливских и эстонских лексикальных заимствованиях в латышском языке. Хотя и здесь ещё немало спорного, и многие сопоставления слов сомнительны, всё же мы можем подвести в этой области уже некоторые итоги и сделать известные заключения.

Проработав появившиеся до сих пор исследования, посвящённые лексикальной части рассматриваемого вопроса и названные

⁴⁰ Le. Gr., стр. 431, 341.

⁴¹ L. Kettunen, Livisches Wörterbuch, стр. XLI.

в начале настоящего доклада, и дополнив их некоторыми наблюдениями со своей стороны, мы смогли констатировать в латышском языке (ближе об этом в нашем культурно-историческом исследовании „Эстонские и ливские заимствования в латышской лексике“) наличие примерно 600 слов, считающихся с большей или меньшей степенью достоверности заимствованиями из ливского или эстонского языков.

При классификации этих заимствований бросается прежде всего в глаза большое количество слов, относящихся к мореходству (вообще связанных так или иначе с морем) и рыболовству (примерно 120 слов). Это и понятно, так как ливы жили в приморских частях теперешней территории Латвии и занимались главным образом мореходством и рыболовством. Будучи в теснейших производственных, торговых и социальных отношениях с ливами, смешиваясь с ними и начиная затем работать в тех же отраслях производства, латыши усвоили от ливов и терминологию, касающуюся этих областей деятельности. Приведём здесь лишь некоторые наиболее характерные примеры.

С морем и побережьем связаны, например, следующие слова: *liedags* (< ливск. *liedōg*) 'сырая прибережная полоса', *rava* (лив. *rava*, эст. *rava*) 'подводная скала', *sadums* (< ливск. *sadam*, эст. *sadam*) 'гавань', *selga* (< ливск. *sālga*, эст. *selg*) 'открытое море' и др. Суда и их части обозначаются словами: *airis* (< ливск. *airaz*, эст. *aer*) 'весло', *bura* (< ливск. *pūraz*, эст. *puri*) 'парус', *laiņa* (< эст. *laev*, ливск. *lōja*) 'судно', *tilaudas* (< ливск. *tilalōda*) 'донная доска лодки' и др.; морские птицы и животные: *julga* (< ливск. *ūlgaz*, эст. *hüljes*) 'тюлень', *kaija* (< ливск. *kajagōz*, эст. *kajak*) 'чайка' и др.

В особенности много заимствовано названий рыб и связанных с ними понятий: *kugra* (< ливск. *koggōrz*, эст. *koger*) 'карась', *kīsis* (< ливск. *kīš*, эст. *kiisk*) 'ёрш', *luca* (< эст. *luts*, ливск. *luts*) 'налим' и много других. Встречается также множество слов, обозначающих рыбную ловлю и её принадлежности: *jada* (< ливск. *jada*, эст. *jada*) 'ряд сетей', *murda* (< эст. *mōrd*), ливск. *mōrda*, *mūrda* 'верша', *loma* (< ливск. *luom*, эст. *loom*) 'улов', *rīze* (> эст. *riis*) 'рисцы', *tulukšēt* (< эст. *tuluksel kāima*) 'лучить, охотиться на рыбу с огнём', *vads* (< ливск. *vada*, эст. *vada*) 'невод' и др.

Следует отметить, что большая часть заимствованных слов, касающихся мореходства и рыболовства, проникла и в латышский литературный язык. Читая произведения латышской литературы,

в которых описывается быт прибрежных жителей и рыбаков, например роман В. Лациса (V. Lācis) „Сын рыбака“⁴², мы найдём множество заимствований этого рода.

Богато представлены также заимствования, обозначающие социальные понятия и отношения между людьми: *ķila* (< ливск. *kil*, эст. *kihl*) 'залог', *maksa* (< ливск. *maks*) 'плата', *mons* (< эст. *moon*) 'заработная плата в натуре', *sulainis* (< эст. *sulane*) 'батрак', *ravasts* (< эст. *rahvas*) 'большая семья', *sebrs* (< эст. *sõber*) 'друг', *selcis* (< эст. *selts*) 'общество', *igaunis* в диалектах *ugaunis* (эст. *Ugandi*) 'эстонец' и др.

Сравнительно малое количество заимствований относится к земледелию, животноводству и охоте, а также к кузнечному и плотничьему ремеслу. Всё же и здесь заимствованы такие важные слова, как напр. *rauds* (< эст. *raud*, ливск. *rōda*) 'железо', *terauds* (< ливск. *tierōda*, эст. *teras*) 'сталь', *vasaris, veseris* (< эст. *vasar*) 'молоток', *linga* (< ливск. *ling*, эст. *ling*) 'праща', *rija* (< ливск. *rī*, эст. *rehi*) 'рига' и др. Слов, относящихся к текстильной промышленности и кулинарному искусству также немного. Сравнительно богаче представлены заимствования, обозначающие человека, его анатомию, духовные способности и деятельность. Имеются также заимствованные слова, означающие явления природы, животных, понятия ботанические, зоологические и географические. Особую группу составляют слова пейоративного характера. Большинство таких слов повидимому представляют собой более поздние заимствования из эстонского языка, напр. *kurrata* (< эст. *kurat*) 'чорт', *lorāt, lorizat* (< эст. *lorama, lorisema*) 'болтать вздор', *loļļa* (< эст. *loll*) 'дурак', *toss, toša* (< эст. *toss, tossukene*) 'растяпа', *uls, ulliņš* (< эст. *hull*) 'дурачок' и др.

Что словарные заимствования дают богатый материал для установления культурных влияний, особенно ясно видно из латышских заимствований в области религиозного культа. Так, пользуясь этим материалом, мы можем установить, что с христианством латыши познакомились впервые не от вторгнувшихся в прибалтийские страны немецких захватчиков, но от своих русских соседей, как об этом свидетельствуют соответственные древнейшие заимствования в латышском языке, например *kristis* (< др.-белор. *крѣстъ*) 'крест', *zizlis* (< др.-белор. **зѣзль*) 'жезл', *baznīca* (< др.-белор. *божьница*) 'церковь',

⁴² Zvejnieka dēls.

zvans (< русск. *звон*), *grēks* (< русск. *грех*), *svets* (< русск. *святой*) и т. д.⁴³. Что впоследствии, в XIII в. немецкие т. н. „культуртрегеры“ начали „огнём и мечом“ насаждать христианство сначала у ливов и лишь затем у латышей, опять-таки можно установить и по данным ливских заимствований в латышском языке, напр.: *lau-lat* (< ливск. *lōlatō*) 'венчать', *pestitājs* (< ливск. *pāštaji*) 'спаситель', *kāzas* (< ливск. *kōzgōnd*, эст. *kaasa*) 'свадьба' и др.

Детальный культурно-исторический анализ всех вышеупомянутых групп лексикальных заимствований не входит в задачу настоящего доклада.

Суммируя всё вышесказанное, следует констатировать, что в латышском языке имеется довольно много элементов ливского и эстонского языков, как в области фонетики, морфологии, синтаксиса и фразеологии, так и в области лексики. Если лексика в значительной степени уже изучена, то научная разработка других областей, особенно фразеологии и синтаксиса, требует ещё детальных исследований.

Карл Абен.

⁴³ J. Sehvers, Sprachlich-kulturhistorische Untersuchungen vornehmlich über den deutschen Einfluss im Lettischen, Leipzig 1936, стр. 320—323.

Состоялся ли в южно-эстонских диалектах переход конечного *t* в гортанный взрывной?

Э. Н. Сетяля (E. N. Setälä) в своём труде „Yhteissuomalainen äännehistoria“ (1891), стр. 221 и сл., высказал предположение, что в южно-эстонских диалектах звук *t* в конце слова или перешёл в гортанный взрывной, или же исчез бесследно. Сохраниться он мог только в спряжении, как признак второго лица единственного числа. Предположение Сетяля встретило в общем поддержку. Между прочим, к нему присоединился и Л. Кеттунен (L. Kettunen) в своём руководстве „Eestin kielen äännehistoria“¹, стр. 54. Устойчивость согласного *t* во втором лице единственного числа объясняют влиянием форм повелительного наклонения **sāk* 'получай', **aṇdak* 'давай', которые в соответствующих диалектах развивались в *sā?*, *aṇna?*, или же *sā*, *aṇnā*. Если бы и звук *t* перешёл в гортанный взрывной?, или же исчез во втором лице единственного числа, то из форм **sāt* 'ты получаешь', **aṇdat* 'ты даёшь' образовались бы формы *sā?*, *aṇna?*, или же *sā*, *aṇnā*, так что второе лицо и повелительное наклонение совпали бы, и таким образом возникло бы смешение понятий функций этих форм.

В южно-эстонских диалектах, как известно, звук *k* перешёл в конце слова в гортанный взрывной?, или же совсем исчез. Точно также и в северно-эстонских диалектах исчезновение его является общим: *aṇna?* ~ *aṇnā* 'давай' < **aṇdak*, (eṭ)) *aṇna?* ~ *aṇnā* 'не даёт' < **aṇdak*, *kašte?* ~ *kaštē* ~ *kaštē* 'поса' < **kaštēk*, *tegemäldä?* 'несделанный' < **tekemäلتāk*, *sāme?* ~ *sāmē* ~ *sāmē* < *sāmmeḱ* 'мы получаем' и т. д. То обстоятельство, что конечные *k* и *t* перешли в гортанный взрывной или же исчезли, Кеттунен объясняет следующим образом: „Это, повидимому, произошло вследствие того, что образование обоих взрывных происходило одновременно как в органах рта, так и в голосовых связках. Первая артикуляция взрыв-

¹ Eestin kielen äännehistoria², Helsinki 1929.

ных понемногу ослабевала, тогда как вторая сохранялась или несколько усиливалась, сравнительно с прежним⁴. Таким образом предполагают, что в южно-эстонских диалектах существовали в своё время такого рода артикуляционные условия, что в некоторых случаях, а именно в конце слова, *k* и *t* имели два места артикуляции: *k* — велярно-палатальное с ларингальным, *t* — альвео-дентальное с ларингальным. В фонетической литературе, правда, известны взрывные, имеющие два места артикуляции. Однако предположение Кеттунена представляется слишком теоретическим и надуманным для того, чтобы им можно было оправдать теорию перехода конечного *t* в южно-эстонских диалектах в гортанный взрывной ². Нужно ли вообще предполагать, что в южно-эстонских диалектах произошёл такой переход? Как уже сказано, в южно-эстонских диалектах переход звука *k* в гортанный взрывной ² и последующий процесс его исчезновения представляются вполне вероятными. Нельзя ли предположить, что в южно-эстонских диалектах и имелся первоначально звук *k* в конце слова во всех тех случаях, где предполагается переход *t* в ²? Как ниже видно будет, можно действительно доказать, что в южно-эстонских диалектах *k* в конце слова было более общим явлением, чем в северно-эстонских наречиях. В южно-эстонских диалектах звук *k* в разных положениях встречался там, где в северно-эстонских диалектах и других прибалтийско-финских языках и говорах *t* является общим. Случаи, в которых предполагают переход конечного *t* в гортанный взрывной, следующие:

1. показатель именительного падежа множественного числа — *kana*² ~ *kanà* 'курицы', *līna*² ~ *līnà* 'города', *tulēva*² ~ *tulēva* ~ *tulēva* 'они приходят, они придут', *tulli*² ~ *tulli* ~ *tulli*² ~ *tulli* 'они пришли';
2. причастие прошедшего времени — *tahtnu*² ~ *tahtnu* и т. д. 'хотевший', *tullu*² ~ *tullu* 'пришедший';
3. диминутивы с окончаниями **-nut*, **-nüt* — *penü*² 'тоненький', *elü*² ~ *olu*² ~ *elü* 'пиво';
4. некоторые слова, как например *leüna*² ~ *leüna* и т. д. 'обед; полдень; юг'.

Согласно данным „Эстонского диалектологического атласа“² А. Сааресте (A. Saareste) форма именительного падежа множественного числа без *t* свойственна следующим диалектным областям: Халлисте, Каркси, Хельме, Пайсту, Тарвасту, Пухья, Ранну, Нью,

² Eesti Murdeatlas I—II. Tartu 1938—1940.

Рыngu, Сангасте, Луке, Отепя, Камбья, Вынну. Именительный падеж множественного числа с гортанным взрывным встречается в юго-восточных диалектных областях: Карула, Харгла, Урвасте, Канепи, Пылва, Рыуге, Вастселийна, Ряпина, Сетумаа, и на островах эстонского языка в Латвийской ССР и во Псковской области³. Единственная южно-эстонская диалектная область, где показателем именительного падежа множественного числа является *d*, возникшее из *t*, это — приход Тарту-Маарья. На южно-эстонский говор этого прихода в общем сильно повлияли северно-эстонские диалекты. В тех самых местностях, где встречается именительный падеж множественного числа без показателя *t*, наблюдаются также формы множественного числа глагола без *t*. Глагольные формы без *t* имеются и в Тарту-Маарья⁴. См. рис. 1 (слово *kanad* 'курицы').

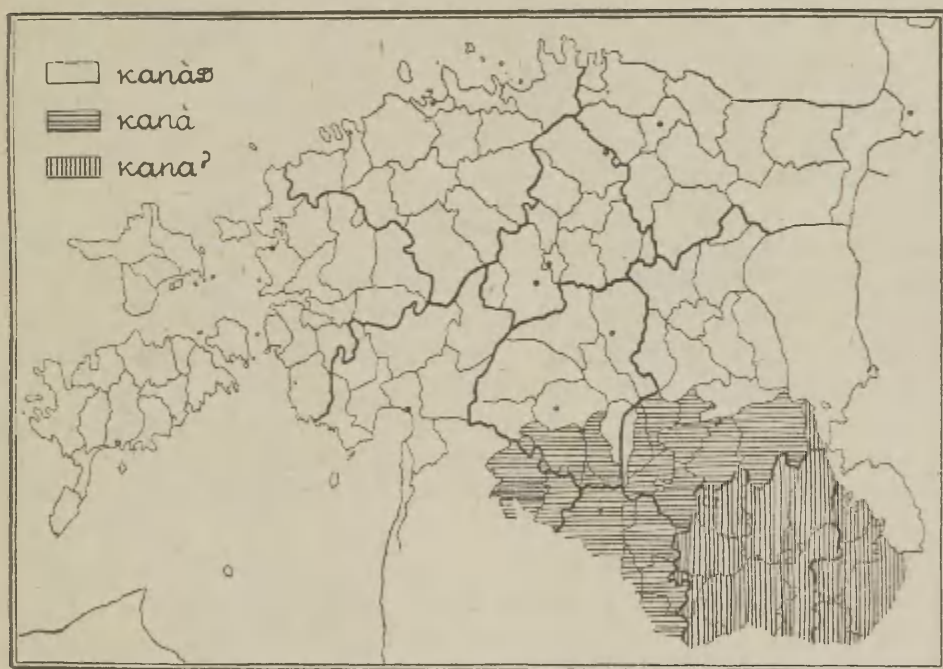

Рис. 1.

Формы причастия прошедшего времени с показателем без *t* имеют более широкое распространение, чем именительный падеж множественного числа без *t*. Показатель причастия без *t*, которому

³ Eesti Murdeatlas II, карта 37.

⁴ Eesti Murdeatlas I, карта 2.

в эстонском литературном языке соответствует показатель *-nud*, встречается также в южных частях приходов Тарту-Маарья, Кодавере и Якси и в приходах Саарде и Хяадемеэсте⁵. Говоры последних четырёх приходов относятся к северно-эстонским, но в них встречаются и другие южно-эстонские диалектные черты, помимо названной. Следует отметить, что показатель причастия без *t* не чужд также некоторым северо-восточным говорам. Согласно данным „Эстонского диалектологического атласа“, а также Архива Эстонского и Финноугорских Языков, причастие без *t* характерно и для говора Виру-Нигула: *tullu* 'пришедший', *oppinu* 'учившийся'⁶. Причастие без *t* встречается и в некоторых частях прихода Вайвара.

Границы областей распространения южно-эстонских и северно-эстонских уменьшительных и слова *lõuna* не так ясны, как в первых двух случаях, поскольку и на территории северно-эстонских диалектов в этих словах наряду с формами с *t* в конце слова довольно широко распространены формы без *t*⁷. Кеттунен⁸ предполагает, что в словах *lõuna* 'обед; полдень; юг', *õlu* 'пиво', *neitsi* 'дева', *kätki* 'колыбель' конечное *t* исчезло вследствие смешения со словами, оканчивающимися на *k*, так как склонения обоих типов слов весьма близки. Диалектные формы слова *kätki* 'колыбель' с дентальным взрывным в конце слова встречаются только на острове Сааремаа (*kätki* ~ *kätki*), на мысах Куусалу (*kätküt* ~ *kätkü*), в Виру-Нигула (*kätki*) и в Вайвара (*kätüt* ~ *kätküt* ~ *kätkü*). Нигде в других местах это слово не имеет в конце звука *t*⁹. Южно-эстонские диалекты не знают слова *kätki*, и поэтому нельзя установить, какой звук был бы в конце этого слова в этих диалектах. Относительно слова *õlu* имеется гораздо больше диалектологических данных с окончанием *t*, чем относительно предыдущего слова, а именно со всех островов на западе Эстонской ССР, из Ляанемаа, из разных мест Харьюмаа, Ярвамаа, северной части Вильяндимаа и из Вирумаа. Формы слова *neitsi* 'дева', оканчивающиеся на *t*, не так распространены, как таковые предыдущего слова. Их можно найти только в диалектах островов и в немногих говорах Ляанемаа, Харьюмаа и Вирумаа. Из южно-эстонских диалектных форм заслу-

⁵ Eesti Murdeatlas I, катра 48.

⁶ Ср. также M. Weske, Bericht über Ergebnisse einer Reise durch das Estenland im Sommer 1875, Dorpat 1877, стр. 59.

⁷ Eesti Murdeatlas II, катра 40.

⁸ Eestin kielen äännehistoria², стр. 53.

⁹ Eesti Murdeatlas II, катра 40.

живают существенного внимания только те, которые оканчиваются гортанным взрывным: Харгла *ēlu?*, Пылва *ollu?* ~ *ellu?*, Рыуге *olu?* ~ *ēlu?*, Вастселийна *olu?* ~ *ellu?*, Ряпина *ēllu?*, Сетумаа *oli?*, Лейву *oli?* ~ *иоли?*, Лутси *оли?*. Ни в одном южно-эстонском диалекте слово *neitsi* не оканчивается гортанным взрывным. В южно-эстонских диалектах это слово вообще сравнительно редкое. Оно может быть заимствованием из церковного языка или же вторглось сюда из северно-эстонских наречий. В южно-эстонских диалектах имеется однако слово *rēñi?* ~ *rēñi?* 'тоненький', которого не знают северно-эстонские диалекты. В северной Эстонии мы имеем от этого корня диминутив *reenike* с иным образованием. Относительно слова *lõuna* 'обед; полдень; юг' заслуживают внимания только те южно-эстонские соответствия, где встречается гортанный взрывной: Харгла *lēyne?*, Канепи *lēyna?*, Пылва *lēna?*, Рыуге *lēyna?*, Вастселийна *lēyne?*, Ряпина *lēna?*, Сетумаа *lēna?*, Лутси *lēna?*.

В финноугорских языках показателем множественного числа, наряду с другими показателями, является *k* в конце слова, которое между прочим присуще венгерскому и лопарскому языкам (по-венгерски *házak* 'дома', *kezek* 'руки', *kövek* 'камни', по норвежско-лопарски *giedak* 'руки', *goadek* 'дома'). Звук *k* в конце слова, как показатель множественного числа, не чужд и прибалтийско-финским языкам¹⁰. В прибалтийско-финских языках наблюдаются пережитки звука *k*, как показателя множественного числа в некоторых местоимениях (ливские *teg* ~ *meg* 'мы', *teg* ~ *tēc* 'вы', южно-эстонские *mi?* ~ *mī?*, *ti?* ~ *tī?*) и формах глагола (южно-эстонские *vet-tame?* ~ *veṭtami?* ~ *veṭta?* 'берём' и т. д.)¹¹. Имея всё это в виду, можно во всяком случае предположить, что южно-эстонские диалекты были такими прибалтийско-финскими говорами, где показателем именительного падежа множественного числа даже для имён существительных служил звук *k*. Южно-эстонские *kana?* ~ *kanā* 'куры', *līna?* ~ *līnā* 'города' и т. д. происходили бы в таком случае из прежних **kanak*, **litnak*, а не **kanat*, **litnat*. В южно-эстонских диалектах следовало бы исходить из *k*, как показателя множественного числа не только одних имён существительных. Также и формы

¹⁰ J. Szinnyei, Magyar nyelvhasznítás?, стр. 106; D. Bubrich, Zur Frage nach der Herkunft der Pluralbildung in den finnisch-ugrischen Sprachen. Öpetatud Eesti Seltsi Toimetused XXX, стр. 103—109.

¹¹ H. Ojansuu, Itämerensuomalaisten kielten pronominioppia. Turun Suomalaisen Yliopiston Julkaisuja I₃: J. Mark, Die Possessivsuffixe in den uralischen Sprachen, Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LIV, Helsinki 1925.

глаголов, имеющие теперь гортанный взрывной, указывают на существование прежнего *k*. Таким образом формы *tulēva* ? 'они приходят, они придут', *tulli* ? 'они пришли' должны здесь происходить из прежних **tulēbak*, **tulik*, а не из **tulēbat*, **tulit*, как это имеет место в северно-эстонских диалектах¹².

Только что приведённые случаи конечного *k* остались бы в некоторой мере гипотетическими, если бы другие вышеназванные группы слов не придавали им большей вероятности. На основании показателя причастия прошедшего времени самого эстонского языка и данных других прибалтийско-финских языков можно доказать, что *k* в конце слова вместо *t* вполне правдоподобно. В прибалтийско-финских языках и в настоящее время можно найти диалекты, где в конце названного причастия ещё имеется *k* или же *с*. Из восточно-водского диалекта деревни Ицелино (Itšäräivä) автор настоящей статьи записал такие причастия, как *tulluic* 'пришедший', *sānuic* 'получивший', *tšüsünnuic* 'просивший', *aiصاصannuic* 'чихнувший' и т. д. Подобные причастия известны и в других восточно-водских говорах¹³. Хотя в этих последних говорах имеются случаи, где конечный звук *с*, присущий только данным говорам, не древний, а более позднее местное образование, всё же следует предположить, что в настоящем случае *k* в конце слова было общеводским явлением. Формы других водских диалектов *nāhnü* 'видевший', *lōnnü* ~ *lōnü* 'бывший', *tširjottannu* 'писавший' и т. д. должны также происходить из форм, где в конце слова было *k*, так как водский язык не знает исчезновения *t* в конце слова. Однако, не только водский язык указывает на то, что в разных диалектах прибалтийско-финских языков вместо показателя причастия **-nut*, **-nüt* было **-nuk*, **-nük*, — об этом свидетельствуют и многие финские диалекты¹⁴. Восточно-финские формы *nāhnü* 'видавший' с придыханием в конце слова и *nāhnü* — без следов взрывного могут восходить только к конечному *k*, как это доказывают и исследователи этих диалектов. Являлось ли конечное *k* финских диалектов в данном случае первичным или более поздним, дела не меняет. Главное, что оно в этом случае существовало. Причастия, встре-

¹² См. также N. Ikola, Eteläviron verbien personapäätteistä. Suomi V 13, Helsinki 1931, стр. 41.

¹³ L. Kettunen, Valtian kielen äännehistoria², Helsinki 1930, стр. 66.

¹⁴ L. Kettunen, Suomen murteet III, Helsinki 1930, стр. 50 и т. д. E. A. Tunkelo, Lisiä suomen ja karjalan II partisiipin historiaan I-II (Eripainoksia). Helsinki 1939.

чающиеся в северно-эстонских диалектах Виру-Нигула и Вайвара, не могут ни в коем случае происходить из форм с конечным *t*, так как в этих диалектах *t* в конце слова всегда сохранялось (*olut* 'пиво', *kätkit* ~ *kätküt* 'колыбель'). Формы Виру-Нигула *oppinu* 'учившийся', *mennü* 'ушедший', Вайвара *oppino*, *mennö* и т. д. должны также восходить к первоначальным **oppinuk*, **mennük*. В эстонском литературном и разговорном языке субстантивированное причастие прошедшего времени имеет показатель без *t*: *allakirjutanu* 'подписавший', *äraläinu* 'ушедший', *vastanu* 'отвечавший'. В современном литературном языке этот показатель обобщён на основе некоторых случаев, свойственных диалектам: *kadunu* 'покойник', *surnu* 'умерший, покойник', *lõpnu* 'издохший'. Можно было бы предположить, что и эти субстантивированные причастия восходят к прежним формам, имевшим конечное *k*. Более вероятно всё же, что происхождение форм без *t* в данном случае иное. Атрибутивно и предикативно употребляемое причастие в большинстве эстонских диалектов, как и в разговорном языке, не склоняется: *surnud kangelane* 'умерший герой', *surnud kangelased* 'умершие герои'. Между тем субстантивированное имеет формы склонения: *surnud* 'умерший', *surnu* 'умершего', *surnule* 'умершему', *surnud* 'умершие' и т. д. В виду образования следующих парадигматических отношений: *surnud* 'умерший', *surnule* 'умершему': *surnud* 'умершие', *surnuile* ~ *surnutele* 'умершим'; *kadunud* 'покойник', *kadunule* 'покойнику': *kadunud* 'покойники', *kadunuile* ~ *kadunutele* 'покойникам', именительный единственного числа и именительный множественного числа совпали. Но так как имеются различные другие слова, у которых именительный множественного числа оканчивается на *-ud* при именительном единственного на *u*, то и здесь образовались новые формы единственного числа без *d*: *surnu*, *kadunu*, поскольку *d* в конце слова ощущалось как показатель множественного числа. Об объективно употребляемых причастиях вепского языка также нельзя сказать, чтобы их показатель восходил к конечному *k*, так как парадигматически в них имеется дентальный взрывной: *murenu soba* 'разорванное платье', множественное число *murenudet sobad* 'разорванные платья'¹⁵. О признаке южно-эстонского причастия прошедшего времени, оканчивающемся гортанным взрывным или гласным звуком, мы вправе думать, что он происходит из *-*nuk*, *-*nük*.

¹⁵ L. Kettunen, Lõunavepsa häälik-ajalugu I, Tartu Ülikooli Toimetused B II 2, Tartu 1922, стр. 47 и др.

Слова с окончаниями *-ut*, *-üt*, главным образом уменьшительные, представлены в эстонских диалектах, как мы видели выше, очень пестро. Диалектная форма *õlut* 'пиво' распространена больше всех, тогда как наиболее редкой является *kätküt ~ kätkit* 'колыбель'. В одной и той же диалектной области слова этого рода встречаются в различной форме. По данным соответствующих диалектов мы можем установить, что формы без *t* распространяются всюду за счёт форм с конечным *t*. Что в разных местах, где теперь бытуют формы без *t*, первоначально всё же в конце слова имелось *t*, на это указывает диалектный родительный падеж единственного числа от слова *õlu ~ elübe* и *elüte*¹⁶. Но гортанный взрывной в конце слова в южно-эстонских диалектах указывает на то, что в этих диалектах в настоящем случае мы должны исходить из конечного *k*. Как известно, элемент *k* в финноугорских языках является одним из показателей уменьшительности¹⁷. Насколько можно судить по теперешним диалектологическим материалам, конечное *k* в этой группе слов было более распространено, чем в показателе именительного падежа множественного числа и причастия. Этот показатель уменьшительных встречается и в финских диалектах: *lühü' ~ lühü* 'короткий', *olu'* 'пиво', каковые формы не могут происходить из прежних форм с конечным *t*¹⁸. В ливском языке слово *v"o'l*, соответствующее эстонскому *õlu* 'пиво', представляло затруднения для исследователей, так как в конце этого слова не имеется ожидаемого дентального взрывного, хотя в настоящем случае оно здесь должен был быть¹⁹. Ливское *v"o'l* соответствует по своему фонетическому развитию словам, имеющим конечное *k*. Подобно тому, как предполагаемая прежняя форма **sadək* дала *sa'd* 'дождь' и **rõstək* дала *rüost* 'ржавчина'²⁰, таким же образом и теперешнее слово *v"o'l* может восходить к прежнему **oluk*.

Останавливаясь, наконец, на слове *lõuna* 'обед; полдень; юг', нужно заметить, что оно из эстонского или ливского перешло в латышский язык, а оттуда и в литовский: латышское *laūnags* 'die Mittagszeit, die Mittagsmahlzeit; die Vesperkost', литовское *laū-*

¹⁶ Eesti Keel 1939, стр. 114.

¹⁷ J. Szinyei, Finnicsh-ugrische Sprachwissenschaft², Berlin-Leipzig 1922, стр. 83.

¹⁸ L. Kettunen, Suomen murteet III, стр. 71.

¹⁹ L. Posti, Grundzüge der Livischen Lautgeschichte. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LXXXV, Helsinki 1942, стр. 272.

²⁰ L. Posti, op. cit., стр. 268.

nagas 'Vesperkost'²¹. Со стороны лингвистической заслуживает особого внимания латышское слово *laūnadzis* 'der Südwestwind', которое показывает, что заимствование проникло в латышский язык раньше перехода *g* в *dz* перед *i* (*laūnadzis* < *laūnagis*). Ливский язык со своими формами *lēnag*, *leīnag*, *līnag*, *lūnag* 'юго-восток' фонетически также может быть источником латышского слова, однако семасиологически эстонские соответствия гораздо ближе латышским. Согласно данным латышских диалектов, слово *laūnags* не чуждо и тем областям, где отсутствует прямое влияние ливского языка, и где следует считаться с влиянием эстонского. В южно-эстонских диалектах в то время, когда заимствование проникло в латышский язык, должно было иметься в конце слова *k*, иначе нельзя было бы объяснить теперешнее *g* в латышских соответствиях. Хотя в более старом эстонском литературном языке, а по диалектам и в настоящее время, в конце соответствий слова *lõuna* имеется взрывной *t*, как это наблюдается и в родственных языках, всё же в области южно-эстонских и даже многих северно-эстонских диалектов следует восходить к прежнему **lou-nak*. Здесь нужно отметить, что и в карельских диалектах это слово имеет конечное *g*: *lounag*, адессив *lounagalla*²².

Опираясь на формалистическое течение прибалтийско-финской филологии, некоторые исследователи склонны втискивать все прибалтийско-финские языки в рамки общих явлений и общих развитий, предполагая, что на более ранних стадиях эти языки были совершенно однородны. Всё, чего нельзя объяснить общими „законами“, считается явлением аналогии или каким-то смешением форм. Однако бесспорен тот факт, что весьма крупные диалектологические различия имелись в разных прибалтийско-финских диалектах и в древние времена. Одним из таких расхождений отдельных диалектов была двойкость конечного взрывного в вышеназванных случаях. В одних диалектах было *t*, в других — *k*. Исследователям были и раньше известны случаи, где в прибалтийско-финских языках в некоторых окончаниях наблюдалась двойкость взрывных, как напр. в соответствиях эстонского суффикса *-gi*, *-ki*, который в западно-эстонских диалектах восходит к прежнему **-kit* (остров Хийумаа: *māgid* 'и я', *oligid* 'непременно было'), а в восточно-

²¹ K. Mülenbachs — J. J. Endzelīns, *Latviešu valodas vārdnīca*. Rīga 1923—.

²² Д. В. Бубрих, Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка, Петрозаводск 1946, стр. 41.

водских диалектах к прежнему **-kik* (*nĩtšig* 'и так, именно так', *elĩtšig* 'непременно было').)

Пусть этот небольшой экскурс в историческую фонетику свидетельствует, как много ещё остаётся сделать для выяснения более ранних стадий развития прибалтийско-финских языков. Имеется множество отдельных фонетических, морфологических и синтаксических фактов, которых мы не знаем, ибо наречия и говоры прибалтийско-финских языков ещё недостаточно изучены; между тем исследование таких отдельных фактов могло бы в значительной мере содействовать правильному решению целого ряда вопросов финноугорского языкознания.

В заключение следует сказать, что местом образования гортанного взрывного ²южно-эстонских говоров являются голосовые связки, которые на мгновение смыкаются полностью и затем неожиданно размыкаются. Это внезапное смыкание и размыкание голосовых связок сопровождается характерным щёлкающим звуком ²³. Эстонский гортанный взрывной можно сравнить с семитским алефом ²⁴, а также с соответствующим звуком самоедских языков ²⁵.

Паул Аристэ.

²³ P. Ariste, Lõuna-eesti larüngaalklusiilist. Eesti Keel 1938, стр. 233 и след.

²⁴ W. H. T. Gairdner, The Phonetics of Arabic, Oxford 1925, стр. 30 и след.

²⁵ Г. Н. Прокофьев, Ненецкий (юрако-самоедский) язык. Языки и письменности народов севера I, Москва-Ленинград 1937, стр. 13 и след.

Происхождение водского языка.

В настоящее время одним из прибалтийско-финских языков является водский язык, на котором говорят всего лишь несколько сот человек в Ленинградской области, преимущественно в Кингисеппском районе. Водский язык дольше оставался неисследованным, чем другие, родственные ему языки. Фр. Л. Трефурт (Fr. L. Trefurt), родившийся в Ленинграде, тогдашнем Санкт-Петербурге, и работавший впоследствии в Нарве, является, как известно, исследователем, который поставил перед учёным миром преданный забвению вопрос о водском народе и водском языке. Трефурт записал в Котлах (Kattila), недалеко от Нарвы, и в окрестностях Котлов целый ряд обычаев и верований води, некоторые образцы водского языка и одну народную песню. Этот материал Трефурт опубликовал в книге Фр. К. Гадебуша¹. Трефурт называет водь по-немецки „Tschuden“, очевидно заимствуя это название у местных русских, которые зовут водский народ „чудью“. В своей статье он указывал на то, что водь является самостоятельным финноугорским народом, родственным финскому. „Они имеют свой собственный, совершенно несходный с русским язык. Этот язык имеет однако известное сходство с финским, так что финн понимает язык чуди, и наоборот, но говорить на языке друг друга они не в состоянии. Некоторое впрочем весьма отдалённое сходство имеет язык чуди и с эстонским языком: с кельтским же и с курляндским — совершенно никакого“².

Насколько неизвестен был водский язык в конце восемнадцатого столетия, видно, между прочим, из предположения Екатерины Второй, что водь и ижора будто бы являются потомками варягов. Сохранилось собственноручное письмо Екатерины (1784 года), в котором она приказывает отослать графу Кириллу Григорьевичу

¹ Fr. K. Gadebusch, *Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit* I—II, Riga 1779—1785.

² *Op. cit.* I 5, стр. 12.

Разумовскому известный свой „Реестр слов“ и добавляет: „попросите его именем моим, чтобы он послал в своих копорских деревен кого поисправнее и приказал бы у тех мужиков, кои себя варягами называют, тех слов на их языка переписать, а еще лучше буде бы суда человека другого посмысленнее для того приводит велел“³. Как известно, Екатерина собирала в то время материалы для изданных позднее П. С. Палласом „Сравнительных словарей“, где водский язык значится под рубрикой „По Чюхонски“ вместе с финским и ижорским языками. В предисловии к „Словарям“, между прочим, говорится: „О Финских наречиях присланы из разных стран словари, из коих иные под названием языков Варяжского и Чудского“⁴. Правительственные чиновники того времени повидимому спутали известное из истории название народа „варяги“ со словом *vaddalain*, которым называет себя сама водь: оба эти слова, действительно, имеют некоторое фоническое сходство.

В том же году, когда Екатерина II писала свое письмо о „варягах“, литератор и исследователь эстонского языка В. Хупел (W. Hupel) в серии своих сочинений „Nordische Miscellaneen“ VIII (Рига, 1784) выступает с критикой статьи Трефурта. Хупел не разделял мнения Трефурта о принадлежности водского языка к финскому. Хупел утверждает, что часто упоминаемая в русских хрониках чудь является ни кем иным, как эстонцами — предками теперешних эстонцев, и что Tschuden, о которых говорит Трефурт, должны быть тем же народом. Подробнее анализируя приведённый Трефуртом языковой материал води, Хупел приходит к выводу, что „как можно заключить по языку чуди, он родствен эстонскому; следовательно, чудь и эстонцы, как братья, говорят на одном языке, хотя и на разных диалектах“ (стр. 331). Таким образом, Хупел считает водский язык диалектом эстонского.

В восьмидесятых годах восемнадцатого столетия о води (*vatialaiset*) упоминает финский историк Х. Г. Портан (П. С. Porthan)⁵. Портан считает водский язык диалектом финского, который с течением времени всё более приближается к языку соседей — ижоров.

³ С. Соболевский, Филологические занятия Екатерины II. Русский Архив 1, 1863, стр. 390 и след.

⁴ P. Ariste, Two Old Vocabularies of the Votic Language. Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat 1935, Tartu 1937, стр. 1 и след.

⁵ Virittäjä 1906, стр. 1 и след.

Водскую песню, записанную Трефуртом, издал в 1832 году финский ученый К. А. Готтлунд (C. A. Gottlund) во второй части своей книги „Ottawa“. В предисловии к этой песне Готтлунд высказал следующее мнение: „Их язык — один из финских говоров, в котором однако много своих слов, и в котором многие слова имеют другое значение, чем в нашем языке“ (стр. 209).

В 1833 г. А. И. Шегрен (A. J. Sjoegren) опубликовал свою весьма значительную по содержанию работу „Ueber die finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernements und ueber den Ursprung des Namens Ingermanland“⁶. На стр. 25 и след. Шегрен утверждает, что водь является старейшей обитательницей так называемой Ингерманландии. В качестве образцов водского языка автор приводит различный словарный материал и одну народную песню. На основании этой песни и других собранных им материалов, Шегрен полагает, что язык води в сущности является финским языком, хотя и содержит много таких особенностей, которые остаются непонятными для настоящего финна. По некоторым своим формам водский язык, по мнению Шегрена, имеет сходство с языком вепсов, или, как говорит автор, с языком северной чуди. Особенности водского языка, которыми он отличается от финского и которые свойственны и эстонскому языку, Шегрен приписывает влиянию эстонского языка на водский (стр. 32). В общем выводе Шегрен говорит: „Взвесив всё это, мы собственно должны считать и Watialaiset (Waddjalaiset) финнами, которые однако восприняли в свой язык различные, чуждые ему лопарские и особенно эстонские элементы, и поэтому можно думать, что и сами они, быть может, являются смесью различных племён или даже переходной ступенью от эстов к финнам, причём перевес всё же остаётся на стороне финнов“.

В 1854 году в Эстонском Учёном Обществе⁷ исследователь водского языка А. Альквист (A. Ahlqvist) выступил с речью о водском народе. В этой речи Альквист, основываясь на лексических и морфологических образцах, утверждал, что водский язык является диалектом не финского, а эстонского языка. В своём выступлении Альквист, между прочим, сказал: „За несколько недель своего пребывания среди этого маленького народа я произвёл много наблюдений над его языком, и с некоторой уверенностью думаю,

⁶ Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg VI. Sciences politiques, Histoire et Philologie II.

⁷ Õpetatud Eesti Selts.

что мне удастся рассеять старые сомнения и осветить тёмный вопрос о языке водского народа, высказав предположение, что этот язык является ничем иным, как диалектом эстонского языка“. Далее Аלקвист приводит целый ряд доказательств родственности эстонского и водского языков, как напр. наличие в обоих языках гласного *õ*, особенности гармонии гласных, *ee*, *oo* и *öö* в обоих языках, тогда как в финском языке мы находим *ie*, *uo*, *uo*, исчезновение *h* в начале слова, вокализация *n* перед *s*, исчезновение *n* в конце слова, одинаковое образование комитатива, сходные черты в образовании степеней сравнения, в формах глагола и словообразования.

В 1856 году вышла из печати книга Аלקвиста „Wotisk Grammatik jemte språkprof och ordförteckning“⁸.

В предисловии к своей грамматике Аלקвист утверждает, что водский язык является одним из диалектов прибалтийско-финской ями (*en jämsk dialekt*), причём под диалектами ями Аלקвист подразумевал западные и южные диалекты прибалтийско-финских языков и язык вепсов, который он также считал принадлежащим к этой группе. Повидимому, автор изменил своё мнение относительно однородности водского и эстонского языков, так как в предисловии к своему труду он говорит лишь о том, что водский язык близок эстонскому, особенно южно-эстонским диалектам.

На основании материала, помещённого в книге Аלקвиста „Wotisk Grammatik“, академик Ф. Й. Видеманн (*F. J. Wiedemann*), умерший ровно 60 лет тому назад, написал более пространное исследование „Ueber das Wotische in seiner Stellung zum Ehstnischen“⁹. Видеманн полагает, что ближе всего к водскому языку стоят южно-эстонские диалекты. В настоящее время это мнение не заслуживает уже доверия, так как материалы, которыми мы теперь располагаем, доказывают, что северно-эстонские диалекты всё же более близки водскому языку, чем южно-эстонские. Анализируя весь материал по водскому языку, Видеманн устанавливает с точки зрения современной ему науки, в каких отношениях сходны между собой эстонский и водский языки. Между прочим, Видеманн вполне справедливо замечает, что водский лексикальный материал семантически ближе к эстонскому, чем к финскому языку. Однако,

⁸ Acta Societatis Scientiarum Fennicae VI. Helsingfors.

⁹ Bulletin de la Classe des Sciences historiques, philologiques de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersbourg XIII 1856, стр. 299—304, 327—336.

Видеманн не утверждает, что водский язык является одним из диалектов эстонского языка, а лишь считает эти языки родственными. По существу такого же мнения был и Альквист, как в предисловии к своей грамматике, так и в её частях, непосредственно посвящённых этому вопросу.

На основании исследований Альквиста и Видеманна было установлено, что водский язык является самостоятельным прибалтийско-финским языком. Это мнение со своей стороны поддержали В. Поркка (V. Porkka)¹⁰ и Э. Н. Сетяля (E. N. Setälä)¹¹. Также и Л. Кеттунен (L. Kettunen) в своём хорошо известном руководстве „*Vatjan kielen äännehistoria*“¹² считает водский язык самостоятельным прибалтийско-финским языком.

Позднее Кеттунен специально рассмотрел вопрос о происхождении водского народа и водского языка в своей речи, произнесённой в день столетней годовщины Эстонского Учёного Общества. Эта речь была опубликована и в печати¹³. Относительно водского языка Кеттунен приходит здесь к следующему выводу: „Водский язык является по существу древним финским языком, к которому примешались некоторые элементы древнеэстонского, а позднее также и более нового эстонского языка. Те черты, которые отсутствуют в других языках и присущи только одному водскому языку, по большей части, развились лишь в течение нескольких последних столетий (как напр. характерный переход $k > tš$) или во всяком случае возникли в продолжение самостоятельного развития водского (скажем, на протяжении 1000 лет)“ (стр. 105). Далее Кеттунен ставит вопрос, можно ли водский язык считать таким же самостоятельным прибалтийско-финским языком, какими являются эстонский, ливский или язык вепсов. Кеттунен придерживается того мнения, что водский язык возник позднее этих языков. Он полагает, что на восток от Наровы были поселения ями, которая массами переселялась за море и занимала области, которые в настоящее время носят название Няме. В области, покинутые ямью, с запада вторгались новые поселенцы. Эти пришельцы

¹⁰ Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte, Helsingfors 1885.

¹¹ Yhteissuomalainen äännehistoria, Helsinki 1890—1891.

¹² II издание 1930 г.

¹³ Über das Verhältnis der ostseefinnischen Sprachen und die vorgeschichtliche Gruppierung der entsprechenden Völker. Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat 1938, Tartu 1940, стр. 100 и след.

могли быть выходцами из северной части теперешнего уезда Тартумаа, где находился старо-эстонский уезд *Vaiga* или *Vagja*. Часть ями, может быть, всё же осталась на прежних местах. Оставшиеся смешались с новыми поселенцами из *Vaiga* и образовали водский народ и водский язык. Кеттунен полагает, что водский язык, в качестве самостоятельной единицы, едва ли существовал ранее VII или VIII столетия (стр. 106). Всё же Кеттунен не до конца проработал ту часть своей интересной статьи, которая касается води, так как там же, на стр. 117, он противоречит самому себе, говоря, что водь была одним из восточно-эстонских племён.

Приведённые выше мнения о принадлежности водского языка являются наиболее существенными данными из того материала, каким мы располагали до сих пор. Эти мнения свидетельствуют о том, что, начиная с конца XVIII века до настоящего времени, учёные колебались, считать ли водский язык более близким финскому языку или эстонскому, или же считать его диалектом одного из этих языков. Прежде чем со своей стороны приступить к анализу этого вопроса, нам необходимо остановиться на некоторых археологических и исторических данных, касающихся водского народа.

Эстонский археолог Х. Моора (Н. Моора) в одном из своих исследований утверждает, что до XI столетия у води и эстонцев была более или менее общая и одинаковая культура. Чем дальше в прошлое, тем эти культуры ближе друг к другу. Однако уже очень рано в культуре води начинает сказываться славянское влияние, которое всё возрастает, пока древняя культура води не славянизируется почти совершенно. Так как и в Эстонии были найдены водские могильники и типичные для води предметы, положенные с погребёнными, то автор полагает, что водь вторглась через реку Нарову в уезд Вирумаа и в северную часть Тартумаа¹⁴.

В своей статье „*The Prehistory of Ingria*“¹⁵ А. М. Талльгрэн (А. М. Tallgren) также касается вопроса о води. А. М. Талльгрэн полагает, что западная часть Ленинградской области между Чудским озером и Финским заливом колонизировалась со стороны Эстонии. Первая колонизация происходила примерно от IV до VII в. нашей эры. И этот автор утверждает, что старейшая археологическая культура северо-западной части Ленинградской области имеет

¹⁴ *Wotische Altertümer aus Estland. Eurasia Septentrionalis Antiqua* IV, Helsinki 1929, стр. 172—183.

¹⁵ *Eurasia Septentrionalis Antiqua* XII, Helsinki 1938, стр. 79—108.

сходство с эстонской. Поселенцы, пришедшие из Эстонии, могли положить начало народу, из которого впоследствии образовался теперешний водский народ. В то время область води была одной из областей, занятых эстонскими племенами, каковыми были напр. уезды Вирумаа, Ярвамаа или Харьюмаа. В VIII, IX и X веке эстонская колонизация продолжается, но известно, что к 950 году в Ингерманландии уже существуют две отдельных культуры — водская и ижорская (= карельская). До конца доисторического времени, т. е. в Эстонии примерно до 1250 г., в северо-западной части Ленинградской области и в северо-восточной Эстонии ещё существует более или менее общая культура. На эстонской стороне особенно близка водской культуре культура областей Ийсаку и Кодавере. Культура этих областей и есть водская культура. На западе она вскоре эстонизируется, на востоке же славянизируется. Около 1000 г. нашей эры водь, жившая на восток от реки Наровы как в экономическом, так и в религиозном отношении, уже полностью попадает в сферу интересов Новгорода.

Эстонский археолог А. Вассар (A. Vassar) также занимался вопросом о прошлом водского народа¹⁶. В противоположность Кеттунену, считавшему, что ямь переселилась в Финляндию из области, находившейся на восток от реки Наровы, Вассар, опираясь на археологические данные, полагает, что исходным пунктом переселения ями был уезд Вирумаа, откуда часть населения перешла и в теперешние области води. В эти области могли переселиться со стороны Эстонии и другие прибалтийско-финские племена. Таким образом, водь могла произойти от нескольких подразделений прибалтийско-финских племён, которые пришли с запада и слились в одно целое. Позднее началось обратное движение води в сторону Вирумаа, которое достигло западного берега Чудского озера.

На основании собранных данных авторы утверждают таким образом, что в продолжение некоторого времени, примерно с IV по XII век, а может быть и позднее, археология северо-восточной Эстонии и водской области весьма родственны друг другу. Было также отмечено, что переселение шло из северо-восточной Эстонии через реку Нарову на восток в течение довольно продолжительного времени. Позднее же начался отход на запад, главным образом в Вирумаа и северную часть Тартумаа.

¹⁶ Soomlaste Soome siirdumise lähteruumist. Ajalooline Ajakiri 1938, Tartu стр. 49—68.

Имеются ли и языковые данные о том, что такие переселения происходили между северо-восточной Эстонией и водской областью? Как известно, топонимика является одним из важных доказательств передвижения народов. Так, напр. в XIX столетии эстонцы переселялись в разные части Ленинградской области, в Приволжье, Сибирь, на Кавказ и в другие места. При этом новым эстонским поселениям часто давались те названия местностей в Эстонии, откуда выходили переселенцы. Точно так же и в более ранние времена новым местам могли даваться названия прежних мест поселения.

Обратившись к теперешним и прежним названиям местностей у воды, мы встретим здесь довольно много названий, имеющих прямое соответствие в области эстонского языка, например, *kattila* ~ *Katela* в Хальяла, *mahu* ~ *Mahu* в Виру-Нигула, *rudda* ~ *Rutja* в Хальяла, *sala*, *salāsū* ~ *Sala* в Люганусе, *undova* ~ *Undla* в Кадрина, *se-mero* ~ *Sõmeru* в Раквере, *jēgeperä* ~ *Jõepere* в Кадрина, Люганусе и других местах уезда Вирумаа, *terma* ~ *Tõrmaküla* в Кадрина, Раквере и т. д. Названия местностей у воды мало собирались и ещё меньше исследовались. Более основательное исследование установило бы, по всей вероятности, и другие названия, которые могли бы быть сопоставлены с эстонскими названиями. Заслуживает внимания то обстоятельство, что соответствия упомянутым выше водским названиям местностей мы находим именно в северо-восточной Эстонии, т. е. в той области, откуда, по предположению археологов, и происходило переселение через реку Нарову.

Кроме названий местностей, есть и другие доказательства того, что между водским языком и северо-восточными диалектами эстонского языка существуют давние точки соприкосновения. Приведём здесь некоторые общие морфологические черты. В водском языке причастие прошедшего времени образуется при помощи суффикса **-nik*, **-nük*, а не **-nut*, **-nüt*. У восточной воды до сих пор встречаем *tullus* 'пришедший', *sānus* 'получивший'. В северных эстонских диалектах признак этого причастия исходит из первоначального *t* в конце слова, но в северо-восточных диалектах и теперь ещё есть следы образования причастия из конечного *k*: в Виру-Нигула *orpiini*, в Вайвара *orpiino* 'учившийся'. В северо-восточных диалектах в первом и втором лице множественного числа мы находим: *annatma* ~ *annata* 'мы даём', *annata* 'вы даёте'; точно также и в водском языке: *annatma*, *annatta*. В других же областях эстонского языка преобладают формы — *anname*, *annate*. Из области

лексики можно также привести ряд примеров: в северо-восточных диалектах *itkema-itkemā* 'плакать', *veli* 'брат', *riug* 'жердь', в остальной части северной Эстонии: *nutma*, *vend*, *ritv*, тогда как у води находим: *itkemā*, *velli*, *riuku*¹⁷. Эстонский язык делится на три большие группы диалектов: южную, северную и северо-восточную. Одной из особенностей северо-восточных диалектов является наличие двух степеней долготы звука вместо трёх, существующих в двух других группах. Так же и водскому языку свойственны лишь две степени долготы. Кроме этих общих черт с северо-восточными диалектами, водский язык имеет существенные общие черты со всей северо-эстонской областью языка; таковы, напр. слабая степень долготы в третьем лице единственного числа: *annav* 'даёт', эстонское *annab*, финское *antaa*; исчезновение *h* после согласного: *vana karu* 'старый медведь', эстонское *vana karu*, финское *vanha karhu*; вокализация *n* перед *s*: *pezaz* 'куст', эстонское *põõsas*, финское *pensas* и т. д.¹⁸.

Для той эпохи, когда предки эстонцев не слились ещё в один народ, а существовали лишь отдельные племена: *ugalased*, *saarlased*, *virulased* и др., следует всё же предполагать наличие общего названия того языка, который был понятен всем племенам. Это был *maa keel* 'язык нашей земли'. Эстонцы называли свой язык *maa keel* ещё в прошлом столетии. В некоторых водских деревнях было записано в качестве названия водского языка, наряду с *vaāda tseli*, также *mā tseli*; *pajatan vaissi* или *pajatan māssi* означает 'говорю на водском языке'. Мелодия речи и артикуляционная база представляют собой наиболее консервативные явления, сохраняющиеся обычно дольше, чем напр. фонологическая система звуков. Следует отметить, что мелодия речи одна и та же в эстонском и водском языке, тогда как таковые финского и ижорского языков сильно отличаются от мелодии речи языка води.

В далёком прошлом водский язык был одним из тех северо-восточных эстонских диалектов, которые позднее, вместе с диалектами других родственных племён, образовали основу эстонского языка. То обстоятельство, что древний диалект води не участвовал в позднейшем образовании эстонского языка, а развился в самостоятельный язык, объясняется различием общественных и бытовых условий по обеим сторонам реки Наровы. Одним из важных фак-

¹⁷ Eesti Keel 1932, стр. 30—32.

¹⁸ L. Kettunen, Valtian kielen äännehistoria², Helsinki 1930, стр. 173.

торов самостоятельного развития водского языка является и то обстоятельство, что водь рано вступила в очень тесную политическую, экономическую и культурную связь с Великим Новгородом.

Первые достоверные исторические данные о води-вадьялайзет мы находим в русских летописях середины XI столетия¹⁹. В то время соседи — русские считали водское племя самостоятельным целым, которое они отличали от родственных ему эстонцев и ижоров.

В начале XIII века Генрих Латыш знает эстонский уезд *Vaiga*²⁰, который в старинных грамотах известен также и под названием *Vagia* и *Wagien*.

Этот уезд находился в северо-восточной части Тартумаа, т. е. именно там, где могли остаться следы влияния води. В русских летописях этот уезд носит название *Клин*. Русское слово *клин* соответствует эстонскому *vai*, южно-эстонскому *vasà~vagà*, водскому *vadda*, финскому *vaaja*, которые, по всей вероятности, происходят от более раннего **vakja*: **vaŋja-*. Как известно, слово *vaddalaizer*, как называет себя водский народ, и водское же слово *vadda* 'клин' — этимологически одного происхождения. Этимологически к той же группе принадлежит и название эстонского уезда *Vaiga~Vagia*. Таким образом, в конце доисторического времени одна водская область имела общее название с одной из эстонских областей. В тех местах, где находился уезд *Vaiga*, существует теперь деревня *Vaiatu*, т. е. 'поселение води' (< **vaŋjatto*).

В бывшем уезде *Vaiga*, а также в областях, лежащих к северу и к югу от этого уезда, и теперь говорят на эстонском диалекте, который во многих отношениях имеет сходство с водским языком.

В этих, так называемых „вайских“, диалектах, из которых наиболее типичен диалект Кодавере, наблюдаются более поздние переходы звуков, которых нет в эстонском языке, но которые свойственны водскому языку, так, напр. почти везде *o > e*: *eràv* 'белка', водское *erava*, эстонское *orav*, финское *orava*; *tehin* 'я смею', водское *tehin*, эстонское *tohin*, финское *tohdin*; *st > ss* *aēvašsama* 'чихать', водское *aivassama*, эстонское *aevastama*, финское *aivastamaan*;

¹⁹ А. J. Sjoegren, Ueber die finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernements und ueber den Ursprung des Namens Ingermanland, особенно стр. 25 и след.; П. Кеппен, Водь и Водская пяттина. Журнал Министерства Народного Просвещения. 1851, №№ 5—6.

²⁰ Origines Lyvoniae, XV гл.

muš 'чёрный', водское *mussa*, эстонское *must*, финское *musta*; *jēvi* 'конский волос', водское *jēvi*, эстонское *jõhv*, финское *jouhi* и т. д.²¹. Эти характерные черты северо-восточных эстонских диалектов, которые наблюдаются не в прямом соседстве с бывшей областью водского языка на реке Нарове, а далее к западу и к югу от этой реки, возникли, вероятно, по той причине, что часть води, перейдя через реку Нарову, переселилась затем обратно на запад. Переселение произошло уже после того, как язык водского племени во всех отношениях принял свою особую форму и стал отличаться от всех эстонских диалектов. Переселившаяся в эстонскую область водь слилась с эстонцами, но водский язык всё же оставил заметные следы в местных диалектах. Существует ещё одно доказательство того, что водский язык и в более позднее время проникал в область эстонского языка. В водском языке, как известно, $k > tš$ перед гласными переднего ряда (*tšülä* 'деревня', эстонское *küla*, финское *kylä*; *litši* 'близко', эстонское *ligi*, финское *liki*). Ни в одном эстонском диалекте не наблюдается такого перехода, однако в северо-восточной Эстонии местами встречаются *siuru*, *taitsinmari* вместо обычных *kiur* 'жаворонок', *taiginmari* 'сладкая смородина', что может быть объяснено только эстонизированием водских *tšiuru* и *taitšinmarja*²². Как уже упоминалось выше, археология также указывает на следы переселения води в северо-восточную Эстонию.

Водский язык берёт свое начало в говорах северо-восточных эстонских племён. В окончательном же формировании этого языка важную роль играли и некоторые другие факторы, прежде чем он принял ту форму, в какой существует в настоящее время. Начиная приблизительно с 1000 года, бок о бок с водским народом жили ижоры, принадлежавшие к карельскому племени. Известно, что ижорский язык имеет весьма большое сходство с водским, так что водь и ижора могут без труда понимать друг друга. Поэтому представляется вполне вероятным, что водский и ижорский языки оказывали влияние друг на друга. В данном случае мы остановимся лишь на вопросе о влиянии ижорского языка на водский. Прежде всего мы находим множество заимствований из ижорского языка в области лексики: например, *kärkki* 'шишка', *keühä* 'бедный', *karjušši* 'пастух', *kehno* 'худой', *kerkiä* 'быть в состоянии', *kakšikod* 'близ-

²¹ L. Kettunen, Lautgeschichtliche untersuchung über den kodaferischen dialekt, Helsinki 1913, особенно стр. 205 и след.

²² J. Mägiste, Paarist vādja laenust eesti keeles. Eesti Kirjandus 1927, стр. 161 и след.

нецы', *haili* 'салака' и т. д. Таких заимствований насчитываются сотни. Ижорский язык оказал влияние также и на фонологическую и морфологическую систему водского языка. Здесь можно отметить хотя бы такие явления, как удвоение согласных в некоторых водских диалектах (*kaññā ~ kannā* 'курицу'), существование эксцессива (*sol-datint* 'из солдат'), такое образование множественного числа, как *verk-kolois* 'из сетей', *mindāloilē* 'невесткам', условное наклонение *eläissi* 'жил бы', которое является контаминацией водского условного наклонения с суффиксом *-ks-* и ижорского с суффиксом *-isi-*; отмечено также заимствованное у ижоров условное наклонение *antaizin* 'я дал бы' и т. д. Влияние ижорского языка на водский так велико, что местами язык, носящий название водского, является в действительности лишь диалектом ижорского языка, как напр. в деревне Куровицы (*Kukkuzi*). В Караколье и соседних деревнях также заметно очень сильное влияние ижорского языка, так что язык младшего поколения води является здесь как бы переходной ступенью между обоими языками. На основании исторических данных мы знаем, что в конце XVII века в районе Луги и Росони находилось несколько деревень, жители которых в то время говорили на водском языке, но где в настоящее время бытуют лишь ижорские диалекты²³.

В более позднее время в образовании водского языка, в качестве весьма важного фактора, участвуют и диалекты финского языка, — савакот и эвремейзет. Переселение финнов в водские области началось главным образом после заключения Столбовского договора в 1617 г. Из финских диалектов в водский язык перешло много лексического материала, в котором встречаются и шведские заимствования в финском, как напр. *helvetti* 'ад', *kalkki* 'известь', *klasi* 'стекло', *krapi* 'рак', *pukki* 'козёл' и т. д. Число слов, заимствованных из финских диалектов, также довольно значительно.

Говоря о прибалтийско-финских языках, мы не можем пройти мимо эстонского языка. Соприкосновения водского языка с эстонским не прекратились и тогда, когда из родственных прибалтийско-финских диалектов по обеим сторонам реки Наровы уже сформировались эстонский и водский языки, и продолжают до сего времени. Через эстонский язык вошли в язык води также и заимствования из немецкого, главным образом, нижненемецкого языка.

Как нами было уже отмечено, в древнее время водский народ был в тесной культурной, экономической и политической связи с

²³ Virittäjä 1932, стр. 26 и след.

Великим Новгородом. Этот факт также не прошёл бесследно в истории образования водского языка. Связь с Новгородом и была главной причиной того, что часть северо-восточных эстонских диалектов сгруппировалась в отдельный язык, так как политическая и экономическая концентрация, как известно, является одним из главных факторов образования языка из диалектов²⁴. Водский язык изобилует типичными для него старыми заимствованиями из русского языка, как напр. *pīraga* 'пирог', *sāppuga* 'сапог', *rāštoga* 'рождество', *kasuri* 'косарь', *mäsätä* 'мешать', *lāsivä* 'больной', *rettšä* 'редька', *meila* 'мыло', *mūkka* 'мўка', *pīru* 'пир', *sāto* 'суд', *usad* 'усы' и т. д. Очень велико также и количество более новых заимствований из русского языка. Русский язык, правда, не оказал особенно большого влияния на фонологическую и фонетическую систему водского языка, но тем сильнее проявляется это влияние в водском синтаксисе. Очевидным воздействием русского языка объясняется, например, появление *л* в соединении с гласными заднего ряда (*kala* 'рыба'), звонкие взрывные в начале слова (*bräkkö* 'дергач'), существование звука *š* (*širizev* 'журчит') и т. д. Но больше всего водский язык отличается от эстонского синтаксически. В водском синтаксисе мы находим очень много таких черт, которые образовались несомненно по аналогии с русским языком, тогда как эстонский язык подвергся сильному влиянию немецкого синтаксиса.

Языки могут развиваться из готового материала, в результате смешения народов и языков, или же путём концентрации диалектов в одно целое. На примере водского языка мы видели, как вследствие особой экономической, политической и культурной концентрации одна из групп прибалтийско-финских диалектов, к которой принадлежали эстонские говоры, развилась в отдельный язык, чему сильно способствовало привнесение элементов соседнего — русского языка.

Хотя в данный момент водский язык вымирает, исследователи не должны ни в коем случае его игнорировать. Язык води не имеет уже практического значения, однако тем более велико его значение для науки, особенно для изучения эстонского языка. Одной из важнейших задач прибалтийско-финских лингвистов является собирание и хранение всех имеющихся материалов о языке води.

Паул Аристэ.

²⁴ К. Маркс — Фр. Энгельс, Немецкая идеология, Сочинения, IV, 144, издание 1933 г.

О методах исследования эстонских говоров.

Как известно, методы исследовательской работы зависят от весьма различных факторов. Так, исследовательский метод прежде всего определяется задачей данной работы. Естественно, что исследователь, изучающий отдельный специальный вопрос, должен пользоваться другим методом, чем собиратель говоров, заинтересованный в наличии многостороннего материала для изучения лексики.

В известной степени метод работы зависит также и от собирателя материала. Для получения материала, заслуживающего доверия, исследователь должен уметь близко подойти к старым людям, говорящим на данном наречии, проявлять интерес к их жизни и деятельности и в известной мере знать лексику той области, которую он намерен исследовать.

В неменьшей мере, чем от самого исследователя, метод собирания материалов зависит также от объекта, т. е. от того лица, со слов которого записывается материал. Понятливый, обладающий хорошим чутьём языка объект легко схватывает, каких сведений от него ждут, и иногда бывает в состоянии давать заслуживающие доверия ответы даже на прямые вопросы о каком-либо слове или его форме.

Кроме того, при собирании диалектных материалов, следует считаться и с различными бытовыми факторами, от которых зависит способ опрашивания. Если, напр., исследователю говора нужны слова, касающиеся сенокоса, то безусловно ему легче всего узнать их, участвуя в этой работе. Точно так же слова из других областей труда лучше всего изучать там, где производятся данные работы, и где имеются соответственные орудия.

У нас нет оснований подробно останавливаться на методах работы ранних эстонских исследователей говоров. Мы знаем, что академик Ф. Й. Видеманн (F. J. Wiedemann), который был одним из самых известных исследователей эстонского языка в прошлом сто-

летию, широко пользовался при собирании материалов помощью сотрудников. Большого внимания с нашей стороны заслуживает д-р М. Веске (M. Weske), который во время своих разъездов с целью исследования говоров часто пользовался методом записи свободной речи по слуху. Веске нередко часами сиживал среди народа, чтобы, прислушиваясь к разговору, делать нужные записи выражений и слов.

Наряду с отдельными исследователями языка (Х. Оянсуу — H. Ojansuu, Л. Кеттунен — L. Kettunen), с начала 1900-х годов развивает довольно обширную деятельность по собиранию диалектологических материалов Эстонское Литературное Общество (Eesti Kirjanduse Selts), причём целью собирания является нахождение новых корней слов, чтобы при их помощи обогатить литературный язык. Здесь работали по большей части уже исследователи со специальным образованием, каковы Я. Йёгеве (J. Jõgeve), В. Грюнталь (V. Grünthal), Ю. Марк (J. Mark), А. Сааресте (A. Saareste) и др., деятельность которых и в методологическом отношении отвечала научным требованиям (так, напр. они применяли транскрипцию и отмечали слова на отдельных карточках). В дальнейшем Эстонское Литературное Общество намеревалось ещё расширить работы по сбору материалов и организовало сеть корреспондентов, при помощи которых можно было бы собирать материалы для словаря. Однако, предпринятый Эстонским Литературным Обществом сбор материалов не дал, ввиду начавшейся войны, больших результатов, и от этого времени сохранилось сравнительно мало диалектологических материалов.

Вопрос об исследовании говоров эстонского языка поднимается вновь в связи с основанием в 1920 г. Академического Общества Родного Языка (Akadeemiline Emakeele Selts). Я дам здесь краткий обзор методов собирания диалектологических материалов, применяемых в исследовательской работе этого Общества.

Хотя Акад. Общество Родного Языка было основано уже в 1920 г., к систематической исследовательской работе оно смогло приступить лишь в 1922 г. Главной своей задачей Общество поставило собирание материалов для издания большого „Словаря эстонских говоров“. Этот чисто научный словарь должен был бы содержать лексику всех эстонских говоров и, таким образом, быть по возможности полным собранием диалектологических материалов, дающим картину языка крестьян старшего поколения. Этот словарь был задуман гораздо более обширным, чем все прежние словари

(приблизительно в пять раз больше словаря Видеманна). Подобный словарь был бы особенно ценным для исследователей эстонского языка. Кроме словаря, было запланировано ещё составление обзора исторической фонетики отдельно для каждого прихода, а также — записывание топонимики и диалектных текстов. Таковы были главные задачи, которые Общество поставило себе в начале своей деятельности.

На работу по собиранию материалов были направлены студенты, изучавшие эстонский язык и имевшие уже некоторую филологическую подготовку. Эти студенты во время летних каникул проводили 1—2 месяца в деревне и собирали материалы говоров. Работа такого рода рекомендовалась им и с точки зрения университетских занятий. Собиратели должны были хорошо знать систему транскрипции и фонетику эстонского языка, а также особенности как родственных языков, так и эстонских говоров. Работа студентов весьма ценилась, и лучших из них побуждали к постоянной работе в этой области. Для подготовки студентов-собирателей организовались каждую весну особые курсы, где давались инструкции относительно выбора объекта, а также по методике работы. Позднее стали проводиться, уже в порядке университетских занятий, особые семинары, на которых детально разбирались вопросы исследования говоров. Весной каждому студенту-собирателю давались точные конкретные задания, где и что собирать, как выбирать объект опрашивания и т. д.

Так как выбор объекта имеет существенное значение для получения заслуживающего доверия материала, остановимся прежде всего на этом вопросе. Вопрос этот является тем более важным, что в наше время говоры быстро исчезают под влиянием распространения образования и литературы и оживления общественной деятельности. Поэтому первой задачей собирателя говоров является нахождение в соответствующем приходе подходящего объекта. Объектами наблюдений могут быть пожилые люди (прибл. 60-летние), родившиеся, выросшие и более или менее постоянно жившие в данном приходе или волости, умственно и духовно ещё бодрые и обладающие чётким произношением. Хорошо, если удастся найти объект наблюдений, не испытывавший нивеллирующего влияния образования (не читает литературы, газет, не участвует активно в общественных организациях), но обладающий живым чутьём языка и говорящий у себя дома только на данном говоре. Желательно выбрать объект из такой семьи, в которой имеется

несколько пожилых людей, владеющих тем же говором. Опыт показывает, что труд, потраченный на поиски объекта, всегда себя оправдывает. Поэтому рекомендуется не жалеть времени на подыскание подходящего объекта, тем более что хорошие представители отдельных говоров становятся всё более редкими.

Когда объекты наблюдений найдены, можно приступить к работе по собиранию материала. Поскольку главной задачей исследования говоров было собирание лексики, остановимся здесь прежде всего на способах опрашивания.

Из различных способов собирания лексики в своё время рекомендовался метод записи свободной речи по слуху. При пользовании этим методом собиратель прежде всего знакомится с данным говором и его характерными чертами, так сказать, изучает язык. При этом собиратель пытается выяснить звуковой состав данного говора, по возможности точно транскрибируя слышанное. В первоначальных беседах с местными жителями выясняются типичные черты данного говора; темой разговора при этом обычно бывают какие-нибудь области материальной культуры (напр. прежние местные рабочие инструменты, ремёсла и т. д.) или же события и явления, связанные с данным местом и его прошлым. При этом собиратель записывает материал свободно, обращая внимание на более интересные и редкие слова, наблюдая за звуковой, морфологической и синтаксической стороной говора, характерными оборотами речи и пр. В этот подготовительный период собирания материал записывается просто в тетрадь или на лист бумаги, без специальной обработки. Позднее собранный материал заносится, соответственно его характеру, на карточки для отдельных слов или в особые тетради.

Как уже было отмечено, это — наиболее старый способ собирания, которым пользовались самые ранние исследователи. Преимущество этого метода состоит в том, что записываемый таким образом материал является подлинно народным, естественным и неискажённым. Считалось желательным, чтобы собиратель, не принимая сам участия в разговоре, записывал целиком речь местных жителей, её построение, отдельные диалоги и т. д. Такая речь несомненно наиболее богата чисто народными выражениями, поговорками, пословицами и характерными для данного говора чертами.

Этим способом записи свободной речи по слуху собиратель должен пользоваться не только в начале своей работы, но и позд-

нее, так как таким путём можно получить особенно ценные дополнительные материалы для выяснения структуры говора. Собранный материал заносится на карточки соответственно определённом слову в предложении и присоединяется к общему словарю говора. Такие естественные примеры фраз и оборотов речи наилучшим образом характеризуют значение данного слова и его употребление. Однако, ограничиваясь этим способом записи, нельзя было бы составить целостного словарного собрания: его лексика была бы неполной, так как в обыденном разговорном языке не встречаются все слова говора.

Для получения систематического обзора лексики говора необходимо пользоваться специальными способами сознательного опрашивания. В качестве основания для исследования лексики наших говоров было взято наиболее полное собрание слов эстонского языка — „Эстонско-немецкий словарь“ Ф. Видеманна, по которому предполагалось выяснить всю лексику в 30-ти приходах. Так как собирание словарных материалов по Видеманну делалось наиболее обычным способом работы, то на нём следует остановиться более подробно. Вначале эта работа происходила следующим образом: объекту называли определённое слово из словаря Видеманна и просили объяснить точное значение этого слова и его употребление. Этот способ можно назвать методом прямого опроса, так как при этом данное слово называлось непосредственно, и объект должен был указать, употребляется ли оно в говоре. Если объект отвечал отрицательно, то данное слово отмечали, как отсутствующее в говоре, и заносили это сообщение на особые карточки с отрицательными ответами. Таким образом старались точно определить географические пределы распространения данного слова. Позднее, однако, отказались от регистрации отрицательных сведений и заносили лишь положительные, предполагая, что слова, относительно которых на исследованной территории отсутствуют данные, — говору неизвестны. По этому методу прямого опроса на основании словаря работа протекала весьма быстро, так как главное внимание обращалось на факт наличия или отсутствия данного слова в говоре. Если слово в говоре встречалось, заполняли о нём одну или две карточки и переходили к вопросам о следующем слове. Вследствие этого оставались невыясненными сложные слова, не были тщательно исследованы особые оттенки значений слов и в достаточной степени проверены встречающиеся в словаре обороты речи. Таким образом опрашива-

ние этим способом оказалось сравнительно поверхностным, особенно в области выяснения значения слов и их употребления.

О каждом собранном слове заносились на карточку, согласно инструкции, следующие данные:

1) Для систематизирования лексики и облегчения поисков диалектного слова — в начале карточки помещалось заглавное слово в его литературной, а не диалектной форме, если только слово этого корня было известно в литературном языке, напр.: (*kõht*) 'живот': (*ket*), (*laps*) 'ребенок': (*laits*) и т. д.

2) Вслед за заглавным словом помещалась транскрипция его диалектной формы, напр. (*lage*): *lakke*, (*puutuma*): *puĩma* и т. д. Особым образом отмечались слова, не встречавшиеся в прежних собраниях.

3) За диалектной формой слова должно было указываться его значение. К сожалению, на эту сторону дела не обращалось вначале достаточного внимания. Так, в тех случаях, когда значение диалектного слова повидимому совпадало со значением, даваемым в словаре Видеманна, разрешалось ограничиваться соответственной ссылкой. Эта возможность делала работу собирателей поверхностной: они не уделяли значению слов достаточного внимания и часто для ускорения работы ставили лишь пометку „T. W.“ Только в тех случаях, когда предмет или понятие были незнакомы собирателю и не были объяснены в словаре Видеманна, значение слова записывалось вместе с соответственным описательным предложением. Часто не исполнялось требование заполнять несколько отдельных карточек, если слово имеет ряд значений. Обычно все оттенки значения слова записывались на одной карточке и лишь в случае особо резких различий значения применялись отдельные карточки.

4) Слишком формалистически относились также к записи морфологии слов. В соответствующем руководстве по собиранию требовалась запись известных грамматических форм (напр. падежей: генитива, партитива и иллатива). Хотя и было указано, что при записи форм не надо следовать шаблону, всё же нередко случалось, что собиратели спрашивали у объекта и такие формы, которые в действительности не употребляются, как напр. множ. число от абстрактных имён существительных.

Позднее, в связи с замеченным недочётом, было выдвинуто требование ограничиваться записью лишь существенных форм, важных с точки зрения выяснения основы слова и её изменений;

для наблюдения же за остальными формами стали составляться специальные морфологические обзоры.

5) Наиболее ценными данными записи были примеры предложений, которые должны были пояснять значение данного слова, показывать, когда или в каком смысле и с какими оттенками значения оно употребляется. В лучших собраниях слов эта часть записи тщательно заполнена, снабжена богатыми примерами, так что этими данными можно было пользоваться в дальнейшей исследовательской работе, но встречаются и такие собрания, которые почти не дают материала для составления словаря.

6) Далее на карточку заносилось сокращённое название той местности, где данное слово было записано. Рекомендовалось выбирать такое место в приходе, где лучше всего сохранился язык старшего поколения. Считалось также желательным по возможности сравнивать особые черты данного говора в нескольких деревнях одного и того же прихода.

7) На каждой карточке приводились ещё данные, определяющие характер слова, т. е. является ли оно обычным или редким, новым или старым, вульгарным, шуточным, индивидуальным и т. д.

8) В заключение на карточке отмечались инициалы собирателя и время записи.

Тот же метод опрашивания и заполнения карточек применялся и в том случае, когда вместо словаря Видеманна пользовались так наз. дополнительными словарями. В эти дополнительные словари помещалась собранная новая и редкая лексика, ранее в собраниях отсутствовавшая. Чтобы точнее определить значение, способ употребления и пределы распространения ранее неизвестных слов, наличие этих слов контролировалось и в других местностях. С течением времени в Академическом Обществе Родного Языка накопилось 7 таких добавочных словарей. Собираение материалов на основании этих словарей было для объекта ещё более скучным, чем соби́рание по Видеманну, так как обычно среди массы редких слов лишь очень немногие были ему знакомы.

В процессе работы обнаружилось, что такое прямое опрашивание по соответствующим словарям не даёт желательных результатов. Затруднением для объекта являлось прежде всего то обстоятельство, что при опросе в алфавитном порядке — рядом часто стояли слова, не имеющие по смыслу ничего общего. Объект едва успевал подумать об одном понятии, как уже нужно было переходить к совершенно другой области. Такие скачки из одной сферы понятий

В другую утомляли объекта, и значительно уменьшали его интерес к работе, в особенности когда в словаре встречался ряд слов, ему совершенно неизвестных. Ввиду этого возникла надобность распределить словарный материал таким образом, чтобы он представлял интерес как для собирателя материала, так и для объекта, и давал возможность большего углубления в данный круг понятий. Если ранее слова вопросника располагались в алфавитном порядке, то теперь было решено задавать вопросы по отдельным предметным областям и комплексам понятий, что давало объекту возможность подробнее разяснять лексику отдельных отраслей быта и производства.

Таким образом в 1930 году перешли к так наз. смысловому или идеологическому способу опрашивания, который позволял основательно углубляться в различные области лексики. Стали собирать слова по мореходству, пчеловодству, земледелию, лесоводству, животноводству, строительству, общественным отношениям, праву, средствам передвижения, фауне и флоре, погоде, одежде, играм и т. д. Для работы по сбору составлялись соответственные словарные вопросники, где слова были расположены по комплексам понятий. Такой способ задавания вопросов давал объекту возможность свободно рассказывать о данном предмете, в особенности если он был ему хорошо знаком. Собирателю было теперь гораздо легче выбирать из речи рассказчика примеры предложений, интересных в бытовом отношении, поясняющих употребление данного слова и подлинно народных по форме.

Хотя при опрашивании попрежнему имелась в виду и формальная сторона слов, главный упор всё же делался на содержание. Исследователи стали более тщательно следить за значением слов, точнее разграничивать смысловые оттенки синонимов, более подробно характеризовать слова, давая образцы фраз. Поэтому карточки, собранные по отдельным группам понятий, заполнялись более подробно и давали гораздо больше материала для составления словаря. От господствовавшей ранее поверхностной и формалистической трактовки вопроса произошёл переход к более основательному рассмотрению лексического материала со стороны содержания.

В связи с этим значительно изменился также и метод опрашивания. В то время как раньше часто лишь называли слово и просили сказать, существует ли оно в данном говоре и, если существует, то что означает и когда употребляется, — теперь стали

применять и косвенные методы опрашивания, устранявшие возможность внушения соответствующего слова. Таким образом к опрашиваемому объекту обычно уже не обращались с вопросом, знает ли он то или иное слово, а спрашивались у него, как называется тот или иной предмет, действие и т. д. Естественно, что такой способ опрашивания требовал и от собирателя достаточных знаний в данной области. Так, напр., при собирании лексики рыболовства, исследователь должен был заранее собрать необходимые сведения в этнографическом музее и ознакомиться с литературой предмета, чтобы иметь ясное представление о способах и орудиях лова.

При косвенном методе опрашивания исследователь говоря не называл слова, относительно которого он желал получить сведения, а старался добиться требуемого наименования предмета, действия и т. д. косвенным путём. Для этого обычно применялось описание предмета, но могли быть использованы также и различные другие приёмы. Естественно, что прежде всего собиратели лексики старались сами увидеть те предметы, о которых шла речь. При рассматривании соответствующего предмета просили назвать его отдельные части, спрашивали, как и из чего сделана та или иная часть, какое у неё назначение и т. д. Таким образом выяснялись названия различных орудий труда и их частей (рыболовные снасти, сельскохозяйственные орудия, прядильные и ткацкие принадлежности), причём данный предмет зарисовывался, и на рисунке отмечался соответствующий лексический материал. Очень часто применялось также и фотографирование, в особенности в тех случаях, когда предметы оказывались старинными, особенно типичными для данной местности, или вообще заслуживали внимания в каком-либо отношении. Эти рисунки и фотографии прилагались к собранному лексическому материалу и давали возможность получить ясное представление о значении данного слова, характеризуя в то же время материальную культуру соответствующей области. Такой метод собирания лексического материала, конечно, является весьма эффективным, но ограничивается в основном областью материальной культуры, напр., этнографическими изысканиями, тогда как во многих других областях лексики применение рисунков и фотографий является невозможным.

В тех случаях, когда данный предмет нельзя увидеть на месте, желательно иметь соответствующие изображения, с помощью которых можно было бы выяснить название предмета или его части

(напр. различные естествоведческие таблицы для определения названий насекомых, червей, животных и растений; рисунки старинных орудий труда и др.). Последний способ всё же далеко не так эффективен, как рассматривание и исследование самого предмета.

Из других приёмов, применяемых при собирании лексического материала, следует отметить нахождение соответствующего слова при помощи противоположного понятия. Этот способ с особым успехом можно применять при установлении названий качеств или действий, причём называется одно качество (напр. толстый, светлый) или действие (смеяться) и предлагается назвать слово, противоположное данному по значению. С другой стороны, можно предложить назвать синонимы какого-либо слова и таким образом установить новые слова, которых ещё нет в вопроснике. В отношении синонимов, разумеется, надо особенно иметь в виду оттенки различия слов.

В том случае, когда необходимо найти недостающую форму слова, можно предложить сказать фразу, в которой данное слово должно быть поставлено в соответствующей форме, напр. для выяснения формы партитива попросить заменить утвердительное предложение отрицательным. При контролировании собранного материала, в том случае, когда объект опрашивания обладает достаточным знанием языка и некоторым образованием, можно предложить перевести какое-либо слово или фразу на местный говор. Обычно это легко удаётся в тех областях, где говор сильно отличается от литературного языка, тогда как в областях, где это различие меньше, такой приём трудно осуществим. Кроме того, при таких переводах всегда есть опасность отступления от языковых форм говора под влиянием литературного языка фразы, предложенной для перевода. Поэтому непосредственный перевод малоприменим для получения языковых образцов говора. Работу опрашиваемого объекта можно с успехом проконтролировать, предложив её результаты для просмотра другому хорошему знатоку говора, и таким образом получить более достоверные данные относительно значения слов и их звуковой формы.

Все эти различные способы собирания лексического материала необходимо применять в соответствии со словами и их значением. Применение различных приёмов делает работу более интересной и разнообразной. Как уже было указано раньше, косвенный метод собирания стал применяться в связи с разделением собираемых материалов на отдельные смысловые группы.

В дальнейшем всё же выяснилось, что и такой способ собирания лексических материалов имеет свои недостатки. Было легко собирать лексику, имеющую связь с материальной культурой (быт крестьян, работа, орудия труда, украшения и т. д.); до некоторой степени было возможно собирать таким образом также и лексический материал, отражающий духовную культуру прошлого (древние верования, обычаи и т. д.), но значительно более трудным делом являлось выяснение различных служебных слов, абстрактных понятий и т. д. Так как весь лексический материал было трудно соответствующим образом распределить по группам понятий, то в собранном опросном материале образовались пробелы, которые надо было как-либо заполнить. В связи с этим в 1937 г. назрела потребность снова исследовать лексический материал по Видеманну и добавочным словарям.

С этого времени начинается третий период нашего собирания лексического материала говоров, который всё же существенно отличается от первого, именно в отношении самого метода исследования.

Новый способ собирания, принятый также и в настоящее время, можно назвать комбинированным, так как в нём соединены по возможности все ранее применявшиеся методы. Опрашивание хотя и производится в алфавитном порядке, однако все слова или группы слов разрабатываются настолько основательно, что каждая отдельная группа образует как бы некоторый круг понятий, относящихся к данному слову, причём опрашивание проводится по возможности с исчерпывающей полнотой.

Таким образом, если темой опрашивания является, напр., слово *ader* 'плуг', то собиратель не ограничивается установлением одного только этого слова в данном говоре, но выясняет также, из каких частей состоит плуг, как называются эти части, какие типы плугов и какие их названия известны в данной местности, как употребляется данное слово в сложных словах и как оно склоняется; некоторые старинные плуги при этом зарисовываются или фотографируются и т. д. Вместо прежних одной—двух карточек заполняются 40—50, причём нередко встречаются и новые слова. Естественно, что все эти слова по алфавиту не всегда относятся к данной группе, но привести их в алфавитный порядок можно и позднее. При работе применяются в основном косвенные методы опрашивания. Такое тщательное опрашивание, имеющее в виду все оттенки значения слова, каждое производное от него, каждый падеж и различные способы его употребления, конечно, не даёт возможности

быстро проработать весь словарь, но зато полученный таким путём лексический материал содержателен и достоверен, тем более что и на его контролирование в настоящее время обращается гораздо больше внимания. Насколько более полным является лексический материал при комбинированном способе опрашивания, можно судить по количеству карточек, собираемых в одном приходе. Если раньше в каком-нибудь приходе собирали 6 000—10 000 карточек, то при новом способе собирания таких карточек набирается 40 000—60 000. Ранее собранный материал является подспорьем для ознакомления с формой, звуковым составом и пределами распространения данного слова, тогда как новые материалы дают возможность составлять статьи о каждом слове, в которых выясняются не только встречающиеся формы слова, но и различные его смысловые оттенки в эстонских говорах. Такое основательное опрашивание, разумеется, требует от собирателя известных навыков. Поэтому собирание материала нельзя было доверять временным собирателям-студентам, и работа поручалась постоянным, опытным исследователям, которые непрерывно работали в области одного говора, пока весь соответствующий материал не был более или менее исчерпан.

Таким образом производится у нас собирание лексики говоров и в настоящее время.

Уже в самом начале систематической работы по собиранию говоров началось и собирание топонимики с целью установить по возможности все эстонские географические названия, особенно же древние наименования мест.

Собирателям поручалось проводить эту работу в данном приходе или волости возможно тщательнее и отмечать не только названия деревень, мыз, крестьянских усадеб, рек, озёр, островов и возвышенностей, но также и названия низменностей, болот, трясин, лугов, сенокосов, древних могильников, мест, где находились жертвенники, древних военных путей и т. д. Все названия местностей, так же как и остальной лексический материал, заносятся в фонетической транскрипции на особые карточки, причём отмечаются местные падежи, в которых употребляется каждое отдельное название. Так как при собирании названий мест важно также и их географическое положение, то на каждой карточке указывается и географический пункт, где находится данное место. Иногда это делалось даже так, что на соответствующей карте отмечалось данное место. Для выяснения значения названия места в случае надобности добавлялось также соответствующее описание местности, и

приводились народные толкования происхождения или возникновения названия.

Там, где оказывалось возможным установить на основании местных источников (напр. по старым картам и т. п.) более ранние варианты данного названия (напр. названия деревень и др.), приводились и эти варианты.

Ценным добавлением к собраниям лексического материала являются тексты говоров, соби́рание которых было начато уже в 1922 г. В то же время Академическое Общество Родного Языка приобрело целый ряд фонографов, с помощью которых стали записываться диалектные тексты.

Соби́рание фонографических текстов обычно не представляет больших затруднений. Объекты, обладающие живым характером, по большей части бывают очень заинтересованы „говорящей машиной“ и охотно слушают, как звучит их речь из машины. Поэтому полезно после фонографирования какого-либо рассказа сразу же, в присутствии объекта, сделать и запись, так как исследователь тогда ещё помнит текст, а объект может сразу услышать свой голос и дать необходимые добавочные пояснения. Так как с помощью фонографа текст можно повторить, то и фонетическая его запись может быть проведена точнее, чем при записывании по слуху. Конечно, фонографический текст не равноценен с обыкновенной записью по той причине, что объект чувствует себя перед „машиной“ не так спокойно, как при простом рассказывании. Живость и сочность рассказа значительно ослабевают, так как рассказчик обращает внимание главным образом на фабулу и старается не останавливаться, пока „машина“ находится в действии. Когда объект привыкает говорить в машину, эти недостатки уменьшаются. В отношении достоверности фонографические тексты стоят выше записанных по слуху. Кроме того, в этом случае есть возможность более точно отметить логические ударения, паузы и т. д.

Так как фонографические валики недолговечны, и их хранение связано с некоторыми трудностями, то впоследствии наши исследователи перешли от фонографических записей к таковым на граммофонной пластинке. Записи эти производились при помощи аппаратуры радиостанции, так как Академическое Общество Родного Языка не в состоянии было приобрести собственную аппаратуру. Такие пластинки давали возможность воспроизводить соответствующий текст бесчисленное количество раз. Речь рассказчика

при записи на граммофонную пластинку была гораздо естественнее и внятнее, чем при фонографировании.

Всё же наши возможности в деле собирания текстов говоров при помощи технических средств были слишком ограничены, и большинство текстов было собрано по слуховому способу.

Записи говоров по слуху можно проводить через посредство рассказчика, обладающего даром слова, умеющего и любящего рассказывать. Темой повествования может служить какая-нибудь бытовая история, случай из жизни самого рассказчика, рассказ о работах и занятиях в старые времена, какой-нибудь образец фольклора, древнее предание или сказка.

В качестве диалектных текстов записывались также отрывки рассказов, более выразительные фразы, слышанные в свободном разговоре или повествовании и т. д., которые использовались как материал при исследовании лексических, синтаксических и других языковых вопросов.

Записывание по слуху хороших диалектных текстов довольно трудно. Хотя исследователь и может попросить рассказчика говорить медленно, всё же записать сразу целый текст он не в состоянии. Поэтому, прослушивая текст в первый раз, когда рассказ не потерял ещё свежести и красочности, исследователь старается записать, сколько успеет, в первую очередь все своеобразные обороты и выражения. Затем рассказчик повторяет свой рассказ, и исследователь старается заполнить пробелы. Уточнение фраз, формы слов и звуковой стороны производится при содействии рассказчика сразу же после записи текста. Позднее можно сделать проверку текста с помощью других объектов из той же местности.

При записывании текстов, имеющих повествовательный характер, не следует перебивать рассказчика вопросами, так как это отвлекает его внимание от темы, и рассказ становится неровным. Вопросы относительно неясных мест в рассказе предлагаются обычно после записи текста. Если же рассказ представляет собой какое-либо описание, напр. молотьбы или других работ в старину, то в интересах точности содержания необходимо тут же предлагать вопросы, чтобы заставить рассказчика более подробно разъяснить существенные моменты.

Языковая ценность текста в большой мере зависит от характера рассказчика, от его интереса к делу и умения рассказывать. Люди с дефектами речи едва ли способны дать полноценный текст; в

истории, рассказанной неохотно и вяло, нет ни свежести ни красочности.

В дополнение к собранным таким образом материалам предполагалось составить обзор исторической фонетики каждого говора, выясняющий его фонетические особенности. Для составления такого обзора от собирателя, конечно, требовалось основательное знание исторической фонетики эстонского и других родственных языков. С другой стороны, был необходим специальный вопросник с перечнем слов, в которых в различных говорах чаще всего наблюдаются фонетические колебания. Но так как для звуковой характеристики говора недостаточно вопросника, в котором не могут быть предусмотрены все детали фонетических явлений, то составление такого обзора следует поручать исследователю, хорошо знакомому с данным говором и уже раньше собиравшему соответствующие лексические материалы, тексты и т. п. В этом случае исследователь при составлении обзора сможет использовать также и весь собранный им ранее материал.

При опрашивании с целью выяснения звукового состава говора весьма желательно также применение косвенных методов. Но так как такое опрашивание представляет немало затруднений, то хорошо знакомый с говором исследователь при содействии опытного объекта может частично применять и способ непосредственного опрашивания. Вполне понятно, что вследствие различия между отдельными говорами все собранные при помощи вопросника и других приёмов материалы необходимо предварительно заносить в черновые тетради и лишь позднее систематизировать их. При этом исследователь должен особенно выделять те черты, которые характерны для данного говора, отличая его от других.

После фонетической характеристики говора приступали к составлению морфологических обзоров, посвящённых склонению и спряжению отдельных типов слов. Поскольку целый ряд слов не имеет всех форм склонения или спряжения, выяснение морфологических вопросов связано с трудностями как для исследователя, так и для опрашиваемого объекта, от которого нельзя требовать указания тех форм данного слова, которые в говоре неупотребительны. Равным образом нельзя требовать, чтобы объект называл отдельные слова и отдельные формы. Вполне естественно, что для установления форм какого-либо слова приходится вести беседу с объектом и запоминать соответствующие формы из его речи, по возможности вместе с контекстом. Успех такого рода работы зависит

как от способности объекта к абстрактному мышлению, так и от личной находчивости собирателя материалов.

В заключение следует отметить, что у каждого интересующегося языком собирателя с течением времени накапливается целый ряд общих наблюдений в области данного говора, которые могут представлять интерес как в языковом, так и в бытовом отношении. Сохранение говоров в языке зависит, как известно, от многих факторов, каковы напр. удалённость от больших центров, культурный и экономический уровень, происхождение народонаселения (переселенцы) и т. д. Наблюдения в этой области, характеризующие вообще говор, быт и занятия населения, заносятся исследователем в дневник, который прилагается к работе. В дневнике даются биографические сведения об объектах наблюдений и их личные характеристики, имеющие большую ценность при позднейшем использовании собранного материала.

В работе по изучению говоров, организованной Академическим Обществом Родного Языка, принимали участие не только исследователи со специальным филологическим образованием, в ней участвовала также и сеть корреспондентов, в свою очередь оказывавшая большую помощь Обществу. Вполне понятно, что от сотрудников, не имеющих специального образования, нельзя было требовать знания научной транскрипции. Поэтому корреспондентам рассылались руководства для усвоения упрощённой транскрипции, которая всё же давала возможность отмечать наиболее существенные качественные и количественные отношения звуков. Для того, чтобы работа корреспондентов имела определённую систему, составлялись соответствующие руководства и вопросники, рассылавшиеся Обществом. В то же время намечались темы, по которым корреспонденты должны были собирать материалы на местах. Темы выбирались при этом такие, которые могли бы представлять интерес и для более широких кругов, как напр., описания женских и мужских работ в старину и т. п. Корреспонденты разыскивали в своей округе хорошего знатока данного дела и записывали с его слов, в качестве диалектного текста, описание того или другого занятия. Эти описания, проредактированные руководителем сети корреспондентов, переписанные начисто и снабжённые рисунками, отсылались в Тарту, на т. н. конкурс собирания диалектных материалов, в результате которого лучшим сотрудникам выдавались премии. Описания нередко составлялись с большим старанием и интересом к делу и

доставляли много ценного материала языковедам, этнографам, фольклористам и историкам.

Кроме описанных выше общих методов, применявшихся при исследовании говоров, как Академическое Общество Родного Языка, так и отдельные исследователи пользовались и различными другими способами собирания и исследования говоров, помещая напр. объявления в газетах с просьбой объяснить те или иные явления в говорах, или занося диалектные материалы на карту для составления диалектологического атласа и т. д. Однако в виду того, что настоящий обзор ограничивается преимущественно рассмотрением той работы, которая сделана в области собирания диалектных материалов Академическим Обществом Родного Языка и Тартуским Государственным Университетом, мы оставляем в стороне обсуждение методов отдельных исследователей.

Диалектологическая работа протекала у нас, как мы видели, неравномерно. Мы искали методов, дающих возможность достигнуть более удовлетворительных результатов. Недостаточность материальных ресурсов мешала нам развить свою работу в необходимых размерах. Теперь, при советском строе, нам удалось включить в работу необходимое число постоянных квалифицированных научных работников в этой области. Мы надеемся в скором времени закончить первый этап своей работы и приступить к опубликованию „Словаря эстонских говоров“, диалектных текстов и соответствующих исследований.

Арнольд Каск.

Собирание и исследование эстонского народного творчества.

Для исследования истории культуры любого народа большое значение имеет изучение его фольклора. Чем больше собрано фольклорных материалов и чем к более древней эпохе они относятся, тем большую пользу могут они принести исследователю.

Следует указать, что количество записей эстонского фольклора, действительно, очень велико. При этом качество этих записей и их систематизирование можно признать вполне удовлетворительными. На основании того, кем эти записи были собраны и организованы, с какой целью и как сделаны, является целесообразным разделить историю собирания эстонского народного творчества на три периода.

Первый период собирания эстонского фольклора охватывает время с XIII до второй четверти XIX столетия. Это — период феодализма в Эстонии. Немцы ввергли эстонский народ в рабство, и все памятники культуры этого времени принадлежат немцам. Записи фольклора производятся не сознательно, с целью собирания, а совсем по другим мотивам. Поэтому в течение нескольких столетий мы почти не имеем никаких сведений по фольклору, и лишь из области борьбы с суевериями встречаются иногда отдельные заметки, которыми можно пользоваться и в настоящее время.

Ценными являются, конечно, те сведения, которые восходят к наиболее далёкому прошлому. Но чем древнее сведения, тем они более случайны и поверхностны. Работа по фольклору в первый период находится исключительно в руках лиц немецкого происхождения. Эта деятельность носит случайный характер или же ведётся церковью в интересах борьбы с языческими суевериями. Соответствующие материалы мы находим в хрониках, описаниях путешествий и протоколах судебных процессов против колдуний. Старейшие сведения о народных обычаях мы находим у Генриха Латыша, хрониста немецких меченосцев в XIII веке. Генрих

Латыш упоминает между прочим в своей хронике о том, как эстонцы собирались принести в жертву богам священника немецкой национальности Гартвига, причём предварительно метали жребий, чтобы узнать, кто более угоден богам, жирный ли бык, или упитанный священник. Жребий пал на быка, который и был принесён в жертву, священник же был при этом только ранен. Такие жертвоприношения упоминаются у Генриха Латыша несколько раз.

В XVII столетии в связи с борьбой церкви против народных верований пастором Гутслаффом (J. Gutsclaff) был написан интересный труд: „Kurtzer Bericht“¹. В нём говорится о реке Выханду, которую народ считал священной. По народному поверию, в этой реке жил Пикне, бог грома и молнии, от которого зависел урожай хлеба. Когда в 1642 году помещик построил на этой реке мельницу, народ счёл этот поступок оскорблением своего божества и осквернением реки, чем и объяснял неурожай двух последующих лет, вызванный на самом деле чрезмерными дождями. Доведённый до отчаяния народ разрушил мельницу. Об этом и повествует пастор Гутслафф. Им приведён также текст на эстонском языке — обращение народа к богу Пикне с просьбой благословить урожай хлеба. Эта история послужила материалом для одного литературного произведения.

Имеются также самостоятельные труды, посвящённые так называемым „суевериям“, как например Форселиуса — Беклера (J. Forselius—J. W. Boecler): „Der einfältigen Ehsten abergläubische Gebräuche“ (1685 г.), Луце (J. W. Luce): „Wahrheit und Muthmassung“ (1827 г.) и другие.

Интерес к фольклору усиливается в первой половине XIX столетия, когда периодическим органом в этой области становится издаваемый в Пярну на немецком языке „эстофилом“ Розенплентером (H. Rosenplänter) журнал: „Beiträge zur genauern Kenntniss d. ehstnischen Sprache“². В нём печатаются на эстонском языке народные песни, сказки, пословицы и загадки.

Наилучшим фольклористическим трудом этого периода является сборник старых народных песен А. Неуса (A. H. Neus): „Ehstnische Volkslieder“ I—III (1850—1852). В виде рукописных записей

¹ Kurtzer Bericht und Unterricht von der Falsch-heilig genandten Bäche in Lieflland Wöhlanda, 1644.

² Томы I—XX, в 1813—1832 гг.

сохранилось 600 народных песен, собранных А. Кнүпффером (A. P. J. Knüpffer) — в первой половине XIX столетия. Эта коллекция находится сейчас большею частью в Литературном Музее в Тарту. Кроме вышеназванных, был ещё целый ряд ревнителей фольклора и „эстофилов“ (немецкой национальности), которые оставили записи различных жанров фольклора и народных обычаев. Их деятельность протекала, понятно, не в интересах эстонской фольклористики, а была вызвана увлечением, своеобразной модой того времени. Таким образом создалась некая прибалтийско-немецкая наука оставившая ряд позитивных материалов, которые могут быть использованы для исследований. Материалов этого рода сохранилось довольно много.

Второй период начинается с того момента, когда сами эстонцы приступают к интенсивной работе по собиранию и исследованию национального фольклора, и совпадает со временем создания эпоса „Калевипоэг“, напечатанного, как известно, в 1861 году. За немногими исключениями, так называемые „эстофилы“ теперь совершенно исчезают с поля деятельности по собиранию и исследованию эстонского фольклора.

К числу фольклористов-эстонцев следует отнести и первого литератора эстонской национальности Кристьяна Яака Петерсона (Kristjan Jaak Peterson, 1801—1822), который, несмотря на свою короткую жизнь, успел значительно обогатить эстонскую литературу. Петерсон перевёл со шведского труд финского фольклориста Х. Ганандера (Ch. Ganander): „Mythologia Fennica“ и опубликовал его в журнале „Beiträge“ XIV, положив этим начало возникновению эстонской псевдо-мифологии. Деятельность Кристьяна Яака Петерсона в области фольклора, а также литературы не носит „эстофильского“ характера, а составляет единичное и своеобразное явление в общем культурном процессе того времени, направляемом прибалтийскими немцами.

Известно, что Петерсон записывал народные песни, из которых некоторые были опубликованы. Поэзия самого Петерсона находится несомненно под влиянием народной эпики.

Далее следует отметить эстонца Ф. Р. Фельманна (F. R. Fählmann), врача по специальности и лектора эстонского языка в Тартуском университете, который положил начало составлению эпоса „Калевипоэг“, и его современников и последователей, которые переняли из „Mythologia Fennica“ названия финских языческих

богов и перенесли их в эстонскую мифологию, не учитывая того, имеется ли в эстонском народном творчестве какая-нибудь связь с ними. Так, на основе названия финского божества „Väinämöinen“ Фельманн образовал имя соответствующего эстонского божества „Ванемуйне“ (Vanemuine), вместо финского „Ilmarinen“ от ввёл „Илмарине“ (Ilmarine), вместо „Lemminkäinen“ — „Ляммекюне“ (Lämmeküene) и т. д. Благодаря Фельманну и Креуцвальду, эти имена были перенесены в эстонскую литературу и фольклористику.

Особенную активность и организаторские способности Фельманн проявил в деле собирания и исследования фольклора. По его инициативе было основано в Тарту „Учёное Эстонское Общество“ (Õpetatud Eesti Selts).

Одной из главных задач этого Общества было спасти от забвения древние народные предания, сказки и песни и оказать влияние на духовное развитие народа при помощи дидактических и научно-популярных книг. Особенно следует отметить инициативу Фельманна по созданию „Калевипоэга“ и предпринятое с этой целью собирание народных преданий. Сводку собранных материалов он представил в 1839 году Учёному Эстонскому Обществу в виде речи „Сказание о Калевипоэге“. В дополнение он создал ещё 8 частично основанных на народных преданиях мифов, которые были задуманы прежде всего как средство для политической борьбы, с целью показать немцам, что и эстонский народ способен создавать грандиозные эпические произведения. Мифы стали известными и за пределами Эстонии, однако Фельманн не смог закончить „Калевипоэга“, так как вскоре умер. Этот эпос был окончен Ф. Р. Креуцвальдом (F. R. Kreutzwald), эстонцем по национальности, который был одновременно врачом, писателем и фольклористом. В дополнение к прежним материалам Креуцвальд сам собирал сказки и песни в уездах Вирумаа, Харьюмаа и Сетумаа. Собранные им народные песни фигурируют также и в антологиях А. Неуса. К сожалению, материалы Креуцвальда не являются вполне народными: они переделаны им (отчасти с целью прикрасить), что безусловно уменьшает их научную ценность. Для создания „Калевипоэга“ Креуцвальд использовал главным образом сказания, которые он сам переделал в стихи, прибавив некоторые народные песни на другие темы. В 1866 году он опубликовал сборник „Древние сказки эстонского народа“ („Eestirahva ennemuistsed jutud“), в который включил, кроме чисто народных сказок, ещё сочинённые им самим, а также и сказки, заимствованные у других народов.

Якоб Хурт (Jakob Hurt, 1839—1907), воодушевлённый эпосом „Калевипоэг“, приступил в 60-х годах к собиранию и исследованию эстонского фольклора. Хурт стал самым выдающимся эстонским фольклористом. Будучи ещё школьником, а затем студентом, он собирал песни в своём родном приходе и побуждал к этой работе своих родных и знакомых. С большой энергией он организовал по всей стране тесную сеть добровольных сотрудников, при

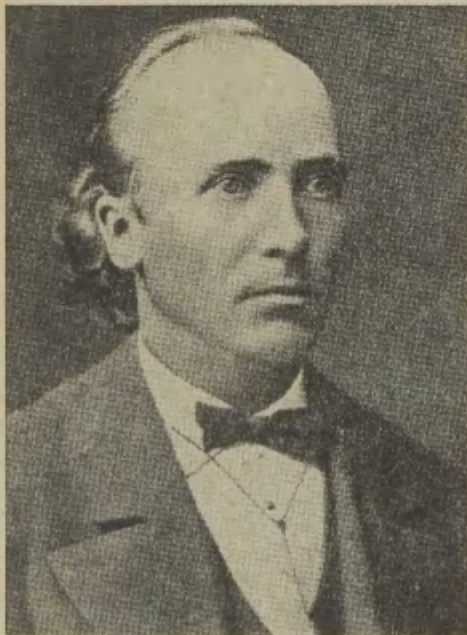

Рис. 2. Я. Хурт.

помощи которых он смог добыть исключительно ценные материалы, особенно если иметь в виду, что они были собраны накануне полного вымирания старого фольклора. Хурт старался всё время побуждать своих корреспондентов к постоянному собиранию материалов и продолжению работы, а также привлекать новых работников. С этой целью он поддерживал оживлённую переписку и опубликовывал в эстонских газетах регулярные отчёты, в которых помещались имена корреспондентов, характеристика и критика их работы. Он поощрял хороших сотрудников, указывал неумелым ошибки и недостатки их работы, как и возможности их исправить. Хурт требовал, чтобы на посылаемых материалах были отмечены данные о месте и времени записи, а также сведения о сотрудниках. Таким образом он получил свыше 100 фотографий своих корреспондентов.

Эти собиратели фольклора были очень различных профессий, различного социального происхождения и возраста. Среди них имелись лица с академическим образованием, студенты, гимназисты, семинаристы, ремесленники, простые рабочие и крестьяне. Наиболее многочисленны были сельские учителя, составлявшие уже в то время прогрессивный и культурный элемент деревни. Хорошими корреспондентами были также женщины.

- 1 -

Wäene laps *раз 577*

1 *Wäene laps*

*Wäene laps oelle tegid perekaesi teemad
see laste teta oma koorja oudma, aundis
talle omak ishe naela linu ligi ja künagi
kõda ohkade peenigfika lõngane kadrata.*

*Wäene laps oelle ätte mare. Aga koorja jaeest
tuell üks lehm tema juure ja ütles „itane
ma kadrata need linad lõngane karjane aema-
tus linad lehmale. Lehm jõi naad ära, aga
ta nina förmiteft wenu ilas peenike lõng
tagasi, mis ilasdi kakkde wehka juogis.*

*Ohkda aendus wäene laps jeda perekaesi
kätte Teejel pääwat sunni kaks naela linu*

Рис. 3. Факсимиле рукописи крестьянина, сотрудника Я. Хурта.

Своё сотрудничество предлагали все заинтересованные этим делом, „кто только умел держать перо в руке“, как говорит сам Хурт. Так, наиболее плодовитым его сотрудником был простой сельский портной с трёхклассным образованием — Яан Сандра (Jaap Sandra) из уезда Вырумаа, который собрал 8700 стр. фольклорных материалов. (За годы 1894—1906 он присылал материалы 77 раз).

Из числа выдающихся сотрудников Хурта можно назвать ещё лесника Сыггель (Söggel), записавшего 2360 страниц в период времени с 1892 по 1903 г. Он присылал материалы 98 раз. После смерти Хурта он был сотрудником Эйсена (M. J. Eisen), которому прислал 1500 стр. Позднее он работал в Эстонском Фольклорном Архиве.

Простой рабочий Х. А. Шультц (H. A. Schultz) собрал за годы 1890—1903 2270 страниц. Присылал 11 раз. Погиб, участвуя в рево-

люционном движении 1905 г. Крестьянин Ягоманн (Jagomann) прислал Хурту 2110 страниц в 1876—1877 гг. Гимназист Йосеп Хурт (Joosep Hurt), родственник Якоба Хурта, — 1590 стр. Студенты М. Остров (M. Ostrov) и О. Каллас (O. Kallas), бывший впоследствии первым доктором по фольклору в Эстонии, работали вместе и собрали 1313 стр. Интересным собирателем фольклора

Рис. 4. Сотрудник Я. Хурта, Я. Сандра.

был Тыну Выймула (Tõnu Võimula), приславший Хурту 1000 стр. Параллельно он посылал свои материалы также Эйсену и Эстонскому Фольклорному Архиву, до настоящего времени всего 2000 страниц. По профессии он маляр, работал в Таллинне, Петербурге и в других городах; известен также как борец.

Все эти сотрудники работали добровольно и бесплатно, из интереса к делу. Единственной наградой за труд по собиранию фольклора были личные письма Хурта, его портреты или же книги, предназначавшиеся наилучшим сотрудникам за усердие.

Так во всех уголках Эстонии возник интерес к этой культурной работе, и между отдельными уездами наблюдалось соревнование. Постоянная сеть сотрудников по всей стране возросла до 1400 лиц (см. рис. 5).

Хурт высылал на работу также некоторых стипендиатов, которыми были студенты Тартуского Университета.

Рис. 5. Карта сети сотрудников Я. Хурта.

Были собраны сказки, пословицы, загадки, описания верований и древних обычаев, больше же всего старых песен. Относительно работы по собиранию материалов Хурт опубликовал в газетах 155 публичных отчётов. В этих своих отчётах Хурт говорит и о трудностях работы по собиранию материалов. Прежде всего чинил препятствия узколобый пиэтизм, встававший на борьбу с народным творчеством во всём его объёме, считая его греховным. Иногда народное творчество недооценивалось, его называли „пустой болтовнёй“. Некоторые отказывались сообщать свою „мудрость“ по религиозным мотивам. Случалось, что приходилось симулировать болезнь для того, чтобы добиться знаний по народной медицине. Один собиратель сообщает, что его работу в некоторых местах принимали лишь за пустой предлог и считали, что он на самом деле знакомится с образом жизни дочерей хозяина и размерами их приданого, чтобы найти себе подходящую невесту, — и ему приходилось играть роль жениха. Бывали ещё и всякие другие трудности и недоразумения при работе.

Эта общая работа руководилась живым патриотизмом, горячей любовью к своей родине и народному творчеству. Ни одна волость не осталась в стороне от работы, причём наибольшую активность проявил уезд Вирумаа.

Всё, что народ на протяжении столетий вложил в сказки, песни и другие виды своего творчества, — всё это представлено в собраниях фольклора. В работе по его собиранию принимали участие также и те эстонцы, которые, будучи жертвами прибалтийских помещиков в классовой борьбе, выселялись за пределы своей страны в глубину России, а иногда и в другие страны. Материалы поступали из Пскова, Петербургской губернии, Саратова, Самары, с Кавказа, из Крыма и других мест. Работа Хурта была также средством борьбы против национального гнёта со стороны царского правительства, как и против опасности онемечения.

Материалы, собранные под руководством Хурта, снабжены полными данными о месте записи и источниках, систематизированы на основании топографического принципа и переплетены в зависимости от формата бумаги в четырёх сериях. Это собрание содержит вместе с вариантами около 48 000 песен и игр, 17 000 народных сказок, свыше 100 000 пословиц и загадок и много других видов фольклорного материала. Началом этой грандиозной работы по собиранию следует считать 1888 год, когда в главных эстонских газетах появилось воззвание Хурта: „Несколько просьб“. С этого

момента началась колоссальная работа по собиранию фольклора, организованная одним человеком.

Хурт сделал также очень много в области исследования фольклора и научного опубликования материалов. У него был план издать сборник материалов, сгруппированный по приходам. Он начал с песен и осуществил издание песен двух приходов в серии „Vana kannel“ („Старые Гусли“), *Monumenta Estoniae antiquae*, а также песен Сетумаа.

Наряду с Хуртом работал по собиранию фольклора также филолог Михкель Веске (*Mihkel Weske*), впоследствии преподаватель финноугорских языков в Казанском Университете. М. Веске много путешествовал с целью изучения говоров и делал при этом записи народных песен. Он нашёл самого продуктивного эстонского сказителя Эпп Васаар (*Epp Vasar*) и записал у него 700 песен (12000 строк) и 50 мелодий. Хорошо изданы им маленькие сборники народных песен: „*Eesti rahvalaulud*“ I и II.

С 1883 года работал в качестве сотрудника Хурта, а потом самостоятельно М. Эйсен (*M. J. Eisen*, 1857—1934). После смерти Хурта он продолжал дело покойного. Главную часть материалов Эйсена составляют народные сказки, пословицы и загадки. Он издавал сборники народных сказок, научное значение которых невелико, однако при помощи их он успешно популяризовал эстонский фольклор и побуждал народ к собиранию материалов.

Имеют значение и исследования Эйсена, хотя многие из них уже устарели. Лучшие труды были написаны им с 1920 по 1927 г., когда он был профессором Тартуского Университета. Наиболее удачны его труды о богатые уезда Сааремаа — Тылле (*Tõll*) и исследование „*Kosjad*“ („Сватовство“).

Большое значение имеет также собирание эстонских народных мелодий, которое было начато в 1903 году при сотрудничестве учеников музыкальных школ и композиторов. Организатором этого дела был д-р О. Каллас (*O. Kallas*). Активное участие в собирании приняли студенты Петербургской консерватории: Миина Херманн (*Miina Hermann*), М. Саар (*M. Saar*), П. Сюдда (*P. Südda*), А. Топман (*A. Tormann*) и другие.

Сбор материалов и в этом случае имел место во всех приходах Эстонии. Разрешите сказать несколько слов для разъяснения этого понятия.

Первоначально эстонское слово „*kihelkond*“ (теперешний „приход“) означало административную единицу древней Эстонии. Католи-

ческая церковь переняла это древнее деление, сохранив его границы, и таким образом слово „кихельконд“ получило значение „прихода“, то есть района действия одной — впоследствии лютеранской — церкви. Эти приходы — различной величины и насчитывают от 2000 до 20000 жителей. В Эстонии всего 112 таких приходов. Так как в эпоху крепостничества приход развился в культурную единицу как по языку, так и с точки зрения этнографии и фольклора, то поэтому и в этих дисциплинах употребляется понятие прихода как единицы. Приход был в старину территорией, за пределы которой многие жители, особенно женщины-крестьянки, не переступали в течение всей своей жизни; радиус их передвижения простирался лишь до помещичьей мызы и церкви. Только некоторые мужчины ездили с подводами иногда весьма далеко — в Ригу, Таллинн и Нарву.

Третий период собирания эстонского фольклора — время буржуазной Эстонии, когда сосредоточенные в частных руках и разбросанные по всей стране материалы были сконцентрированы в Архиве Эстонского Фольклора, который был основан в Тарту при Эстонском Народном Музее в 1927 году.

В 1920 году при Тартуском Университете была учреждена профессура фольклора.

Архив Эстонского Фольклора приступил к научному и систематическому собиранию недостающих материалов и распределению их по регистрам, чтобы сделать их доступными для использования, а также к группированию по различным идеологическим комплексам вопросов. Пополнение материалов было возложено на студентов и стипендиатов. В то же время была создана сеть корреспондентов из местных учителей и других работников. Они получали постоянные инструкции с методическими указаниями и вопросниками. Для них устраивались даже специальные курсы. В работе по собиранию принимали участие также и школьники, собирая главным образом местные предания, описания игр и т. д.

В весьма значительной степени пополнил материалы бывший профессор фольклора при Тартуском Университете В. Андерсон (W. Anderson), который с 1921 года стал систематически собирать детские песни со слов самих детей. С этой целью Андерсон рассылал по школам печатные анкеты с вопросами, на которые ученики отвечали в классе. Однако при этом дети нередко записывали также песни, заученные из книг, а не только устные материалы. Всё же среди собранных Андерсоном текстов имеется много ценных.

Так как ранее мало собиралось детских песен, как и фольклора различных профессий и социальных слоев, то, благодаря сбору проф. Андерсона, было обращено внимание на эти отсутствовавшие в собраниях виды. Начали в больших размерах собирать новейшие народные песни, которые в XIX столетии стали вытеснять старую вымирающую песню, и значение которых до этого времени не умели оценить в достаточной степени. Помимо незначительных местных событий, эти песни отражают также политические и обще-

Рис. 6. Уголок в Архиве Эстонского Фольклора.

ственные явления, как напр. выселение эстонцев за пределы страны, партийные расколы, Турецкую войну и т. д. В новой народной песне можно констатировать влияния, идущие особенно из Германии, откуда были заимствованы иностранные разбойничьи и монастырские баллады и пр. В новой народной песне отражается также проникновение новых культурных течений, влияние школ и певчих хоров, воздействие городской культуры, особенно в период усиления капитализма в XIX столетии. Среди новых народных песен заслуживают внимания также и солдатские песни.

С установлением в Эстонии советской власти Архив Эстонского Фольклора стал Отделом Государственного Литературного

Музея. В этом учреждении в настоящее время хранится 715 000 страниц рукописного фольклорного материала. Наиболее значительную часть составляют материалы, организованные Архивом Эстонского Фольклора — 260 000 стр. Затем следуют материалы Хурта — 114 000 страниц, Эйсена — 90 000 стр. Сетская коллекция — 120 000 стр., детские песни Андерсона — 55 000 страниц. Остальные отделы насчитывают меньше, чем 20 000 страниц.

Материалы, хранящиеся в настоящее время в Отделе Фольклора Государственного Литературного Музея, группируются по содержанию следующим образом:

Народных песен	197 193
Детских песен	139 947
Имитаций голосов природы	8 150
Игр и танцев	36 184
Пословиц и поговорок . .	157 506
Загадок	95 105
Народных сказок	89 134
Поверий и обычаев . . .	283 018
Народных мелодий . . .	20 410

Всего 1 026 647 единиц.

Таким образом на каждого эстонца приходится больше чем одна единица собранного фольклора, так как эстонцев в ЭССР фактически несколько менее миллиона. В страницах же на трёх эстонцев приходится приблизительно 2 страницы рукописного материала.

Кроме того, в Отделе Фольклора имеются ещё материалы — русские, немецкие, шведские, еврейские, латышские, литовские, цыганские, белорусские, польские, ижорские и т. д. — всего 6000 песен, 850 сказок и пр.

Бесспорно, что у живущего в Латвийской ССР маленького народа ливов (1500 человек) записано процентуально больше материала, а также и напечатанных текстов по объёму больше, чем у насчитывающего миллион жителей эстонского народа. Но и в этом деле большие заслуги принадлежат Тартускому Университету и его преподавателям (Кеттунен, Лоорите). Преподавателями Тартуского Университета много записано и опубликовано также фольклора води.

Приводим здесь некоторые сведения о русском фольклоре в наших собраниях. Он состоит из различных материалов, полученных от русского населения, проживавшего в период буржуазной Эстонии

в пределах республики. Эти материалы содержат 10 567 страниц интересных и разнообразных фольклорных записей. Материал собран главным образом студентами Тартуского Университета. Много записей получено также от школьников и учителей. В коллекции имеются материалы, связанные с верованиями и обычаями, сказки, игры, пословицы, поговорки и т. д.

Среди сказителей и певцов преобладают рабочие и крестьяне; амплитуда их возраста колеблется от 10 до 113 лет. Старейшей сказительнице Афимье из Изборска было в 1941 году 113 лет.

Этими материалами русского фольклора пользовались для своих исследований научные сотрудники Государственного Литературного Музея О. Лооритс (O. Loorits), М. Эренберг (M. Erenberg) и С. Лыхмус (S. Lõhmus). Последняя написала в 1946 году исследование о свадебных обычаях печёрских русских. Летом 1946 года пользовалась этой русской коллекцией записей доцент Ленинградского Университета А. П. Евгеньева.

Народное творчество — коллективное творчество. В нём отсутствуют субъективные, случайные и временные элементы.

Только то остаётся и распространяется, что всем понятно, что соответствует требованиям коллектива. В эстонских народных песнях отражается жизнь эстонцев от рождения вплоть до смерти, их борьба с природой, их участие в классовой борьбе. Большую часть эстонского народного творчества составляют песни, касающиеся общественной жизни. Так, в трудовых песнях эстонца древних времён отражаются материальные условия жизни, виды работы, общественные отношения. Отношение к труду в них — позитивное. Труд изображается, как создатель ценностей, с ним связаны и радости и заботы. Говорится также о больших усилиях, которых работа требует от человека. Но имеется ещё и другой вид песен о труде, в которых мы видим отношение эксплуатируемых к работе, которую они должны делать на других, это — песни о рабстве или крепостничестве, которых в Эстонии очень много. Их большое число объясняется историческими условиями, тяжёлым периодом немецкого ига, которое длилось в Эстонии 700 лет. В песнях о крепостничестве отражается непримиримая борьба против помещика и церковной мызы или крестьянина-кулака, борьба между рабом и господином, хозяином и работником, бурмистром и батраком. Песни о крепостничестве отражают классовые противоречия и являются оружием классовой борьбы.

Тематика народных песен многосторонне охватывает также и семейную жизнь. Мы находим песни о сиротах, вдовах, свадьбе и любви, о природе, песни о счастье, о песне и певце. Имеются также плачи (встречающиеся впрочем лишь в восточной Эстонии, в местах с русским влиянием), детские песни и подражания звукам природы, заклинания, различные эпические песни и проч., одним словом в песнях затронуты все вопросы жизни.

Рис. 7. Исполнительница старых песен Мико Оде.

Как уже было сказано, имеются старые и новые народные песни. Первые весьма древнего происхождения и имеют существенные отличия по форме. Старейшие песни — без конечной рифмы, без деления на строфы; для них характерны приёмы параллелизма, аллитерации и ассонанса; они все одинакового построения и состоят из восьмисложных хореев.

Новая народная песня — с конечной рифмой, с разделением на строфы, без параллелизмов, с различным построением строф и

мелодией, распространяющейся на строфу, тогда как мелодия старейшей песни простирается только на один стих. Новая народная песня стала развиваться в конце XVIII и в XIX столетии вытеснила старейшую песню. Только в уезде Сетумаа новая песня ещё не привилась, но зато здесь не исчезла ещё и старейшая народная песня.

Новые песни очень различны по содержанию. Интересно отметить, что в них отразилась также Отечественная война против Наполеона:

(В военной комиссии).

Стаскивайте сапоги с ног,
Скидывайте рукавицы с рук!
Не кривы ли руки ваши,
Не кривы ли ноги ваши?
Годитесь ли вы в гвардию,
Годны ли вы в ряды великих,
Чтобы разбить Бонапарта,
Француза в цепи заковать?

(Sõjaväekomisjonis).

Tõmmake saapa'ad jalasta,
kiskuge kinda'ad käesta!
Ehk teie käed kõverad
või on jalad vildakille.
Kas teie kõlbate kaardi hulka,
sünnitegi suurte sekkä
Punaparti pillutama,
Rantsuselle rauda viima.

(„Raamat Rantsuse sõjasta“.)

Эта песня является переходной по форме от старейшей к новой песне.

О русско-турецкой войне имеется песня на смешанном русско-эстонском языке:

Двадцать пять лет был на службе,
Был солдат я рядовой,
Из ружья стрелял свинцом я
По глазам турецким, ой, ой, ой!
Раз Осман-пашу за шиворот
Я схватил, остановил.
„Здравствуй“, я сказал ему, „по-
стой!“

И хотел тащить его домой.
Генерал мой это видел,
Дал в награду четвертак.

Tvaatsat päet let luusil mina,
Olin soldat ridavoi.
Lasksin püssist välja tina
türgil silmil oi, oi, oi!
Ükskord sain ma Osman-passal
kõrvust kinni pidada.
Ütlesin: „Pastoi ja trastu!“

Tahtsin koju vedada.
Kindral seda kõrvalt nägi,
andis mulle tsetvertak.

Новые народные песни имеются и на тему о самых недавних событиях, — так, несколько сот страниц посвящено Великой Отечественной Войне Советского Союза. Собираение песен на эту тему продолжается.

Как поэтическое, так и общественно-политическое значение имеют также сказки, пословицы и загадки, хотя в них наблюдается

много международных элементов. Существенное значение они имеют для освещения прошлого Эстонии.

На старые социальные условия указывает, например, следующая пословица: „Где гора, там мыза, где холм, там кабак, а усадьбы — в болоте“. („Kus mägi, seal mõis, kus kungas, seal kõrts — talud soos ja rabas“).

В загадках имеются и насмешки над духовенством: „Шесть дней спит, на седьмой лает.“ („Kuus päeva magab, seitsmendal haugub“). (Пастор).

Собрание и исследование фольклора в период буржуазной Эстонии было связано с большими трудностями, так как правительство отпускало на эти цели очень незначительные суммы. Подготовка кадров была также экономически затруднена. Получить работу по специальности было нелегко, и специалисты по фольклору должны были искать себе заработка в других областях.

В области исследований отсутствовала планомерность. Каждый работал в одиночку, не будучи в контакте с другими исследователями. Не было центра, который планировал бы работы и интересовался их результатами. Исследовательские работы были написаны главным образом в области народных песен (О. Каллас, Хелла Муррик-Вуолиёки = Hella Murrik-Vuolijoki и некоторые молодые исследователи), затем на темы, касающиеся верований и обычаев (Л. Шрёдер = L. Schröder, М. Эйсен, О. Лооритс и др.). По исследованию сказок и анекдотов, а также по разработке методологии успешно работал профессор В. Андерсон.

Выдающихся успехов в области исследования народных мелодий и метрики эстонской народной песни достиг доцент Х. Тампере (H. Tampere). По этому же вопросу работали еще музыкант Й. Цейгер (J. Zeiger) и профессор истории литературы при Тартуском Университете Г. Суйтс (G. Suits).

С установлением в Эстонии советского строя расширились перспективы по исследованию фольклора. При Тартуском Госуниверситете имеется самостоятельная кафедра фольклора, работу которой однако не удалось пока ещё развернуть в полном размере из-за недостатка сотрудников.

В Институте Языка и Литературы при Академии Наук ЭССР создан особый сектор исследования фольклора, который недавно приступил к работе. В настоящее время работа проводится по плану, на основе марксистского исследовательского метода. Для разра-

ботки выбраны темы, наиболее необходимые с точки зрения исследований будущего.

Работа запланирована в рамках четвёртой сталинской пятилетки. На основе плана работают также Фольклорный Отдел Государственного Литературного Музея и кафедра фольклора при Тартуском Государственном Университете.

Скажем ещё несколько слов о проектируемых работах. В плане фольклорного сектора намечены два основных пункта: 1) путём издания фольклорных материалов сделать их доступными для исследователей, писателей, учителей, а также для широких масс рабочего народа и 2) вести монографические исследования по отдельным темам и вопросам, которые имеют особенно важное значение для познания истории и культуры народа. Исходя из этого положения, в план включён труд: „Основные богатства эстонской словесности“ („Eesti kirjanduse rühivara“), I и II часть, куда должны войти образцы главных видов фольклора, выбранные с актуальной точки зрения и снабжённые комментариями. В этом сборнике будут представлены типичные образцы народных песен, пословиц, загадок, сказок, преданий и записей из жизни крестьян, рыбаков и других слоёв трудового народа.

Далее запланировано исследование: „История собирания эстонского фольклора“ („Eesti rahvaluule kogumise ajalugu“); здесь будут описаны: 1) собирание фольклора, которое осуществил сам эстонский народ в наиболее трудные годы национального гнёта, и плодами которого мы теперь пользуемся, и 2) проведённая до настоящего времени исследовательская работа.

Для фиксирования терминов эстонского фольклора до сих пор ничего не было сделано. Отсутствие установленной терминологии значительно затрудняет точную исследовательскую работу, особенно потому, что развивающаяся с большим успехом терминология фольклористики стала весьма сложной. Составление маленького систематического словаря в этой области необходимо для уточнения предстоящей исследовательской работы по фольклористике. Работа будет проводиться в контакте с сектором по исследованию языка.

Весьма необходимым является также составление особого словаря терминов эстонских народных песен. Народные песни содержат много унаследованных от прошлого слов, касающихся как духовной, так и материальной культуры, слов, которые в настоящее время отчасти совсем вымерли, отчасти же встречаются лишь спорадически. Разъяснение значения слов прежде всего будет

содействовать правильному пониманию исследователями текстов народных песен, с другой же стороны оно обогатит эстонский язык. В этой области до сих пор ничего систематического не сделано, встречаются только объяснения слов в печатных текстах в виде сносок. Результатами этой работы можно будет пользоваться не только при фольклористической работе, но и при исследовании и выработке нашего языка.

В составлении сборника: „Эстонско-русские отношения в прошлом“ („Eesti ja Vene suhted minevikus“) фольклорный сектор примет участие вместе с историческим сектором, представив соответствующее исследование под заглавием: „Отношения русского и эстонского народа в освещении эстонского фольклора“.

В издаваемом кафедрой литературы сборнике: „Общество и литература буржуазной Эстонии“ („Kodanliku Eesti ühiskond ja kirjandus“) фольклорный сектор поместит критическую статью об исследовательской работе по фольклору в буржуазной Эстонии.

Большая часть наших фольклорных материалов собрана самим народом в прямом смысле этого слова. Это собрание было одновременно и демонстрацией латентных сил самого народа против притеснителей, т. е. одной из форм общественной борьбы. В настоящее время исследование этого вопроса у нас ещё не начато, а оно представляло бы интерес не только для фольклориста, но и для литературоведа и историка.

Само собой понятно, что необходима и неизбежна тесная совместная работа кафедры фольклора с Отделом Фольклора Литературного Музея и Фольклорным Сектором. Приступив к работе на основе марксистского метода, мы надеемся достигнуть наибольших и наилучших результатов, особенно вступив в ближайший контакт с работниками университетов братских советских республик.

Эдуард Лаугастэ.

Роль Тартуского Университета в исследовании финноугорских языков.

Как известно, Тартуский Университет является старейшим университетом финноугров (основан в 1632 г.).

В связи с этим небезынтересно ближе проследить, какова его роль в деле исследования финно-угорских языков. У нас, правда, не было в этой области научных деятелей такого масштаба как Кастрэн (Castrén) или Регули (Reguly), однако в тихой обстановке города Тарту целый ряд учёных усердно трудился над исследованием финноугорских языков, в первую очередь, конечно, эстонского. Следует тут же отметить, что в Тартуском Университете получили научную подготовку такие известные языковеды, как академик Видеманн (Wiedemann) и Николай Андерсон (Anderson).

Имеются данные, что уже в королевской гимназии, основанной в 1630 году и два года спустя приказом Густава-Адольфа преобразованной в *Academia Gustaviana*, наряду с другими предметами преподавался и эстонский язык.¹

После Северной войны Тартуский Университет прервал свою деятельность почти на столетие. Только в 1802 году Александр I открыл его снова. С этого времени мы и имеем возможность следить за развитием учебной и научной работы в Тартуском Университете.

Университет был открыт в первую очередь, конечно, для дворянства Эстляндии, Лифляндии и Курляндии. Кроме местных дворян, к обучению в нём допускались ещё, согласно уставу, „разночинцы и иностранцы“. Но крестьянам доступу не было. Так как Тартуский Университет в то время полностью обслуживал лишь интересы господствующего слоя населения — прибалтийских помещиков, естественно не могло быть и речи о научном интересе к

¹ Е. В. Петухов, Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, Университет, за сто лет его существования (1802—1902). Том I. Юрьев 1902, стр. 50.

языку порабо́щённого местного населения. В учебной программе университета не было отведено места для эстонского языка.

Только в 1803 году, благодаря стараниям энергичного ректора — француза профессора Паррота (Parrot), была основана должность лектора эстонского и финского языков. Ему же удалось освободить Тартуский Университет из-под контроля и попечительства местного дворянства. О личном интересе профессора Паррота к эстонскому языку свидетельствует его работа „Versuch einer Entwicklung der Sprache, Abstammung, Geschichte, Mythologie u. bürgerlichen Verhältnisse der Liven, Lätten u. Eesten“ (1828). Работа эта имеет однако только историческое значение, так как Паррот, физик по специальности, был дилетантом в области языковедения.

Основание лектората эстонского и финского языков ещё не означало начала научно-исследовательской работы в области эстонского языка, не говоря уже о финноугорских. Работа по изучению эстонского языка имела чисто дидактический характер, сводясь в основном к практическому преподаванию языка тем студентам, которым это было необходимо в связи с их будущей деятельностью. Преподавание финского языка так и осталось благим намерением.

Первым лектором эстонского языка был назначен немец Фридрих Давид Ленц (Friedrich David Lenz), по профессии пастор, который работал в Тартуском Университете с 1803 по 1809 г. Утверждают, что он основательно знал эстонский язык. Это подтверждается и тем обстоятельством, что он издал несколько брошюр на южно-эстонском наречии.

Лекций по эстонскому языку было от 2 до 4 часов в неделю. Преподавание велось сравнительно просто, — обучали грамматике и переводам. В качестве учебника пользовались грамматикой Хупела.²

После смерти Ленца лектором эстонского языка был Георг Филипп Аугуст фон Рот (Georg Philipp August von Roth), который работал с 1810 по 1817 г. Он отделил таллинское наречие от тартуского, посвящая преподаванию каждого по два часа в неделю.³ Рот составил букварь на тартуском наречии.

Следующий лектор, Людвиг Вильгельм Мориц (Ludwig Wilhelm Moritz) (1817—22), являлся повидимому лучшим знатоком

² Ehstnische Sprachlehre für beide Hauptdialekte, den revalschen und den dörptschen, nebst einem vollständigen Wörterbuch, Riga u. Leipzig 1780.

³ B. Vahi, Eesti keele õpetamise minevikust veneaegses Tartu Ülikoolis, 1926. Рукопись в Архиве Эстонского и Финноугорских Языков, стр. 5.

эстонского языка своего времени. Он написал филологическую статью „Über die wechselseitige Annäherung der beiden estnischen Hauptdialecte, des revalschen und dörptschen“.

До этого времени лекторы эстонского языка в Тартуском Университете не были эстонцами.

На оставшееся некоторое время вакантным место лектора в 1823 году был избран Йохан Самуель Фридрих Бубрих (Johann Samuel Friedrich Boubrig), первый эстонец на этом посту. Им издано исследование „Ueber die Dialekte der estnischen Sprache und ihre mögliche Vereinigung zu einer allgemeinen Schriftsprache“. Бубрих пробыл лектором эстонского языка с 1826 по 1837 г. За это время он поочерёдно читал этимологию и синтаксис этого языка с практическими упражнениями по переводу. Наряду со своей специальностью, отнимавшей немало времени (он был пастором), Бубрих имел и научные интересы. Вместе с Фельманном он является одним из первых деятелей, проявлявших серьёзный интерес к эстонскому фольклору и к эстонскому языку. Он лично записывал материалы по эстонской народной поэзии и издал ряд фольклорных описаний.

Дитрих Хейнрих Юргенсон (Dietrich Heinrich Jürgenson) работал в университете с 1837 по 1841 г., занимаясь главным образом исследованием истории эстонской литературы. В области языковедения Юргенсоном была опубликована статья „Ueber die Entstehung der beiden Hauptdialecte der Estnischen Sprache“, посвящённая вопросу о происхождении тартуского и таллинского наречий. Он записал также ценные данные о салацком наречии ливского языка.

Юргенсон принял деятельное участие в основании Эстонского Учёного Общества. В качестве секретаря этого общества он выступал с докладами по вопросам развития эстонского языка. Между прочим, он был инициатором издания эстонско-немецкого словаря и собирал для него материалы.

Преемником Юргенсона был опять-таки эстонец Фридрих Роберт Фельманн (Friedrich Robert Fählmann), врач по профессии, состоявший лектором эстонского языка с 1842 по 1850 г. Фельманн — первый сознательный и активный представитель эстонской интеллигенции. По своему мировоззрению он был рационалист, ярый противник дворянской эксплуататорской политики, защитник крестьян и разоблачитель немцев, как исторических угнетателей. Фельманн также принадлежит к числу основателей Эстонского Учёного Общества.

В качестве романтического почитателя прошлого эстонского народа, он является влиятельным предшественником эпохи национального пробуждения. Именно Фельманн положил начало тому увлечению занятиями эстонским языком, мифологией и народной поэзией, которое столь характерно для позднейшей эпохи пробуждения.

Рис. 8. Ф. Р. Фельманн.

Сфера интересов и занятий Фельманна была весьма обширна. В рамках настоящего доклада нет места изложению его деятельности, как инициатора создания народного эпоса „Калевипоэг“, его работ в области фольклора и его литературных трудов.

Фельманн стал лектором эстонского языка в то время, когда злобой дня было установление новых основ эстонской грамматики и создание нового правописания. В этот период стали уже выходить из обращения старые эстонские грамматики, составленные по образцу немецких и латинских, и устаревшая немецкая орфография.

Целью лингвистической деятельности Фельманна было выяснить в специальных работах основные грамматические явления эстон-

ского языка и на основании этих статей составить впоследствии органически целостную эстонскую грамматику. Однако осуществить успел он только первое задание.⁴

Заслугой Фельманна в области нашего языковедения является то, что он первый основательно занялся эстонской грамматикой. Выходец из народа, он с раннего детства знал эстонский язык и впоследствии исправил многие ошибки прежних грамматик, вытекавшие из незнания языка. В печати Фельманн опубликовал ряд статей на немецком языке об эстонской грамматике, таковы напр.: „Versuch die estnischen Verba in Conjugationen zu ordnen“ (1842), „Ueber die Declination der estnischen Nomina“ (1843) и др. Отметим, что вместо шести падежей прежних грамматик эстонского языка Фельманн вводит 13 падежей. Кроме того, он рассматривает в своих статьях чередование ступеней согласных, корни слов и вопросы орфографии. Наряду с преподавательской деятельностью и большой врачебной практикой, Фельманн находил время выступать с докладами в Эстонском Учёном Обществе, где, кроме вышеуказанных вопросов, он трактовал и проблемы прошлого финских народностей и их родства.

Фельманн является не исследователем филологических тонкостей, а создателем новых основ эстонской грамматики. В качестве исходной точки своей работы он взял подлинно-народный разговорный язык. Вследствие ранней кончины Фельманн не успел составить новую эстонскую грамматику, но его труды оказали плодотворное влияние на последующих составителей грамматик. В качестве лектора эстонского языка Фельманн сделал больше, чем кто-либо до него.

После смерти Фельманна лектором эстонского языка был назначен Карл Миквиц (Carl Mickwitz, 1851—74).

На этом кончается период, во время которого занятия финно-угорскими языками в Тартуском Университете ограничивались в основном преподавательской деятельностью в области эстонского языка. Как видно из предыдущего, преподаванием эстонского языка в то время занимались мало компетентные лица. Многие из них были немцы-богословы, знавшие эстонский язык лишь практически, не имея специальной филологической подготовки. Некоторые из них были авторами статей, трактующих вопросы языковедения, но в настоящее время имеющих только историче-

⁴ Eesti Keel 1928, Tartu, стр. 70.

ское значение. Исключение в этом отношении представляют лишь статьи Фельманна.

В середине XIX века начинается быстрый рост национального самосознания эстонского народа. Причиной этого явления была ликвидация отжившего феодального строя и развитие капитализма. Естественным образом началась борьба между только-что пробудившейся к сознательной жизни эстонской буржуазией и немецким дворянством. Исходным пунктом этой борьбы были аграрные

Рис. 9. М. Веске.

проблемы. В этой национальной борьбе принимали вначале участие и прогрессивные крестьяне и деревенская интеллигенция. Позднее присоединился к ним и городской пролетариат. Эта так называемая эпоха пробуждения продолжается почти четверть столетия (1856—81 г.), знаменуя решительный прогрессивный перелом в общественной и культурной жизни эстонского народа.⁵

В Тартуском Университете происходит резкая перемена в области занятий финноугорскими языками с назначением на должность

⁵ V. Alttõa, Eesti kirjanduse ajalugu III, Tartu 1946, стр. 3—8.

лектора эстонского языка доктора Михкеля Веске (Mihkel Weske), выдающегося деятеля эпохи пробуждения, поэта, фольклориста и языковеда. Веске был первым лектором эстонского языка, получившим специальное филологическое образование в Лейпцигском университете, где он изучал сравнительное языкознание и славянскую филологию, работая под руководством профессоров Лескина (Leskien) и Курциуса (Curtius), и получил степень доктора. Будучи сыном крестьянина, Веске с детства хорошо знал эстонский язык. Он надеялся, что на родине, в Тарту, для него будет основана профессура финских языков. Однако эта надежда не оправдалась. После двухлетнего ожидания он получил, наконец, место лектора эстонского языка. Веске был активным борцом, принимавшим горячее участие почти во всех общенародных начинаниях эпохи пробуждения. Но наиболее продуктивной и значительной была его работа в области языковедения. Веске впервые трактует эстонский и финноугорские языки в рамках сравнительной лингвистики. Первым его трудом является диссертация „Untersuchungen zur vergleichenden Grammatik des finnischen Sprachstammes“ (1873). В этой работе он рассматривает с исторической точки зрения падежные окончания финноугорских языков, впервые привлекая к сравнению и эстонский язык. При этом он пользуется лучшими методами, чем многие его предшественники и современники. Между прочим он устанавливает в своей диссертации один из законов исторической фонетики эстонского языка, согласно которому долгота первого слога возрастает, если второй слог сокращается путём стяжения. На существование образующейся при этом третьей степени долготы до этого лишь мимоходом обращалось внимание.⁶ В настоящий момент работа Веске уже устарела, однако она имеет немалое значение в истории исследования морфологии финноугорских языков.

Намерением Веске было составить обширный немецко-эстонский словарь, с каковой целью он неустанно изучал эстонский разговорный язык. В летние месяцы он предпринимал поездки в разные части Эстонии для исследования местных говоров, причём передвигался большею частью пешком, спал нередко в сараях и вообще довольствовался минимальным. Для изучения диалектов Веске получал вначале пособие от университета, выдача которого

⁶ M. Weske, Bericht über die Ergebnisse einer Reise durch das Estenland im Sommer 1875. Dorpat 1877.

потом прекратилась, так как его обвинили в том, что наряду с изучением языка он занимается политической агитацией.

Результатом этих поездок является его работа „Eesti keele healte õpetus“ (1879). Это — первый специальный лингвистический труд на эстонском языке (ранее считалось возможным писать научные труды только по-немецки). В этой работе Веске систематически рассматривает долготу звуков эстонского языка, детально описывая звуковой состав преимущественно северно-эстонских наречий и объясняя исторически некоторые фонетические явления эстонского языка при помощи финского. Здесь же он предлагает некоторые орфографические нововведения. Отчёты поездок Веске до сих пор интересны и ценны. В течение определённого времени исследование эстонских говоров являлось как бы его монополией. Между прочим он обратил особое внимание на своеобразный кодаверский говор на побережье Чудского озера.

Так же ценны многие меньшие по размеру лингвистические статьи Веске, опубликованные им в записках Учёного Эстонского Общества и других изданиях. В этих статьях он трактует вопросы исторической фонетики и грамматики, исследует развитие старейшего литературного языка, указывает на значение диалектов при исследовании эстонского языка и т. д.

В 1880 г. Веске побывал в Финляндии, после чего им был издан учебник финского языка „Soome keele õpetus“ (1881), первый на эстонском языке. Кроме того, следует отметить критическую деятельность Веске по реферированию и оценке лингвистических трудов в Учёном Эстонском Обществе.

Веске принимал активное участие в эстонском национальном движении, будучи в резкой оппозиции с прибалтийскими немцами и представителями эстонского консервативного лагеря. Вследствие скромных размеров лекторского жалованья материальное положение Веске было трудно. Его мечты об основании в Тартуском Университете профессуры или доцентуры эстонского языка не осуществились, так как местные немцы были против этого, — более того, пребывание Веске в Тарту им не нравилось.

Чтобы удалить Веске от деятельности национального характера, университет выхлопотал ему от правительства небольшую стипендию для поездки в Венгрию. В 1885 году Веске поехал в Будапешт. Пребывание в Венгрии принесло ему в научном отно-

шении большую пользу: он познакомился с замечательнейшими венгерскими языковедами того времени Буденцом (Budeniz) и Хунфальви (Hunfalvy). Веске и жил у Буденца, который вначале обучал его венгерскому языку. Он слушал также университетские лекции Буденца. Таким образом Веске является первым эстонским лингвистом, знавшим несколько финноугорских языков⁷.

По возвращении из Венгрии, в 1886 году Веске был назначен преподавателем финских наречий в Казанском университете с окладом и правами экстраординарного профессора. В Казани были написаны им два крупных труда: „Исследования о наречиях черемисского языка“ I (1889) и „Славяно-финские культурные отношения по данным языка“ I (1890). Но рассмотрение этих трудов не входит в рамки настоящего доклада, так же как и деятельность Веске в других областях.

Здесь уместно коснуться несколькими словами деятельности Лео Мейера (Leo Meyer), который более 30 лет работал в Тартуском Университете в качестве профессора сравнительного языковедения и интересовался финноугорскими языками, в особенности эстонским. Заслугой Мейера следует считать публикацию текстов старо-эстонского литературного языка. До некоторой степени интересны также его доклады об эстонском языке в Эстонском Учёном Обществе, впоследствии опубликованные. По национальности немец, Лео Мейер нередко попадал однако под влияние местных немецких кругов. Когда в 1882 г. был поднят вопрос об основании профессуры эстонского языка при Тартуском Университете, и от Мейера, как авторитета в этой области, ждали решающего слова, то он заявил, что хотя создание такой профессуры вполне нормально и обосновано, его всё же невозможно осуществить за неимением соответствующей кандидатуры. После этого профессура эстонского языка так и осталась не основанной, хотя тот же Лео Мейер и до этого и позднее неоднократно отзывался с большой похвалой об эстонских докторрах-филологах — Веске и Хурте (Hurt)⁸. В одном частном письме доктор Веске сообщает, что профессор Лео Мейер не выдвинул его кандидатуры на место доцента, так как хотел сохранить это место для своего ученика Леопольда Александра фон Шрёдера (Leopold Alexander von Schröder), впоследствии профессора санскрита в Вене и академика.

⁷ Eesti Kirjandus, Tartu 1910, стр. 391—392.

⁸ Eesti Kirjandus, 1915, стр. 145.

Поляк по национальности, Ян Бодуэн де Куртенэ (Jan Baudouin de Courtenay) был профессором сравнительной грамматики славянских языков в Тарту в 1883—93 г. г. Он проявлял большой интерес к финноугорским языкам, боролся за основание профессуры эстонского языка и даже требовал введения эстонского языка преподавания в университете.

После Веске лектором эстонского языка при Тартуском Университете стал доктор филологии Лейпцигского университета Карл Август Херманн (Karl August Hermann, 1889—1909). В зависимости от местных условий деятельность доктора Херманна была весьма многосторонней. Он занимался литературой, принимал участие в общественной жизни, был музыкантом и лингвистом. Ввиду этого его труды в области языковедения значительно поверхностнее, чем таковые доктора Веске. Это сказывается уже в его диссертации „Der einfache Wortstamm und die drei Lautstufen in der estnischen Sprache“ (1880). Хотя в лингвистических работах Херманна встречаются неточности и ошибки, за ним всё же имеются большие заслуги в истории развития нашего языка. Назовём хотя бы его „Граматику эстонского языка“ („Eesti keele grammatika“, 1884). Её, правда, сурово критиковал Веске, упрекая автора за встречающиеся в ней ошибки, однако не следует забывать, что этот труд является первой полной морфологией эстонского языка. Здесь Херманн устанавливает и эстонскую грамматическую терминологию.

Полной неудачей являются его претенциозные опыты, напр. „Die Mandschu-Sprache verglichen mit dem Finnisch-Estnischen“ (1881), „Ueber das Verwandschaftsverhältnis des Sumerischen zum Ugro-Altaischen“ (1887) и на эстонском языке „Sumeri-akkadlased“ (1896). Херманн — не настоящий учёный, он разбрасывается, спешит делать выводы, хватается за многое сразу, — отсюда его ошибки и поверхностность его работ.

Со специальным филологическим образованием, приобретённым в Тартуском Университете, был Яан Йыгеве́р (Jaан Jõgever), состоявший лектором эстонского языка до 1918 года. Когда год спустя при Тартуском Университете периода буржуазной республики была основана профессура эстонского языка, Йыгеве́р был избран первым профессором этой дисциплины и работал на этом посту до своей смерти в 1924 г.

Деятельность Йыгеве́ра также была весьма многосторонней. Она охватывала литературоведение, фольклор и историю, однако основным его занятием было языковедение. Йыгеве́р издавал грамма-

тики эстонского языка, стараясь использовать при этом данные истории языка. Он изучал также наречия Сааремаа.

Большая часть его филологических работ сохранилась в рукописи. Он приступил, между прочим, и к собиранию материалов для эстонского этимологического словаря. В общем же чисто филологические работы Йыгевера дают сравнительно мало нового в области изучения эстонского языка.

Рис. 10. Я. Йыгевер.

Начало периода буржуазной Эстонии связано с подъёмом в исследовании финноугорских языков. Господствующим классом стала эстонская буржуазия. Языком преподавания в Тартуском Университете становится эстонский язык. В связи с этим научное исследование эстонского и финноугорских языков принимает больший размах. Осуществляется основание профессуры эстонского языка, чего тщетно добивались раньше. Первым профессором эстонского языка был, как уже сказано, Яан Йыгевер. Кроме того, основываются профессуры уральских и прибалтийско-финских языков. Дополнительно учреждаются ещё лектуры эстонского,

финского и венгерского языков. Короткое время существует также лектура языка коми (лектор К. Ф. Жаков).

К этому же периоду относится основание Академического Общества Родного Языка (Akadeemiline Emakeele Selts, 1920), под руководством которого проводится обширная работа по собиранию эстонских наречий и издание филологического журнала „Eesti Keel“ (1922—1940).

Профессором уральских языков был избран Юлиус Марк (Julius Mark), который работал в Тартуском Университете с 1919 по 1944 г. Он опубликовал ряд чисто лингвистических и лингвистически-этнографических исследований по финноугроведению. Назовём его докторскую диссертацию „Die Possessivsuffixe in den uralischen Sprachen. I Hälfte“ (1923, дополн. 1925).

В качестве профессора прибалтийско-финских языков работал в Тартуском университете Лаури Эйнари Кеттунен (Lauri Einari Kettunen) (1919—24 г.).

Не останавливаясь ближе на его монографии о наречии Кодавере или его труде „Eestin kielen äännehistoria“, рассмотрение которых не входит в наши задачи, назовём в первую очередь его „Lõuna-vepsa häälikajalugu I, II“ (1922). Основанная на личных записях автора, работа эта содержит ряд переоценок в области изучения прибалтийско-финских языков. Так, например, автор отрицает древне-финское происхождение чередования ступеней согласных и гармонии гласных. В течение четырёх лет Кеттунен совершал поездки к ливам в целях собирания материалов для исследования их языка. В результате своих работ он издал сборник текстов с экспериментально-фонетическим введением „Untersuchung über die livische Sprache“ I (1925). Поездки к ливам он совершал и позднее, собирая материалы для капитального словаря ливского языка, но в это время он уже не работал в Тарту.

Кеттунен имеет заслуги, как один из основателей Академического Общества Родного Языка и как исследователь экспериментальной фонетики эстонского и прибалтийско-финских языков. Его преемником на кафедре прибалтийско-финских языков Тартуского Университета был Юлиус Мягисте (Juulius Mägiste), работавший здесь с 1925 по 1944 г. Он издал ряд исследований по исторической фонетике, морфологии и лексике эстонского и прибалтийско-финских языков. Следует отметить его докторскую диссертацию „*oi*-, *ei*-deminutiivid läänemeresoome keelis“ (1928), „Soome-eesti sõnaraamat“ (1931) и др.

Профессором эстонского языка после смерти Йыгевера был избран Андрус Сааресте (Andrus Saareste), который работал в Тартуском Университете с 1925 по 1941 г. Им написано много работ, главным образом по исследованию эстонского языка. Его труд „Leksikaalseist vahekordadest eesti murretes“ I (1924) — первая докторская диссертация на эстонском языке. Из его работ следует ещё отметить обширное языко-топографическое исследование „Eesti murdeatlas“, из которого до войны было издано только два первых выпуска (1938, 1941).

С Тартуским Университетом непосредственно связано не только научное исследование эстонского языка, но и работа по развитию и преобразованию эстонского литературного языка.

Уже К. А. Херманн делал отдельные предложения по обновлению языка, так что его можно считать одним из пионеров этого дела. Некоторые попытки в том же направлении можно найти и у М. Веске.

Шире развёртывается это преобразовательное движение после революции 1905 года, когда выдвигается лозунг: „Наш язык и наша литература должны стать языком и литературой интеллигенции“. Кульминационной точки это движение достигает в 1917—1920 годах. Руководящим деятелем в области обновления языка является Йоханнес Аавик (Johannes Aavik), который вначале (1919—1920) работал при Тартуском Университете в качестве приват-доцента, а позднее (1926—1933) в качестве лектора эстонского языка. Аавик предлагает провести систематическое обогащение лексики, морфологии, синтаксиса и фонетики эстонского языка и энергично борется за осуществление этих мер. Однако с народным языком Аавик мало считается в своих новаторских требованиях.

Работа по обновлению языка дала эстонскому литературному языку немало положительного. Новаторские предложения во многих случаях оказались целесообразными и жизнеспособными и были проведены в литературном языке. Из числа этих нововведений назовём в первую очередь обогащение лексики эстонского литературного языка новыми словообразованиями, заимствованиями из финского языка, диалектными и искусственно созданными словами.

Теперешний наиболее авторитетный деятель в области преобразования нашего языка д-р Йоханнес Вольдемар Вески (Johannes Voldemar Veski) работал в качестве лектора эстонского языка в Тартуском Университете с 1919 по 1944 г., состоит доцентом с 1944 года и профессором с 1947 года.

Вески относился отрицательно к крайним требованиям языкового обновления Давика. Он признаёт необходимость всестороннего обогащения эстонского языка, но исходит при этом из более рационалистических принципов, именно целесообразности, правильности и близости к народному языку, имея в виду и соображения, диктуемые историей нашего языка. Считаясь с этими принципами,

Рис. 11. Й. В. Вески.

Вески составил три тома своего обширного труда „Eesti õigekeelsussõnaraamat“ (1925—1933). Этот капитальный труд содержит множество новых словообразований, полученных в основном из эстонских коренных слов путём деривации⁹.

Вески создал эстонскую терминологию почти по всем главнейшим отраслям науки и техники. При его сотрудничестве уже издано 30 технических словарей, более 20 ещё не появились в печати. Вообще число созданных доктором Вески технических терминов превышает 100 000. При создании этих слов Вески успешно

⁹ Eesti Keel 1933, стр. 105—114.

⁷ Filoloogilisi ettekandeid.

пользовался корнями, заимствованными из печатных источников, эстонского народного языка, финского языка и т. д. Эти технические термины служат основой нашего научного языка, стабилизированного и унифицированного благодаря деятельности Вески.¹⁰

Следует отметить также плодотворную педагогическую деятельность Вески в Тартуском Университете: всё новое поколение наших преподавателей родного языка получило свою подготовку под его руководством. Кроме того, он принимал активное участие в деятельности Академического Общества Родного Языка, председателем которого состоит и в настоящее время. Не менее ценной является работа Вески в качестве редактора журналов „Eesti Kirjandus“ и „Eesti Keel“.

Педагогическая и научная деятельность доктора Вески продолжается по сие время: сейчас он заведует кафедрой эстонского языка, заканчивает составление капитального русско-эстонского словаря в сотрудничестве с доцентом Б. В. Правдиным и т. д.

Советская власть достойно оценила труды этого выдающегося деятеля, присвоив И. В. Вески звание академика Эстонской ССР и заслуженного деятеля науки.

В качестве профессора финноугорских языков работает при Тартуском Университете д-р Паул Аристэ (Paul Ariste).

Аристэ занимался исследованием эстонского, водского и коми языков, эстонской фонетики, фольклора, а также шведского, латышского, цыганского, идиша и других языков. Он предпринимал несколько раз поездки к шведам в Эстонии, к русским в Ийсаку, к води и на остров Хийумаа. Плодом его многосторонних занятий является ряд выдающихся исследований. Из числа их назовём прежде всего „Eesti-rootsi laensõnad eesti keeles“ (1933), работу, в которой впервые научно освещаются языковые отношения шведской народности, живущей по западному побережью Эстонии и на островах, с эстонским населением. Аристэ установил также эстонские заимствования из обще-шведского языка. Далее он интересовался нижненемецкими заимствованиями в эстонском языке, несколько раз возвращаясь к этому вопросу. Результатом его поездок к води являются собрания текстов „Wotische Sprachproben“ (1935) и „Vadja keelenäiteid“ (1941).

Из фонетических исследований Аристэ следует назвать прежде всего его докторскую диссертацию „Hiiu murrete häälikud“ (1939),

10. Eesti Keel 1938, стр. 65—90.

составленную на основании лично собранных автором материалов во время его поездок на остров Хийумаа. В этом труде даётся фонетический и фонологический обзор звуков четырёх местных говоров и на основании языковых данных устанавливается, откуда произошло заселение острова. Говорам Хийумаа посвящены и некоторые другие работы того же автора.

Несомненны большие заслуги Аристэ и по применению современных экспериментально-фонетических методов в работе фонетической лаборатории при Тартуском Университете. В результате своих экспериментально-фонетических исследований он опубликовал ряд трудов, которые обогатили наше молодое языковедение и помогли уточнить фонетическую транскрипцию эстонского языка. Из многих работ Аристэ в этой области назовём лишь статью „Eesti sulghäälikud k, p, t ja b, d, g“ (1933), в которой экспериментально-фонетически определяется подлинная фонетическая природа эстонских глухих взрывных согласных *b, d, g* (их частичная звонкость).

Профессором Аристэ опубликованы ещё труды „Eesti keele hääldamine“ (1939) и „Vene keele hääldamine“ (1941). В качестве университетского учебника им издан курс „Eesti foneetika“ (1946).

Следует также отметить, что Аристэ является пока единственным представителем фонологической фонетики в Эстонии. Вообще научно-исследовательскую деятельность профессора Аристэ характеризуют обширная эрудиция, способность быстро ориентироваться, живой и интересный способ изложения, многосторонняя и большая продуктивность.

В области исследования эстонского языка в Тартуском университете успешно работает и доцент Арнольд Каск (Arnold Kask), который в течение двадцати лет принимал практическое и руководящее участие в собирании и изучении эстонских говоров и опубликовал множество статей по истории эстонского литературного языка. К этой последней области относится его специальный труд „Võitlus vana ja uue kirjaviisi vahel“ (1946), в котором исследуется история перехода от т. н. старой, немецкой орфографии к новому, т. н. финскому правописанию во второй половине прошлого столетия, причём особенно подчёркиваются социальные причины этого перехода, — политическая борьба между консервативным и прогрессивным течением в области национальной эстонской культуры. Назовём здесь ещё работу Каска „Eesti keel ja selle arenemine“ (1946), в которой определяется место эстонского языка в финноугорской

системе языков, даётся обзор литературного эстонского языка, начиная с XIII столетия, и описываются эстонские диалекты.

Для работы в области финноугроведения в Советской Эстонии созданы более благоприятные условия, чем когда-либо раньше. В составе кафедр эстонского и финноугорских языков работают сейчас два профессора, два доцента и один старший преподаватель. Кроме них, в фонетической лаборатории и Архиве Эстонского и Финноугорских Языков заняты два ассистента и четыре лаборанта. Число работающих в области финноугорских языков увеличится ещё более с началом деятельности Института Языка и Литературы при АН Эстонской ССР. К концу четвёртой сталинской пятилетки в Тартуском Университете предвидены четыре профессора, четыре доцента и один преподаватель финноугорских языков.

В перспективном плане научно-исследовательской работы намечены большие коллективные труды:

1. „Eesti rahvakeele sõnaraamat“ I (= Первый том словаря эстонского народного языка),
2. „Suur õigekeelsus-sõnaraamat“ (= Большой орфологический словарь),
3. „Eesti-vene sõnaraamat“ (= Эстонско-русский словарь),
4. „Vadja sõnaraamat“ (= Словарь водского языка),
5. „Eesti keele grammatika“ (= Грамматика эстонского языка),
6. „Eesti etümoloogiline sõnaraamat“ (= Этимологический словарь эстонского языка).

В области работы над последним словарём предполагается закончить выписывание на отдельные карточки эстонской лексики, разработанной в лингвистической литературе. Пока заполнено 6000 карточек. Приступить к составлению эстонско-русского словаря и этимологического словаря эстонского языка стало возможным лишь при советской власти.

Кроме названных трудов, в плане каждого члена кафедры и каждого научного сотрудника Академии имеются также индивидуальные исследования, университетские учебники и руководства. Помимо более благоприятных материальных условий, на нашу исследовательскую работу окажет несомненно плодотворное влияние непосредственный контакт с живущими в Советском Союзе финноугорскими народами, их лингвистами и языкознанием.

Паулине Пальмеос.

Исследование диалектов в Эстонии и диалектологические материалы Архива Эстонского и Финноугорских Языков.

Задача настоящего доклада — дать беглый обзор хода исследования диалектов в Эстонии и познакомить в общих чертах с достижениями эстонской диалектологии.

Несмотря на малые размеры территории Эстонии и небольшое число жителей, эстонский язык распадается на множество говоров. Диалектные различия здесь несоразмерно велики и более заметны, чем во многих других, более распространённых языках. Некоторые из диалектных особенностей нашего языка несомненно древни, уходят в глубину доисторических эпох, другие же образовались в более позднее время вследствие социальных, экономических и природных условий. Основой диалектного подразделения служат исторически сложившиеся церковно-административные единицы, т. н. приходы (*kihelkond*), восходящие нередко к дохристианскому административному делению.

Первые сведения о существовании диалектных различий мы находим в старейшем памятнике эстонской письменности — в катехизисе Ванрадта-Келля (*Wanradt-Köll*) 1535 г., где упоминаются говоры отдельных местностей. Авторы XVII столетия (*F. Nyenstädt*¹, *H. Stahl*², *H. Göseken*³) ограничиваются подтверждением, что в разных частях Эстонии говорят различно. В то время различали два диалекта — северный и южный, на основании которых образовались в XVII столетии и два литературных языка.

Некоторые диалектные особенности отмечает впервые грамматика Тор Хелле (*A. Thor Helle*) в 1732 г.⁴ Первую характеристику

¹ *Denckwürdige Sachen und Geschichte von der ersten Erfindunge der edeln Provintzen Liefllands. Monumenta Livoniae Antiquae II, 1839.*

² *Anführung zu der Ehstnischen Sprach, Reval 1637.*

³ *Manuductio ad Linguam Oesthonicam, Reval 1660.*

⁴ *Kurtzgefasste Anweisung zur Ehstnischen Sprache. Reval.*

обоих диалектов даёт в своей грамматике Хупел (A. W. Hupel)⁵, подразделяя их на 8 групп. К его грамматике приложен довольно обширный словарь.

Западно-европейские прогрессивные идеи, всегда проникавшие и в Эстонию, в начале XIX века нашли выражение в культурном движении „эстофилов“, сыгравших значительную роль в исследовании нашего языка. С выходом в свет журнала „Beiträge zur genauern Kenntniss der ehstnischen Sprache“ (I—XX, 1813—1832) получило прочную основу изучение диалектов в Эстонии. К тому времени эстонский литературный язык ещё не сложился вполне. На очереди стоял вопрос о возможности объединения диалектов в единый литературный язык. Полемика по этому вопросу велась в Учёном Эстонском Обществе (Õpetatud Eesti Selts) и на страницах названного журнала. Издатель „Beiträge“ Розенплентер (J. H. Rosenplänter) считал ошибкой создание двух литературных языков, без которых, при наличии единого, диалектные особенности мало-помалу стёрлись бы, и оба диалекта сблизились бы. Он предлагал положить в основу литературного языка северный диалект, как более значительный, пополняя последний лексикой и грамматическими формами других говоров („Beiträge“ 1814 и 1821). Эту мысль поддерживал лектор эстонского языка в Тартуском Университете Юргенсон (D. H. Jürgenson, доклад в Учёном Эстонском Обществе в 1839 г.).

Сторонники южного языка находили, что для признания превосходства какого-либо диалекта над другим необходимо основательное знакомство со всеми диалектами, чего, к сожалению, не было. Таким образом единственной возможностью, по их мнению, было сближение диалектов и сличение их воедино. Лектор университета Мориц (L. W. Moritz)⁶ и некий анонимный автор⁷ предлагали радикальные меры: созвать конференцию из знатоков диалектов для решения вопроса о том, какие слова и грамматические формы каждого диалекта следует включить в единый литературный язык. Постановления такой конференции были бы общей нормой, и оставалось бы только строго следить за точным употреблением нормированного языка. Сначала этот язык применялся бы только для создания

⁵ Ehstnische Sprachlehre für beide Hauptdialekte, den revalschen und den dörptschen; nebst einem vollständigen Wörterbuch. I издание, Рига и Лейпциг 1780; II издание, Мптава 1818.

⁶ Beiträge 1815.

⁷ Beiträge 1817.

поэтических произведений, а потом постепенно стал бы общим достоянием, в качестве разговорного языка. До созыва такой конференции дело впрочем не дошло. Однако вопросу о слиянии диалектов был посвящён также доклад лектора Бубриха (J. S. F. Boubrig) в Учёном Эстонском Обществе в 1839 г. Вообще вопрос о соотношении диалектов с литературным языком часто обсуждался в названном Обществе.

В программу деятельности Учёного Эстонского Общества входило, помимо других задач, также и исследование диалектов. Эстонский писатель и филолог Фельманн (F. R. Faehlmann), по инициативе которого в 1838 г. было основано Общество, указывал в своих докладах на крупную роль изучения живого народного языка для развития литературного. В 1849 г. он впервые говорил о „языковой географии“ и обращал внимание на фонетические и грамматические особенности говоров. Интересы членов Общества были направлены на различные проблемы диалектологии. Некоторые интересовались названиями местностей, другие собирали материалы для составления полного эстонско-немецкого словаря, дополняя словарь Хупела диалектными словами. Издание словаря впрочем не удалось. Собранными материалами воспользовался впоследствии академик Видеманн (F. J. Wiedemann).

Академик Видеманн является первым научным исследователем диалектов в Эстонии. Он установил в своих трудах деление диалектов на группы, которое было принято учёными в течение долгого времени. В исследовании 1864 г. „Versuch über den werthehstnischen Dialekt“ он делит южно-эстонское наречие на два говора: вырусский и тартуский, и опровергает мнение некоторых прежних учёных, считавших это наречие отраслью ливского языка. В исследовании „Ehstnische Dialekte und ehstnische Schriftsprache“ (1871 г.) характеризуется впервые более подробно и северный диалект. В своей грамматике⁸ 1875 г. акад. Видеманн находит диалектные черты в языке чуть ли не каждой волости, описать которые он не видит практической возможности. Приходится соединять говоры в группы по наиболее заметным общим признакам. Главных групп говоров в южном диалекте он насчитывает две, с подразделением одной из них на две части. Северный диалект он делит также на две группы: северо-восточную, подразделяющуюся на три части

⁸ Grammatik der Ehstnischen Sprache, zunächst wie sie in Mittelehstland gesprochen wird, mit Berücksichtigung der anderen Dialekte, St.-Petersburg 1875.

и служащую основой грамматики Аренса⁹, и юго-западную, состоящую из двух групп и являющуюся языком библии. В своём большом эстонско-немецком словаре¹⁰, замечательном достижении эстонской филологии, он широко пользуется подлинными материалами народного языка, которые им лично обработаны.

С ростом национального самосознания начинается более интенсивная деятельность и в нашей области. Исследователями эстонского языка становятся эстонские учёные, более подготовленные к работе в виду основательного знания родного языка. Доктор филологии эстонской национальности М. Веске (M. Weske) был неутомимым исследователем диалектов, с особенностями которых он ознакомился лично, собирая народные песни и диалектные материалы для своего предполагаемого немецко-эстонского словаря. В 1875—76, 1878—79, 1882 и 1884 г. доктор Веске предпринимал с этой целью во время каникул поездки в разные части Эстонии, будучи стипендиатом уже упомянутого Учёного Эстонского Общества или же Общества Эстонских Литераторов (Eesti Kirjameeste Selts). Результатом этих диалектологических экспедиций является изданный им в 1879 г. труд „Eesti keele healte õpetus ja kirjutuse wiis“, в котором впервые систематически рассматривается долгота эстонских звуков, и целый ряд других трудов, посвящённых описанию отдельных говоров. Небольшое количество собранных Веске материалов появилось в печати и сохранилось, большая же часть, к сожалению, утеряна.

Современник М. Веске, доктор филологии Хурт (J. Hurt) также принимал деятельное участие в собирании диалектологических материалов, которыми он пользовался в своих трудах, напр. в диссертации „Die estnischen Nomina auf -ne purum“, „Über das anlautende w im Estnischen“ и др. Многие его труды остались незаконченными, хотя для них были собраны обширные материалы, напр. монографическое исследование „Ueber den Dialekt in Klein-St.-Johannis“, а также грамматика и словарь сетумааского диалекта. Особенно замечательна идея доктора Хурта привлечь к работе по диалектологии весь народ. В 1888 г. он опубликовал во многих газетах Эстонии воззвание „Несколько просьб к передовым сынам и дочерям Эстонии“. Здесь он говорит о своём намерении составить и издать „книгу эстонских диалектов“, для которой имеется уже много материалов,

⁹ E. Ahrens, Grammatik der Ehstnischen Sprache Revalschen Dialektes I. Reval 1843. II издание в 1853 г.

¹⁰ Ehstnisch-deutsches Wörterbuch, St.-Petersburg 1869.

однако необходимы еще диалектные тексты из каждого прихода, записанные в точности так, как говорят в данном месте. В ответ на это воззвание было прислано много весьма ценных фольклорных записей.

Выдающийся общественный деятель своего времени, доктор Хурт работал и в Учёном Эстонском Обществе и в Обществе Эстонских Литераторов, председателем которого он был долгое время. В программу деятельности последнего общества, кроме издания книг, входило собирание фольклорных и диалектных материалов и названий местностей. Так началось систематическое собирание материалов народного творчества в Эстонии. Диалектологическая работа постепенно становилась общенародным делом, преследуя не только практические, но и научные цели. Некоторые из присланных рассказов и описаний были напечатаны в „Учёных Записках“ Общества (*Eesti Kirjameeste Seltsi Aastaraamat*) и являются весьма ценными диалектными текстами. После более чем 20-летнего существования Общество Эстонских Литераторов было закрыто властями.

Унаследовавшее его материалы, основанное в 1906 г. Эстонское Литературное Общество (*Eesti Kirjanduse Selts*) продолжало традиции своего предшественника. В журнале „*Eesti Kirjandus*“ (Эстонская Литература) было напечатано воззвание Йёгевера (*J. Jõgever*) к собирателям диалектных материалов (1906 г.). Осенью 1908 г. на общем собрании членов Общества было решено приступить к подготовительным работам по составлению словаря эстонского народного языка, причём это дело было признано не терпящим отлагательства. Уже тогда было ясно, что это большое предприятие будет длиться десятки лет. В следующем году Йёгевер, впоследствии первый профессор эстонского языка в Тартуском университете, опубликовал своё второе воззвание с точными указаниями способов записывания. Руководителем собирания диалектных материалов был выбран д-р О. Каллас (*O. Kallas*), бывший впоследствии доцентом Петербургского университета и изучавший эстонские диалекты вне территории Эстонии. В 1909 г. выехали для сбора материалов первые два стипендиата Общества, Йёгевер и Ридала (*V. Ridala*). Их заслугой является изучение островных говоров. В следующем году действовали уже 6 стипендиатов, собиравших лексику, пользуясь словарём Видеманна, и другие диалектные материалы. К 1913 году относится новый подъём в работе. Было составлено и опубликовано новое воззвание к собирателям, разработанное

ещё более детально. Для записи была введена система карточек, транскрипция рекомендовалась обыкновенная. Кроме стипендиатов, были привлечены к делу и корреспонденты, труд которых не оплачивался. В 1914 году, когда учёным секретарём Общества стал теперешний академик Вески (J. V. Veski), развернулась интенсивная деятельность, причём было собрано около 18000 слов, и число корреспондентов достигло 75. Но на этом дело остановилось, — началась первая мировая война, прервавшая так успешно развивавшуюся работу. От 1916 г. до 1920 г. единственным стипендиатом Общества был А. Сааресте (A. Saareste), впоследствии руководитель собрания эстонских диалектологических материалов. В 1921 г. Эстонское Литературное Общество в первый и последний раз получило государственную субсидию на проведение диалектологических работ. В следующем году оно передало эту работу Академическому Обществу Родного Языка (Akadeemiline Emakeele Selts). Реальные результаты, достигнутые в области диалектологии Эстонским Литературным Обществом, невелики. Помехой в работе был недостаток денежных средств и специально подготовленных работников, главным же образом неблагоприятные внешние условия. Всё же это был шаг вперёд, так как были выяснены главные направления и методы диалектологической работы.

В описываемый период изучением эстонских диалектов занимались и два финских учёных: в пределах южного диалекта — Оянсуу (H. Ojansuu), а в пределах северного — Кеттунен (L. Kettunen), труд которого „*Lautgeschichtliche Untersuchung über den Kodaferschen Dialekt*“ (1913) является первой монографией по эстонской диалектологии.

Главное место в исследовании эстонских диалектов принадлежит Академическому Обществу Родного Языка (Akadeemiline Emakeele Selts), основанному при Тартуском Университете в 1920 г. В центре многосторонней деятельности названного общества стоит собрание диалектологических материалов, начатое в 1922 г. и блестяще организованное. В 1925 г. при Обществе была основана комиссия для собрания диалектологических материалов и их издания (Murdetoimikond). Под руководством этого коллектива, который состоял из доцента Каск (A. Kask) и других, были достигнуты выдающиеся результаты. Члены комиссии организовали и подготовляли сбор, инструктировали стипендиатов и составляли для них руководства (вопросники по исторической фонетике и морфологии, 20 вопросников по кругам понятий, 7 дополнительных слова-

рей и т. д.). Согласно первоначально (в 1922 г.) выработанным планам предполагалось в течение 10 лет составить обзоры исторической фонетики и морфологии, собрать названия местностей и диалектные тексты по всем приходам. Кроме того, были намечены местные словари 30-ти географических пунктов, как подготовка

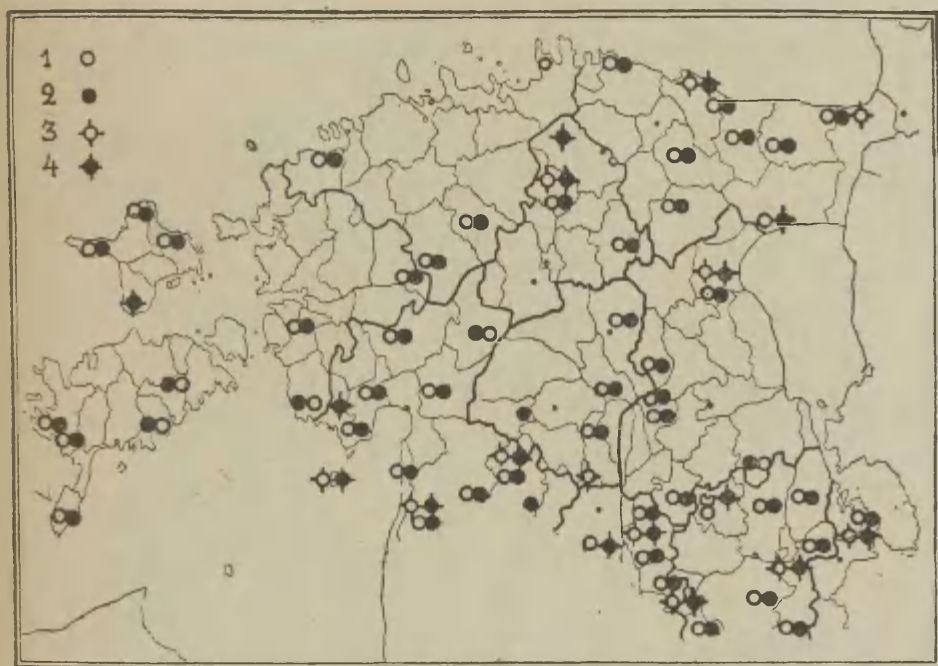

Рис. 12. Обзоры исторической фонетики и морфологии.

- 1 = Консонантизм
- 2 = Вокализм
- 3 = Имя
- 4 = Глагол

для составления проектированного словаря эстонских диалектов. На работу направляли студентов — стипендиатов, которые получали специальную подготовку. Был утверждён формат карточек для записей лексики, топонимики и пр., который в дальнейшем оказался целесообразным. Диалектные тексты, морфологические и фонетические данные заносились в особые тетради. Кроме записей, каждый стипендиат должен был вести дневник.

Центр тяжести переходил в течение лет от одного задания к другому, сосредоточиваясь однако же в основном на собирании

лексики. В первый период деятельности было собрано наибольшее количество материалов по исторической фонетике и морфологии. Обзоры исторической фонетики составлены до сего времени относительно 53 географических пунктов, морфологические характеристики имеются для 17 пунктов, в общем приблизительно 8 700 страниц. См. рис. 12.

Рис. 13. Собрания топонимики.

1 = 100 — 500 карточек на каждый приход	
2 = 500 — 1000	
3 = 1000 — 1500	"
4 = 1500 — 2000	"
5 = 2000 — 5000	"

Периодически собирались имена собственные (названия местностей, личные, фамильные имена), собрание которых составляет 93 600 карточек. См. рис. 13.

Сбору диалектных текстов всегда уделялось много внимания, поскольку они представляют весьма ценные материалы для исследований разного рода. До сих пор собрано 9070 страниц текстов, записанных по слуху. Главным образом в первый период сбора были изготовлены фонографические тексты, числом около 250 вали-

ков, к сожалению, погибшие во время войны. 49 радиофонных двусторонних пластинок текстов уцелели. См. рис. 14.

Работа по собиранию словарных материалов велась непрерывно. Вместо вопросника пользовались большим эстонско-немецким словарём Видеманна. В первое лето 11 стипендиатов собрали 26 500

Рис. 14. Диалектные тексты, собранные стипендиатами.

1 = 1 — 100 страниц из каждого прихода	
2 = 100 — 200	"
3 = 200 — 300	"
4 = 300 — 500	"

карточек лексики (в течение 15,5 рабочих месяцев). Численно рекордные успехи были достигнуты в 1926 году: 31 стипендиатом было собрано 61 700 карточек. Из первоначально намеченных 30 пунктов имеется всего 264 016 карточек лексики, в среднем 9000 на каждый пункт. См. рис. 15.

С течением времени методы работы мало-по-малу совершенствовались и дополнялись новыми приёмами. Из слов, отсутствующих у Видеманна, были составлены т. н. дополнительные словари (Lisa-

sõnastikud), использованные в свою очередь в качестве вопросников. По ним собрано 89258 карточек из 71 пункта. См. рис. 16.

С 1929 г. проводилось соби́рание словарных материалов по кругам понятий, на основе т. н. смыслового метода, причём собрано 109043 карточки из 74 пунктов.

Рис. 15. Лексика, собранная при помощи словаря Видеманна.

- 1 = 5 000 — 10.000 карточек
- 2 = 10.000 — 20.000
- 3 = 20.000 — 40.000
- 4 = 40.000 и более

В 1937 г. был снова введён в употребление словарь Видеманна, однако установление слов велось новым, т. н. углублённым методом. Был выработан пятилетний план для составления местных словарей из 7 новых пунктов. Этот план до сих пор не выполнен, — опять помешала война. Соби́рание материалов закончено в 5 пунктах, в остальных продолжается. Пока получено уже 263845 карточек, так что в среднем приходится 41125 карточек на каждый пункт, приблизительно в 4,5 раза больше, чем при соби́рании по старому методу.

Итак, всех словарных материалов, собранных для предполагаемого словаря эстонских диалектов, имеется 793 300 карточек (в фонетической транскрипции).

Все вышеприведённые материалы собраны стипендиатами Общества Родного Языка, которых было за всё время 138 человек.

Рис. 16. Лексика, собранная по дополнительным словарям.

1 = Незаконченные собрания

2 = Законченные собрания

Кроме стипендиатов, в сборе диалектологических материалов принимали участие корреспонденты Общества, число которых превышало 500. Между ними устраивались соревнования на определённые, главным образом этнографические темы. Материалы, присланные корреспондентами, записаны упрощённой транскрипцией, передающей однако сравнительно точно звуковую систему диалектов. Текстов имеется 8133 страницы, и лексики — 20 560 карточек. К сожалению, война прервала и эту работу, и в данный момент сеть корреспондентов бездействует. Восстановление её будет одной из первых задач возобновившего, после вынужденного перерыва, свою деятельность Общества. См. рис. 17.

Все названные диалектологические материалы сохраняются в Архиве Эстонского и Финноугорских Языков (Eesti ja Soome-ugri Keelte Arhiiv) при Тартуском Государственном Университете¹¹, где они доступны исследователям. В Архив поступают также все университетские работы студентов по финноугорским языкам. Всех

Рис. 17. Диалектные тексты, записанные корреспондентами Академического Общества Родного Языка.

- 1 = 1 — 100 страниц
- 2 = 100 — 300 "
- 3 = 300 — 500 "
- 4 = 500 и более "

исследований в Архиве насчитывается сейчас 62700 страниц. Из словарных материалов следует отметить еще 102000 карточек по истории эстонского литературного языка, 29500 карточек лексики ижорского языка и 45000 карточек лексики водского языка. Во время войны Архив пострадал, его прежнее помещение сгорело со всем, чего не успели вывезти. Рукописные собрания диалектологических материалов были своевременно эвакуированы и уцелели, но всё же погибло много ценного, — фонографические диалектные

¹¹ С 1947 г. при АН Эстонской ССР.

тексты, заполненные топонимические карты, подготовительные работы по изданию текстов, вопросники и др.

Работа, проведённая по диалектологии в Тартуском Университете, весьма значительна. Обширные диалектологические материалы, собранные лично преподавателями университета для своих исследований, служат дополнением материалов, находящихся в Архиве Эстонского и Финноугорских Языков. Так, проф. Аристэ (P. Ariste) в своих многочисленных исследованиях разрабатывал различные проблемы фонетики и истории эстонского языка (диссертация „Hiiu murde häälikud“, собрания текстов, вопросы транскрипции и др.). Проф. Сааресте (A. Saareste), пользуясь географическим методом, рассматривал эстонские диалекты в целом и определял границы их распространения (диссертация „Leksikaalseist vahekordadest eesti murretes I“, „Eesti murdeatlas“ и др.). Проф. Мягисте (J. Mägiste), д-р Тоомсе (M. Toomse), д-р А. Раун (A. Raun) и др. изучали диалекты и трактовали отдельные проблемы исторической фонетики (диссертации: „*oi-*, *ei-* deminutiivid läänemeresoome keelis“, „Eesti *ta-*, *tä-*verbide konsonantsest liitumisest“, „Zur Komparation in den finnisch-ugrischen Sprachen“). С другой стороны, акад. Вески (J. V. Veski) пользовался элементами народного языка для обогащения литературного в своей весьма плодотворной деятельности по развитию и выработке эстонского языка. Доцент Каск (A. Kask), наряду с работой над проблемами истории литературного языка, освещал в своих статьях и обзорах историю эстонской диалектологии. Под руководством преподавателей университета проведены многочисленные работы студентов на диалектологические темы. Следует ещё отметить, что разнообразные вопросы диалектологии затрагивались на страницах журнала „Eesti Keel“ (Эстонский язык), издававшегося Академическим Обществом Родного Языка.

В настоящее время диалектологическая работа в Эстонии развивается весьма успешно. В плане четвёртой сталинской пятилетки намечено, кроме окончания сбора материалов, также и их издание. Во-первых, предвидено составление и издание первого тома словаря эстонских диалектов, причём уже выработаны принципы издания и ведутся подготовительные работы. Для окончания сбора словарных материалов потребуется ещё около 25 месяцев работы. Во-вторых, выйдут из печати 4 тома диалектных текстов, сгруппированных по районам. Работы по подготовке первого тома близятся к концу, и рукопись будет готова к 1 марта настоящего года. Это, конечно, только первые шаги по опубликованию собран-

ных обширных материалов, имеющие целью сделать их доступными всем исследователям. В пределах пятилетки намечено, кроме того, составление нескольких монографий и других диалектологических исследований. Использование диалектных материалов для освещения истории языка имеет большое значение. В свете диалектологических изысканий уже изменилась общая картина подразделения диалектов Эстонии, и наши познания в области истории и структуры эстонского языка непрерывно обогащаются. А достижения в изучении одного языка являются общими достижениями нашей науки.

Айли Универс.

Русско-эстонские языковые отношения.

Рассматривая и классифицируя общие элементы в русском и эстонском языках, мы находим среди них в качестве древнейшего слоя элементы общие не только русскому и эстонскому, но и, вообще говоря, всем индоевропейским и уральским, т. е. финно-угорским и самоедским языкам. Таких элементов имеется известное количество, и о них существует довольно обширная литература. Этот вопрос был поднят уже давно, между прочим всемирно-известным датским лингвистом В. Томсеном (V. Thomsen)¹, но впервые разработан эстонским учёным Николаем Андерсоном (Nikolai Anderson)², впоследствии профессором Казанского Университета. Последнюю критическую сводку этих материалов дал проф. Б. Коллиндер (B. Collinder) в своём труде „Indouralisches Sprachgut“³, где он приходит к выводу, что легче объяснить эти явления древнейшим, т. н. индоуральским, или индоевропейско-уральским прародством, чем древними соприкосновениями и заимствованиями между индоевропейскими и уральскими языками. Если бы эта точка зрения была в будущем признана верной и стала общепринятой, то русские и эстонцы оказались бы братскими народами не только в силу их принадлежности к Советскому Союзу, но и ввиду очень древнего языкового родства, которое ещё усиливается взаимными историческими, этнографическими и культурными связями.

Тут не место вдаваться в подробности этого вопроса. Приведу только некоторые наиболее поражающие примеры: русский винительный падеж единственного числа *воду* < **vodŋ* < **vodām* = эстон-

¹ V. Thomsen — Den gotiske sprogklasses indflydelse på den finske, København 1869, стр. 2., также Samlede Afhandlinger II, København og Kristiania 1922, стр. 52.

² Nikolai Anderson — Studien zur Vergleichung der indogermanischen und finnisch-ugrischen Sprachen, Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft IX, Dorpat 1879.

³ Björn Collinder — Indouralisches Sprachgut, Uppsala Universitets Årsskrift 1934, Filosofi, språkvetenskap och historiska vetenskaper 1.

ский вин. ед. ч. *vee* < **veden* < **vedet*, — и слово (в данном случае индоуральское чередование *o* ~ *e*) и падежное окончание совпадают! Русское 1-ое лицо множественного числа настоящего времени *ведём* < **vedemъ* < **vedemos*, 2 л. наст. вр. *ведёте* < **vedete* = эст. те же формы *veame* 'везём, ведём' < **vedämtte* < **vedäktek*, *veate* < **vedätte* < **vedäktek* — основа слов та же, значение несколько отличается, в окончаниях есть решающие общие элементы с разными прибавочными звуками; русск. *топ* < **tъ-tъ* = эст. *too*, осн. *to-* и *tolle-* и т. д.

Следующая категория общих элементов в русском и эстонском языках восходит к праязыковому состоянию славянских и прибалтийско-финских языков, которое имело место в основном одно-временно, может быть с небольшими хронологическими отклонениями в начале и в конце этих периодов, каковые к тому же довольно трудно точно определить. Правда, Й. Миккола (J. Mikkola)⁴ и его последователи в этом вопросе утверждают и сейчас, что никаких праславянско-прибалтийско-финских взаимных заимствований вообще не было, что славяне и финны встретились довольно поздно, самое раннее около VIII века нашей эры, и что в это время уже не было никакого „праславянского языка“, но существовал язык „прарусский“. На это можно возразить, что по археологическим данным славянская колонизация на север началась уже раньше VIII века, что прибалтийско-финские племена жили в то же время значительно дальше на юго-восток, что уже в первой половине первого тысячелетия нашей эры прибалтийско-финские племена жили рядом с северной группой славян в верховьях Западной Двины, Днепра и Волги, и что соприкосновения между славянами и прибалтийскими финнами могли существовать по Днепровскому и другим водным путям уже до того, как эти народы попали в непосредственное взаимное соседство, прерывая повидимому не особенно широкую полосу прабалтийцев, которая, по предположению Миккола⁵, Фасмера (M. Vasmer)⁶ и других,

⁴ J. J. Mikkola — *Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen sprachen I. Slavische lehnwörter in den westfinnischen sprachen*, Helsingfors 1893, также как VIII том *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, Helsingfors 1894, стр. 31; новое переработанное издание *Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch*, *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* LXXV, Helsinki 1938, стр. 9.

⁵ Устно автору высказанное мнение.

⁶ M. Vasmer — *Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung*, Preussische Akademie der Wissenschaften. *Vorträge und Schriften*, Heft 5, стр. 10.

отделяла первоначально славян от финнов. Но в аргументации Фасмера имеется тут всётаки известная неточность: по его мнению, прабалтийцы отделяли прибалтийских финнов от славян, а последние отделяли прабалтийцев от иранцев, так как в балтийских языках иранских заимствований нет, в финноугорских же языках такие заимствования существуют, и финноугры были условно соседями иранцев. Значит, — славяне соприкасались с иранцами, финноугры тоже, прабалтийцы же не соприкасались с иранцами, но соприкасались с прибалтийскими финнами и праславянами. Отсюда логически вытекает, что древние финноугры или древние финны, с одной стороны, и древние славяне, с другой, отделяли древних балтийцев от иранцев, а это могло иметь место лишь в том случае, если между древними славянами и древними финнами или финноуграми никакого другого народа не было, и они действительно, могли соприкасаться между собою.

С точки зрения географии и археологии это вполне возможно. Финноугры жили на Оке и на Волге (т. н. Ананьинская культура), а славяне в верховьях и на притоках Днепра и также в верховьях Волги, — разве только большие леса между притоками Днепра и Оки известным образом разделяли их. Никакого другого народа между ними не знает ни история, ни археология, и если бы древний балтийский клин простирался, действительно, так далеко на юго-восток, то он должен был бы непременно соприкасаться с иранцами, чего однако никто не утверждает.

В этой связи следует обратить внимание ещё на один вопрос: когда кончилась, собственно говоря, эпоха славянского языкового единства? И тут высказывались разные мнения, расходящиеся в определении конца этого периода почти на 1000 лет — от II века нашей эры до чуть ли не XIII века. Не буду вдаваться в подробное рассмотрение и этого вопроса, укажу лишь, что я лично считаю правильным мнение проф. Трубецкого⁷, что последним общеславянским языковым процессом было падение слабых *ъ* и *ь* в конце и внутри слов и вокализация сильных *ъ* и *ь*, что произошло в период времени от IX до XII в., начиная с юга славянского мира и кончая его севером. Конечно, славянские народы занимали тогда более или менее свои теперешние места, но между ними существовало ещё языковое общение, — венгерский клин

⁷ N. Trubetzkoy — Zeitschrift für slavische Philologie Leipzig I, 1925, стр. 319.

ещё не отделял (до конца X века) южных славян от западных и восточных, ещё не было постоянных государственных границ, которые стали потом и границами языков⁸.

Что же касается распада общерусского языка на языки великорусский, белорусский и украинский, то тот же автор считает началом этого процесса тоже XII—XIII века⁹. Отсюда следует, что общерусский язык существовал, собственно говоря, как наречие общего древнего славянского языка, а с этой точки зрения все обще- или древне-русские заимствования в прибалтийско-финских языках являются в то же время и древними общеславянскими, причём сама древнеобщеславянская¹⁰ их форма может указывать только на начальный и конечный моменты возможного времени этих заимствований, в границах, может быть, более, чем тысячи лет, но никак не на их точную дату. По историческим, археологическим и иным соображениям мы допускаем, что эти заимствования были сделаны, вероятно, в конечный период существования их фонетических оригиналов.

Конец этого общеславянско-общерусского периода совпадает таким образом с концом первоначальной эстонской независимости в начале XIII века. До этого времени русские и эстонцы были уже по данным только русских летописей около 400 лет в постоянном контакте, а юго-восточная часть Эстонии по временам была подчинена русским и платила им дань. Тут именно, на месте древнего эстонского городища Tartu (у Генриха Латыша в хронике XIII века *Thaгарatum*) Ярослав Мудрый основал в 1031 году свой город Гургевъ = Юрьев, который снова оказался временно в русских руках в 1061 г.¹¹ В этот период было сделано большинство древних, общеприбалтийско-финских заимствований, может быть даже одновременно в вепский (весь), водский и эстонский языки, а через

⁸ Эта мысль находит интересную поддержку и со стороны археологии. Ср. А. Б. Арциховский, Советская Этнография 1946, I, стр. 89: „Итак археологические признаки позволяют предполагать тесные культурные связи, соединявшие в X—XIII вв. весь славянский мир от одного его края до другого“.

⁹ N. Trubetzkoy — Zeitschrift für slavische Philologie I, Leipzig 1925, стр. 294, 305.

¹⁰ Этим термином я обозначаю то, что в западноевропейской филологии называется „праславянским“.

¹¹ *Tartu* < **tarpätto* 'изобилующий зубрами', от слова *tarvas*: *tarpān* 'зубр', индоевропейское заимствование, ср. латинское *taurus*, греческое *ταῦρος*, слав. *туръ*; ср. эст. местное название *Kobratu* < **koprätto* 'изобилующий бобрами' (этимология проф. П. Аристэ).

них и в более северные языки — карельский, сумский, ямский (Suomi, Häme), через латышский и эстонский языки и в более западный ливский язык (либь). Интересно указание В. Штейница (W. Steinitz), что в прафинноугорском языке нужно предполагать несколько редуцированных сверхкратких гласных, и что из индоевропейских языков такие же редуцированные гласные встречаются только в праславянском языке (ъ, ь). Он не считает себя компетентным утверждать, что мы имеем тут дело с финноугорским влиянием, но он повидимому не далёк от допущения такой мысли, если бы она по другим общим соображениям оказалась приемлемой¹².

Такие же мысли высказывал М. Веске (M. Weske), правда, в неопределённой форме¹³, что особенно подчёркивает Миккола¹⁴.

С финской стороны могли быть заимствованы в это время такие слова, как южно-русское *ятка* 'палатка, торговое место на базаре, рундук под холщёвым навесом'¹⁵, польское *jata, jatka* 'будка, что-то вроде маленького амбара', сербское *jata, pojata* 'клеть', и т. д., < **ěta*, **ětka* < **aita*, **aitka* < ~ финск. *aitta*, эст. *ait* 'амбар', 'клеть', слово это встречается во всех прибалтийско-финских языках, за исключением водского, ср. литовское *aitvaras* 'домовой дух, приносящий разное добро' и т. д.¹⁶. Славянские слова пытались до сих пор объяснить из русского *хата* (= немецкое *Hütte*!) и от глагола *ехать*¹⁷, но Мошынський (K. Moszyński) совершенно справедливо считает эти объяснения недостаточными¹⁸.

¹² Wolfgang Steinitz — Geschichte des Finnisch — Ugrischen Vokalismus, Acta Instituti Hungarici Universitatis Holmiensis, Series B, Linguistica 2, Holmiae MCMXLIV (Stockholm 1944), стр. 138—141.

¹³ М. П. Веске — Славянско-финские культурные отношения по данным языка I, Казань 1890, во многих местах на страницах 138—303, напр. стр. 140, 169 и т. д.

¹⁴ Mikkola — Berührungen, стр. 12—21. Нужно указать на то, что Миккола совершенно не считается с тем обстоятельством, что Веске намеренно отложил более детальную разработку общих положений, однако следующие части его исследования в печати не появились, вследствие преждевременной смерти автора.

¹⁵ В. Даль — Толковый словарь живого великорусского языка IV, СПб 1912, столб. 1586.

¹⁶ Об употреблении этого слова в разных славянских языках см. А. Харузин, Славянское жилище в северо-западном крае, Вильна 1907, стр. 67 и 71.

¹⁷ A. Brückner — Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków 1927, стр. 201.

¹⁸ K. Moszyński — Kultura ludowa słowian I, Kraków 1929, стр. 505.

Указанные выше слова впервые сопоставлены Лиденом (E. Lidén)¹⁹, который считал литовские и славянские слова оригинальными, а прибалтийско-финские — заимствованными из литовского²⁰. Он должен всё же признать, что ни в одном языке они не имеют удовлетворительной этимологии. У великоруссов от этого слова не осталось следов, и только у западных и южных славян, а также украинцев (возможно, и у белоруссов) оно сохранилось, но большей частью утратило своё основное значение, обозначая разного рода временные специальные будки, мясные ряды, лесные и охотничьи палашки, хлева, даже жилые дома и т. д.²¹. Это указывает на то, что слово это оригинально, у прибалтийских финнов и заимствовано у балтийцев и славян. Впрочем это заимствование указывает на возможность западного от прибалтийцев контакта между древнеобщеславянами и древнеобщефиннами, на что указывают и некоторые другие моменты, хотя бы общефинское название русских *venäläiset* 'русские', *venäjä* 'Россия' < **venäjä* < германское *vened-* < иллирийское *venet*.²²

Древним заимствованием является также русск. *лемешка* 'суп', польское *lemieszka*, украинское *лемішка*, ср. финск. *liemi*, эст. *leem*, венг. *leves*. Тут, пожалуй, оригиналом могла служить даже какая-нибудь восточная финноугорская форма вроде **lemeš*, из чего венг. *leves* (*m* ~ *v*)²³.

С эстонской же стороны в конце этого периода заимствованы древне-русские местные названия: река *Норова*, *Нарова* < эст. *Narva*, а также названия эстонских племён: *чудь Норова* < эст. *Narva eestlased*, *narvalased*, и *чудь ерева* ~ *Järva eestlased*, *järvalased*, пови-

¹⁹ E. Lidén. Le Monde Oriental V, Stockholm 1911, стр. 199—202, с указанием литературы. См. также J. Kalima, Itämerensuomalaisten kielten balttiläiset lainasanat, Helsinki 1936, стр. 88—90.

²⁰ Ср. также E. Berneker — Slavisches Etymologisches Wörterbuch I², Heidelberg 1924, стр. 450.

²¹ Ср. старочешское *jata*, *jatka* в значении 'каплица идола, пещера', Berneker op. cit. стр. 450.

²² V. Thomsen — Den gotiske sprogklassens indflydelse 109, 159. Mikola — Die älteren Berührungen 13 сл. Urslavisches Grammatik I (Heidelberg 1913), стр. 7 и др.

²³ A. Brückner — Słownik etymologiczny języka polskiego (Krakow 1926—1927, стр. 294) считает это слово производным от названия части плуга *лемех*. Ср. F. Kalima Die Ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen (= OFLR), Helsinki 1915, так же как Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne XLIV, Helsinki 1919, стр. 151 сл.

димому, позднее заимствовано название *чудь-торма* (уже не *торома*) < эст. *Torma eestlased, tormalased*.

Сюда же относится древне-русское название города Нарвы — *Ругодивъ* < **ruṅkoteivāhen (küla)*²⁴, древне-русское название Таллина — *Колывань* < эст. **kalevan litna*²⁵ и т. д., а также личные имена *Колыван* и *Колывановичи* в русских летописях и былинах, как отражение того факта, что и дружинники эстонского происхождения принимали некоторое участие в начальном строительстве русского государства, — по летописному рассказу чудь (т. е. главным образом эстонцы), весь и меря даже участвовали в легендарном призвании варяжских князей. Самое эстонско-финское слово *kalev*: *kaleva* 'герой' считается Карстеном (Karsten)²⁶ заимствованным из древне-русского *кольбягъ*, а это, конечно, древне-скандин. *kylfingr*, — известная категория варягов, викингов, — мнение, которое представляется весьма правдоподобным, хотя имеется и много других этимологий слова *Kalev*.

К концу того же периода относится заимствование древнейшей христианской терминологии в прибалтийско-финских языках, в том числе и в эстонском: эст. *rist* 'крест' < др.-русс. *крѣстъ*; эст. *pagan* 'язычник' < др.-русс. *поганъ*; эст. *raamat* 'книга' < др.-русс. *грамота* < греч. *γραμματα*; эст. *papp* 'поп' < др.-русс. *попъ*; эст. *nädal* < др.-русс. *недѣля*, с отражением древнего *ĕ* = *ä*, может быть и некоторые другие слова.

Со времени завоевания Эстонии немецким Тевтонским орденом и датчанами (начало XIII века) русско-эстонские языковые связи были ограничены, — они могли иметь место главным образом в приграничных районах. Эстонцы играли в этот период уже второстепенную роль, являясь подкомандными военными массами и впоследствии даже крепостными. Наблюдаются случаи бегства от немцев в область Великого Новгорода и Пскова. Положение дел не меняется в смысле языкового контакта с русскими соседями и во

²⁴ M. Vasmer — *Eesti Kirjandus* XIV, Tartu 1920, стр. 202. Представленную Фасмером форму нужно считать аналогичной вместо фонетически правильного **ruṅkoteipāhen küla*, ном. **ruṅkoteiḃas*.

²⁵ R. Ekblom — *Kolyvan, une contribution à l'histoire des noms de la capitale de l'Estonie*, *Språkvetenskapliga Sällskapet i Uppsala förhandlingar*, jan. 1925—dec. 1927, *Uppsala Universitets Årsskrift* 1927, *Filosofi, språkvetenskap och historiska vetenskaper* 6, стр. 6.

²⁶ T. E. Karsten — *Germanisch-finnische Lehnwortstudien*, Helsingfors 1915, стр. 244.

время польского и шведского владычества в Эстонии (XVI и XVII вв.) за исключением, конечно, кратковременных периодов русского господства в восточной части Эстонии. К концу этого периода относятся случаи бегства старообрядцев из России на западное побережье Чудского озера, где и теперь существует несколько многотысячных, главным образом старообрядческих, русских поселений, состоящих обыкновенно из ряда деревень. Имела место и заметная послевоенная русская колонизация вглубь Эстонии, но эти колонисты в течение столетий целиком эстонизировались, оставивши по себе кое-какие исторические воспоминания, собранные почти по всей Эстонии Исторической Комиссией Эстонского Литературного Общества (*Eesti Kirjanduse Selts*), некоторые фамилии и местные названия русского происхождения, вероятно, и некоторые чисто-антропологические следы, поскольку русские поселенцы принадлежали к другим антропологическим типам, чем окружающие эстонцы. Окончательную эстонизацию русских колонистов XVI—XVII в. в Ийсаку (на север от озера Пейпус) можно было наблюдать, так сказать, своими глазами. Эти колонисты — лютеране, и лютеранская церковь, вместе с эстонским окружением, играла решающую роль в их эстонизации. На антропологической карте Эстонии (д-р Аул) Ийсаку представляет собой остров т. н. восточно-европейского антропологического типа, занесённого сюда в большом количестве русскими колонистами²⁷.

В это время произошли, конечно, и взаимные словарные, а может быть и другие языковые заимствования, но, кажется, до сих пор не обнаружено в этой области никаких конкретных данных, за исключением некоторых предположений без специальной мотивировки.

После более глубокого изучения как Псковского наречия, так и восточно-эстонских наречий, может быть положение в этом отношении изменится. Пока можно указать на некоторые заимствования местных названий, например: др.-русск. *Раковоръ* < эст. *Rakvere*, теперь русск. *Раквере*, или др.-русск. *Пайда* < эст. *Paide*, теперь русск. *Пайде* < эст. *Paide*, и т. д.

Следующий период русско-эстонских языковых соприкосновений обнимает время от начала XVIII века до 1917 года, — время владычества царской России в Эстонии. Русское влияние во всей

²⁷ О русской колонизации в Ийсаку см. O. Liiv, *Vene asustusest Alutaguses, Tartu* 1927.

Эстонии усиливается, но почти в течение двух столетий оно тормозится местным чисто-немецким земским устройством, в котором только в начале XIX века эстонский элемент начинает принимать некоторое участие. Русское влияние увеличивается сильно в конце XIX века, когда начинается настоящая руссификация школ, администрации, судов, недавно созданной железнодорожной сети и т. д. В это время было заимствовано в эстонский язык довольно много русских слов, главным образом для обозначения административных понятий, вроде эстонских слов *uräädnik* < русск. *урядник*, эст. *kardavoi* < русск. *городовой*, эст. *miravoi kohus* < русск. *мировой суд*, эст. *pristav* < *пристав*, *krepost* < *крепость*, *obrok* < *оброк* и т. д., а язык эстонских школьников, солдат-ветеранов и пограничных жителей иногда уже походил на какой-то русско-эстонский жаргон, вроде *kirpitsa savodi truba tõmitab* 'труба кирпичного завода дымится' или *enne tuleb složiitada, siis tuleb võtšitaitada, siis potnnoožitada ja lõrpeks deliitada* 'сперва нужно сложить, потом вычесть, затем помножить и наконец разделить' (из ученического жаргона конца царского времени).

В то же время в эстонский язык проникло через русский язык много западно-европейских слов, иногда и в русской фонетической форме, например эст. *vaksal* < русск. *вокзал* < англ. *Vaux Hall*, эст. *patarei* < русск. *батарея* < франц. *batterie* и др. Но поскольку в Эстонии знание западно-европейских языков, в особенности в более ранние времена немецкого, было довольно распространено, часть заимствованных через русский язык слов получила всё же, так сказать, западно-европейскую форму, например: эст. народное *kimnaas*, литературное *gümnaasium* < русск. *гимназия*, немецкое *Gymnasium*; эст. раньше *kultuura*, теперь *kultuur* < русск. *культура*, немец. *Kultur*; эст. *sinod* < русск. *синод*, но эст. *sünoodiline* 'синодический' < зап.-евр. *sünod* - < греч. *σύννοδος* -.

В конце этого периода, начиная с середины XIX века, началась довольно сильная эстонская колонизация в Россию, главным образом в Ленинградскую и Псковскую области, но также и на Кавказ, в Сибирь и другие места России. Это увеличило до некоторой степени поверхность соприкосновения между русским и эстонским языками. В язык эстонских колонистов проникло довольно много русских слов, напр. эст. *puustus* < русск. *пустошь* — название земель, которые главным образом заселялись эстонцами, эст. имен. мн. ч. *kasetid* < русск. *газеты*, вместо более раннего народного

эстонского *seitungid* < нем. *Zeitung* (теперешнее эстонское *ajaleht* 'газета', собственно „лист времени“).

Но и в русские говоры Эстонии и даже в пограничные с Эстонией области проникло в это время известное количество эстонских слов, например: *тютужи*, *китуши*, *кутуши* и т. д. < эст. *kütis* 'известный способ обжигания хвороста и почвы перед её обработкой' от слова *kütma*, 'топить печь'; русск. *палькия*, *балька* 'бревно' < эст. *palk* < нем. *Balken* (прямо из немецкого заимствовано русское *балка*, без палатализации), русск. *ляник* 'посуда для молока' < эст. *lännik*, водское *lännikko*, ср. финское *lännyttää maitoa* 'окислять молоко в посуде' и т. д. Из таких слов русск. *калика* 'брюква' < эст. *kaalik(as)* распространилось очень широко по всей России, где оно конкурирует в разных формах: *калига*, *калефка*, *каля* и т. д. со словом *брюква*.

Со времени Петра I в северо-западной части России стало известно слово *мыза* 'имение' < эст. *mõisa*, а вместе с таллинскими *кильками* < эст. *kilu* эстонское название маленькой таллинской рыбки обошло не только всю Россию, но и Украину, Белоруссию, Польшу и некоторые другие края, вплоть до Америки.

В период буржуазной Эстонской республики (1918—1940) языковые связи с массой русского народа в СССР ослабли до минимума, но сохранились таковые с русским населением Эстонии (ок. 90 000 человек) и с некоторым количеством русской эмигрантской интеллигенции, а также с русским языком в Латвии, в Риге (Рижская газета „Сегодня“ была очень популярна в Эстонии, где издавалось к ней приложение „Вести дня“), отчасти и в других государствах. За это время проникло в эстонский язык известное количество советской русской терминологии, отчасти прямо, через оптантов из СССР в Эстонию, газеты и т. д., отчасти же окольными путями, через русских эмигрантов и их газеты и т. д. К таким словам принадлежат эст. *kolhoos*, *kolhoosnik*, *sovhoos* и др.. Слово *kulak* в эстонском языке было известно уже с царского времени.

В пределах буржуазной Эстонской республики увеличилось влияние эстонского языка на русские наречия, вследствие экономических, а также административных и культурных связей с большей массой эстонского населения. Было заимствовано известное количество слов, касающихся администрации, например, русск. *валда* < эст. *vald* 'волость', русск. *вállамáя* < эст. *vallamaja* 'волостной дом', русск. *изикума́кс*, *тулума́кс* 'личный налог, подоходный налог' < эст.

isikumaks, tulumaks; — аграрной реформы: русск. *азуник* 'новоземелец' < эст. *asunik*; русск. *лайн* 'банковский заём для новоземельцев' < эст. *laen*, южно-эст. *lain* (обыкновенный заём носил всё же старое русское название); русск. простонародное *пида, пиду* 'вечеринка по эстонскому образцу, с известной программой' < эст. *pidu*, ср. эст. *praasnik* 'гулянье без особой программы' < русск. *праздник*.

Интересно, что в русском языке в Эстонии отразилась и ироническая терминология спиртных напитков: самая большая бутылка вина (бывшая четвертная) носила название и по-русски *ригиванем* < эст. *riigivanem* 'старшина, т. е. глава государства', несколько меньшая бутылка (1 литр) — русск. *пыллумес* < эст. *põllumees* 'земледелец, сельский хозяин', тогда как самая маленькая бутылка (бывшая сороковка) называлась по-русски *азуник* < эст. *asunik* в том же значении, первоначально 'новоземелец'. Последнее слово употребляется и сейчас.

С 1940 года Эстония входит в семью братских республик СССР. Это означает новый языковой контакт с массами русского населения СССР, обучение русскому языку в школе, сильную струю влияния советской литературы и журналистики на русском языке и т. д. Социальный удельный вес русского языка повышается. Эстонский язык, как фактический государственный язык большинства населения ЭССР, удержал, конечно, чисто-юридически и почти целиком практически все свои позиции. Представительства центральных властей СССР пользуются здесь тоже главным образом эстонским языком, хотя некоторые их функции, например, сношения с центром выполняются на русском языке; отчасти на русском языке почтовые бланки, целиком марки и железнодорожные билеты. Влияние эстонского языка на русские говоры в Эстонии несколько ослабело, так как русские в Эстонии теперь не отрезаны от стомиллионной массы коренного русского населения в РСФСР, как это в большой мере наблюдалось во время буржуазной республики, да и в самой Эстонии русский элемент значительно усилился. С другой стороны, новые потребности, связанные с развитием советской культуры в Эстонии, стимулируют эстонский язык и заставляют его развиваться в усиленном темпе, чтобы быть в состоянии полностью отражать развитие социалистической по содержанию, национальной по форме эстонской культуры. К этому следует добавить, что эстонский язык является теперь одним из 16-ти главных языков СССР, на нём печатается в Москве эстонское издание Ведомостей СССР (NSVL Teataja), официальные информационные сооб-

щения в центральных газетах и некоторые другие издания. Эстонский язык употребляется и на заседаниях Верховного Совета СССР.

Победоносное наступление Советской Армии, в состав которой входил и Эстонский Национальный Корпус, положило конец немецко-фашистской оккупации и навсегда выбило немцев из ЭССР.

С этого времени в Эстонии опять восстановлен status quo 1940—41 года. Факт освобождения Эстонии Советской Армией сближает русский и эстонский народы в ЭССР и помогает залечивать те раны взаимных обид и огорчений, которые были почти во всей своей совокупности вызваны немецкой оккупацией.

После 1944 года русско-эстонские языковые отношения вступают снова на мирный путь культурного сотрудничества и неизбежных при этом взаимных влияний, являющихся проявлением как внутреннего роста и развития обоих языков, так и их культурного и политического взаимодействия. Поверхность соприкосновения между русским и эстонским языками заметно расширилась: эстонцы массами посещают РСФСР, в Эстонии пребывает значительный контингент представителей и сотрудников разных ведомств и учреждений СССР. Сюда приезжает также по житейским надобностям довольно большое число русских из пограничных с Эстонией и даже более далёких областей. По всей Эстонии работает сейчас 58 русских школ, а при 45 эстонских школах имеются русские классные комплекты, общее число всех вообще русских классных комплектов превышает 500. В очень многих совхозах Эстонии имеются сейчас русские колонии.

Каковы же результаты этих русско-эстонских языковых соприкосновений за всё время их существования? Область эта ещё окончательно не разработана, однако, на основании уже сделанных до сих пор исследований, можно дать следующую, так сказать, минимальную сводку этих результатов:

1. Русских словарных заимствований в эстонском языке вообще наберётся, вероятно, несколько сот. Миккола („Berührungen“) насчитывает их около 150, но эта работа далеко не исчерпывающая. В восточных наречиях эстонского языка таких заимствований имеется более тысячи, — в одном лишь юго-восточном эстонском сетуском наречии М. Муст (M. Must) установила только на основании письменных записей около 900 заимствований.

Несколько эстонских заимствований (*килька*, *мыза*, отчасти даже *калика*, *сопец* 'рулевое весло, руль') известны более или менее во

всём русском языке, отчасти даже за его пределами. Несколько десятков эстонских заимствований обнаружено мною до сих пор в пограничных с Эстонией частях Ленинградской и Псковской области, более 300 в русских говорах в пределах самой ЭССР.

В данном докладе нет возможности остановиться на анализе этих заимствований в отношении их фонетики, морфологии, семантики и синтаксиса, а также по категориям культурных понятий, — этим вопросам мною посвящено специальное исследование, пока в рукописи. Скажу только, что этот анализ должен идти рука об руку с анализом самих явлений и предметов культуры, т. е. с чисто-этнографическим анализом. При этом следует установить, обозначает ли данное слово этнографически новый предмет, новую разновидность уже раньше существовавшего предмета, или же является только заменой прежнего слова другим, безо всяких изменений в самом обозначаемом предмете. Следует также иметь в виду, что довольно часто заимствуются и слова, имеющие психологическую, так сказать, аффективную ценность. Очень широко известно, например, в русском языке эстонское слово *kurat* 'чорт', иногда иронически даже в значении самого эстонца, а более сильные из русских ругательств известны на всей территории эстонского языка. Взаимно заимствованы некоторые слова и своего рода „дубинной“ терминологии, напр. эст. *tubin* < русск. *дубина*, русск. *вемблешки* 'розги' < эст. *veemal* 'дубина' и т. д. В последнее время замечается частое употребление русскими в ЭССР эстонского приветствия *tärs* < эст. *tere* 'здравствуй' (< эст. *terve* 'здоровый').

2. В области фонетики следует считаться с русским влиянием на некоторые эстонские наречия с их более сильной палатализацией по сравнению, например, с финским языком, где палатализация перед *i* значительно слабее, чем в эстонском и ливском, а также в венском и карельском языках, более подверженных палатализующему влиянию непосредственно соседнего русского языка²⁸. Кстати, на юге эстонской территории и в ливском языке тут мог оказать известное влияние и латышский язык, а ещё раньше, может быть, и общепалтийский язык. Русским же влиянием можно объяснить и некоторые „передние“ нюансы эстонского *õ*, например в сетуском и вырусском наречии, где этот звук иногда и передаётся в диалекте через русское *ы*. Правда, была сделана попытка объяснить возник-

²⁸ L. Kettunen, Viron kielen äännehistorian pääpiirteet. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 156, osa, Helsinki 1917, стр. 66.

новение эстонского \tilde{o} ($= e$) вообще русским влиянием²⁹, однако это едва ли правильно, так как эстонское \tilde{o} в основном другой звук (e), чем русское $ы$ (i), и восходит в большинстве случаев к общеч-финскому e , произношение которого, повидимому, было идентично произношению нормального эстонского \tilde{o} ($= e$).

Русским влиянием объясняется также спорадическое появление звонких b, d, g вместо общеэстонских почти глухих v, d, g в юго-восточных говорах эстонского языка, а также в языке эстонцев, долго проживавших в русском окружении³⁰.

Можно ещё отметить спорадическое появление русского „глубокого“ $л$ в юго-восточных эстонских говорах и вообще следы более эмфатической, палатальной „русской“ артикуляционной базы в языке эстонцев, соседящих с русскими. Эстонским же влиянием можно объяснить псковское и отчасти северо-западное русское цоканье, замену $ш \sim с, ж \sim з$ (в эст. языке нет звуков $ч, ш, ж, з$), некоторые случаи диспалатализации (неопределённое наклонение *купит*; *кон, тепер* и т. д.), переноса ударения на первый слог (в эст. языке ударение почти всегда на первом слоге), спорадического появления эстонских v, d, g, l вместо русских $\tilde{o}, \tilde{d}, \tilde{g}, l$, вообще проявления „эстонского“ акцента (менее палатального и эмфатического, вообще более нейтрального произношения) в русских говорах в Эстонии и у части русских, долго проживавших в эстонском окружении или соседстве³¹.

3. В области морфологии можно отметить обильное снабжение заимствованных слов своими, подчас и заимствованными суффиксами, напр. русск. *ределька* < эст. *redel* 'лестница' (< нижненемецкое *ledder*); эст. *piirakas* < русск. *пирог*; эст. сетуское наречие *kupetsnik* < русск. *купец*; русск. в Ийсаку *армастабит* < эст. *armas-tab* 'любит'; русск. в Калласте *киклеится* < эст. *kiitleb* 'хващается' (с псковским переходом $tl > kl, dl > gl$)³²; русск. причудское *трех-*

²⁹ C. Hörschelmann — Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1902, Dorpat, Anhang 37—49.

³⁰ L. Kettunen, Viron kielen äännehistorian pääpiirteet.

³¹ В. Н. Чернышев, Русский Филологический Вестник LVII (1902), стр. 117—118, Т. Lehr-Splawinski, Rocznik Slawistyczny IX, стр. 52—54, А. М. Селищев, Slavia X (1931), стр. 718—741, с указанием литературы, он же в Mémoires de la Société Finno-Ougrienne LXVII (1933), стр. 369—376, ср. также S. Dobrzycki, O tak znanem mazurowaniu w języku polskim, Kraków 1900, стр. 21—23, и др.

³² Переход этот повидимому балтийского происхождения, ср. лит. *ęglė*, латышск. *egle* 'ель', польск. *jodla*. Ср. Mikko la, Urslavische Grammatik I (Heidelberg 1913), стр. 10.

вамаць < эст. *trehvama* 'итти на свидание' < (нем. *treffen*), русск. причудское *патцеримыць* < эст. *patseerima* 'гулять' (< нем. *spat-zieren*); русск. причудск. *мәньгәмәць* 'играть' < эст. *mängima, mängmä* — способ образования неопред. накл. с двойными суффиксами таков же, как в русском *дефинировать* < нем. *definieren* < лат. *definire* и т. д. Сравнительно редки спорадические случаи заимствования уже готовых форм склонения, спряжения, сравнения и т. д., напр. русск. *дай суйцу*, *дай тульд*, 'дай покурить', собственно говоря, „дай дыму“, „дай огня“, или эстонское *ja muudkui padavai minema* = „и только давай бог ноги“.

4. В области семасиологии можно отметить некоторые случаи совпадений между русским и эстонским языками, причём не всегда легко установить, какой язык повлиял на какой, или каким возможным третьим источником это сходство обусловлено.

Примеры: русск. *журавлиные ягоды* = эст. *kuremarjad*, русск. *мышинный горох* = эст. *hiirehernes*, русск. причудск. *муравьиное гнездо* 'муравейник', ср. эст. *sipelgapesa*.

5. В области фразеологии можно отметить известные одинаковые обороты речи в русском и эстонском языках, причём опять-таки не всегда легко установить их происхождение и направление влияния, например, русск. *волос долог, ум короток* = эст. *pikk juus, lühike ari* и т. д. В других, более редких, так сказать, местных случаях можно определить и направление влияния, напр. эст. *lõppude lõpuks*, теперь *lõppeks* < русск. *в конце концов*, русск. *не достаю писать* < эст. *ma ei saa kirjutada* или русск. *все чисто ругают* < эст. *kõik puha sõimavad* и т. д.

6. Некоторое влияние русского, а также, может быть, и церковнославянского синтаксиса встречается в литературе религиозного содержания православных эстонцев, например эст. *püha Matteuse evangeeliumist lugemine* < русск. *из евангелия св. Матвея чтение* и т. д. Интересно при этом отметить, что существует ряд словарных дублетов в языке православных и лютеранских эстонцев для обозначения сходных понятий, например: правосл. эст. *kamilafka* < русск. *камилавка* = лютеранск. эст. *barett* < нем. *Barett*; правосл. эст. *trebnik* < русск. *требник* = лютер. эст. *agenda* (< лат.); правосл. эст. *panikadiil* < русск. *паникадило* = лютеран. эст. *kroonlühter* (< нем. *Kronleuchter*); правосл. эст. *prosvir* < русск. *просвира* = лютер. эст. *oblaat* (< лат.).

Влияние русского синтаксиса возможно и в восточных эстонских народных говорах, хотя в этой области сделано мало наблю-

дений. В современном эстонском литературном и газетном языке также попадают иногда синтаксические руссизмы, например: *võitlus kodumaa eest* < русск. *борьба за родину* (ср. эст. *viie rubla eest* = русск. *за пять рублей*, — раньше говорили *võitlus kodumaa pärast* = 'из-за родины'), или *hääletame kellegi eest*, русск. *голосуем за кого-нибудь*, тогда как раньше говорили *hääletame kellegi poolt*, соб. 'со стороны, на стороне кого-нибудь'. Можно, пожалуй, объяснить эстонским влиянием и обороты вроде *здесь уже было*, ср. эст. *siin on juba oldud*. Впрочем, такие причастные обороты свойственны всем прибалтийско-финским языкам, латышскому и отчасти литовскому языку, и делом специального исследования является установление взаимных связей в этом отношении между всеми вышеупомянутыми языками. Но и в этой области имеется пока очень мало наблюдений.

Для дальнейшего, более основательного исследования русско-эстонских языковых связей необходимо сотрудничество между русскими и эстонскими филологами и диалектологическими организациями, так как отдельному исследователю не под силу установить на основании собственных записей и исследований географическое распространение хотя бы одного далеко известного слова, напр. русск. *калика, калега, калёфка, каля, калия* и т. д., встречающегося в разных формах чуть ли не на всей территории русского языка. Тут должны прийти на помощь диалектологические организации с их сетью корреспондентов, через которую можно было бы получить возможно более точные сведения о распространённости любого языкового элемента. Это нужно в особенности для того, чтобы выводить диалектные заимствования не из более далёких литературных форм, а из более близких, чисто-диалектных.

Такая диалектологическая организация с сетью корреспондентов (около 500 человек) существовала до Великой Отечественной войны при Академическом Обществе Родного Языка (Akadeemiline Emakeele Selts) в Тарту. В ближайшее время эту организацию предполагается восстановить. Такая же организация нужна в ЭССР и для русской диалектологии. Создание её уже принципиально решено и включено в пятилетний план работы кафедр славянской и балтийской филологии и русского языка в Тартуском Государственном Университете.

Организация соответствующих сетей корреспондентов желательна при Ленинградском филиале Академии Наук СССР, при Ленинградском Государственном Университете, Пединституте им.

Герцена, при Псковском Педагогическом Институте и в Гдове при Учительском Институте. Через все эти организации можно было бы провести углублённый сбор диалектологических, этнографических и фольклорных материалов, в том числе также русских заимствований в эстонском языке и их оригиналов в соседних русских говорах и, наоборот, эстонских заимствований в русском языке и их оригиналов в соседних эстонских говорах.

После окончания сбора соответствующих словарных материалов следовало бы издать общий атлас русских заимствований в эстонском языке, с указанием распространения их оригиналов в прилегающих русских говорах, а также эстонских заимствований в русских говорах, с таким же указанием их оригиналов в эстонских говорах.

По такому методу нужно было бы исследовать и все другие пограничные области между русским языком и языками других финноугорских, а также уральских языков и установить их взаимные связи.

Виллем Эрнитс.

Sisukord. — Содержание.

	Lk.
Eessõna	3
Предисловие	5
А бен, К., Ливские и эстонские элементы в латышском языке	7
А р и с т э, П., Состоялся ли в южно-эстонских диалектах переход конечного t в гортанный взрывной?	25
А р и с т э, П., Происхождение водского языка	35
К а с к, А., О методах исследования эстонских говоров	49
Л а у г а с т э, Э., Собрание и исследование эстонского народного творчества	65
П а л ь м е о с, П., Роль Тартуского Университета в исследовании финноугор- ских языков	84
У н и в е р с и т е т, А., Исследование диалектов в Эстонии и диалектологические материалы Архива Эстонского и Финноугорских языков	101
Э р н и т с, В., Русско-эстонские языковые отношения	115

1. trükk.

Vastutav toimetaja P. Ariste.

Tehniline toimetaja H. Kohu.

Ladumisele antud 5. IV 47. Trükkimisele antud 4. IX 1947. Paberi kaust 67 × 95.
¹/₁₆. Trükipoognaid 8¹/₄. Autoripoognaid 7,68. Arvestuspoognaid 8,33. MB- 05906.
 Laotihedus trpg. 42 000. Tiraaz 2200. Trükikoja tellimus nr. 616.
 Trükikoda „Hans Heidemann“, Tartu, Vallikraavi 4.

Hind rbl. 8. —

Филологические доклады на конференции по вопросам финноугорской филологии
в Ленинграде в 1947 г.

На русском языке. Эгосиздат „Научная Литература“, Тарту.

Rbl. 8.—